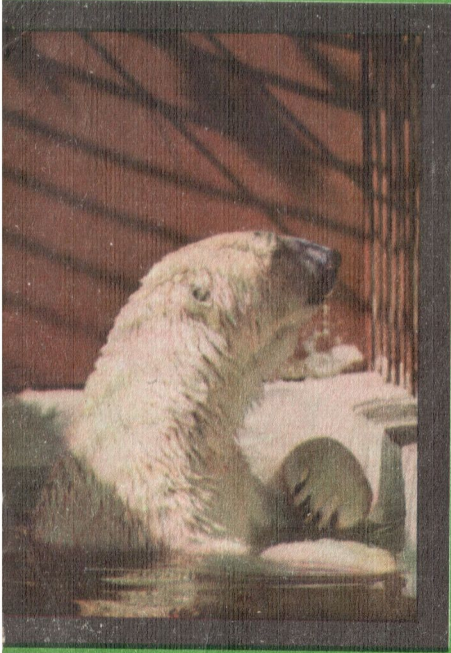
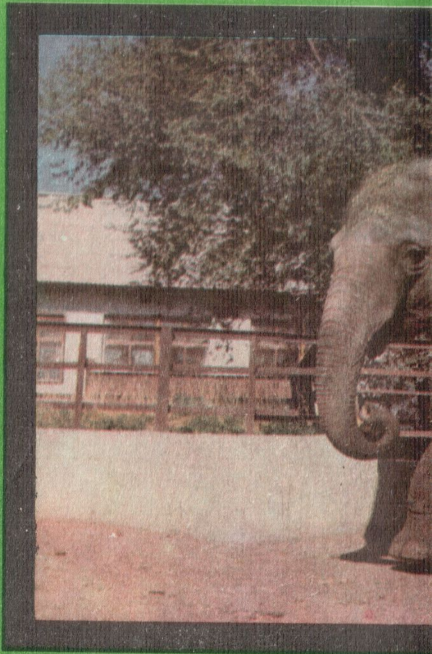
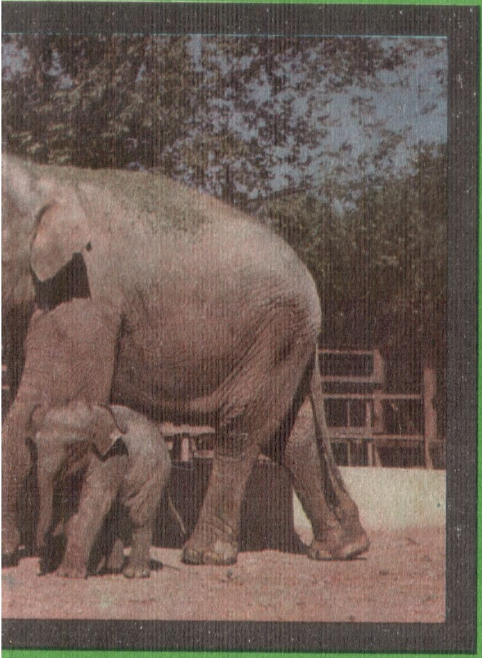
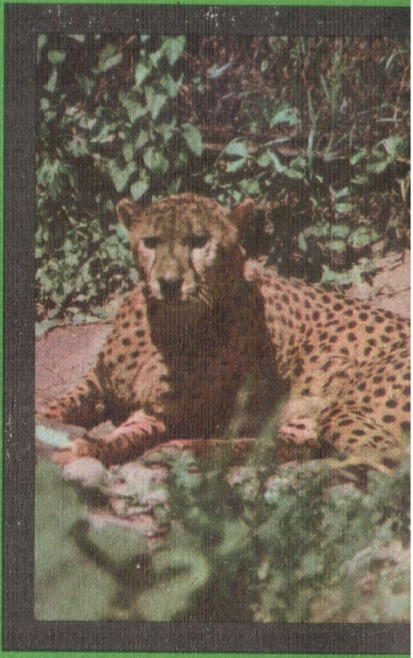
А. СИНЯВСКИЙ

АЛМА-АТИНСКИЙ ЗООПАРК





Любовь к родной стране невозможна без любви к родной природе.

К. ПАУСТОВСКИЙ

КАЙНАР

Андрей Васильевич Синявский, автор книги,— художник-анималист. И потому не может не поделиться своими наблюдениями за животными. Он дарит нам рисунки, фотографии, книги о них.
Этот человек много знает о зверях и птицах Алма-Атинского зоопарка, где работает уже почти тридцать лет. Он рассказывает о них взволнованно, с нежностью. И мы угадываем стремление не только описать увиденное, но и взволновать нас, заставить пережить с ним его радость встреч с природой.

А. СИНЯВСКИЙ

АЛМА-АТИНСКИЙ ЗООПАРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЙНАР»
АЛМА-АТА 1978

Синявский А. В.
С 38 Алма-Атинский зоопарк. Алма-Ата, «Кайнар», 1977.
140 с.

59 (074)

Это рассказы о зверях и птицах, обитающих в одном из замечательных уголков казахстанской природы — Алма-Атинском зоопарке. Его экспозиция богата, она насчитывает более 300 видов. Часть из них — редкие животные, занесенные в Красную Книгу и особо охраняемые в условиях зоопарка.
Книга интересна всем любителям природы.

$С \frac{40711 — 133}{М 403(07)—78}$ 74—75

© Издательство «Кайнар», 1978.

Человечество создало зоопарки,
поселив в клетках и вольерах
тысячи зверей и птиц.
Лишив животных привычной свободы,
окружило их любовью, заботой,
стараясь приблизить условия неволи
к естественным.
И парадокса в этом нет,
ибо назначение зоопарков —
самое гуманное: познание неизведанного,
воспитание любви к природе,
охрана редких видов животных и птиц.

ОТ ЗВЕРИНЦА — К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗООПАРКУ

...С высокого берега пруда у лодочной станции Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького открывается панорама нашего зоопарка. Отсюда хорошо виден древесно-кустарниковый массив, лентой опоясывающий его территорию и сливающийся одним концом с естественными насаждениями парковых аллей, другим уходящий далеко в горы. Близость Заилийского Алатау, богатство растительности (в ее составе есть разнообразные породы деревьев, по многим из которых зоопарк мог бы конкурировать с ботаническим садом) создает экзотику этой маленькой оригинальной «страны» площадью более двадцати гектаров. Ни зимой, ни летом не прекращается сюда оживленный людской поток.

...Уже много лет я хожу по дорожкам, ведущим к «поселениям» зверей и птиц. И не только потому, что в зоопарке рабо-

таю. Обитатели клеток и вольеров — мои друзья. Еще в детстве по необъяснимому побуждению я нарисовал птицу, которую мой отец нашел мертвой. Это был коростель, он, видимо, пролетая, задел за провода и погиб. Помню, как было жалко ее и как я не мог успокоиться, пока непослушной детской рукой на листе бумаги не создал ее образ. С тех пор прошло много лет. Я стал художником-анималистом. На протяжении всей жизни рисую и птиц, и зверей. Они знают меня: позволяют погладить, нарисовать, охотно фотографируются. Скажу только, подружились мы не сразу. Чтобы завоевать любовь обитателей зоопарка, мне пришлось поработать и ночным сторожем, и экскурсоводом, и заведующим секциями.

Удивительный, неповторимый уголок природы наш зоопарк. Гармонично вписываются в его живописный ансамбль и тихий пруд с белоснежными птицами — лебедями, гусями, пеликанами, журавлями, и просторные вольеры со слонами, турами, оленями, косулями. Даже клетки не так назойливо лезут в глаза — они теряются в окружении деревьев, образующих замысловато петляющие аллеи.

Пульс жизни здесь ни на минуту не останавливается: ни весной, ни летом, ни осенью, ни зимой. Зоопарк шумит во все времена года. И радует всегда новизной, открытиями. Если присмотреться — они всегда есть.

...Весна. Дни становятся длиннее, а лучи солнца — теплее и ласковее. И это чувствуют звери и птицы, живущие в неволе. Каждый радуется по-своему. Пеликаны, павлины, попугаи, слоны, львы, бегемоты ждут не дождутся того дня, когда их, наконец, выпустят из зимников в просторные летние вольеры под открытым небом.

Но раньше всех, пожалуй, чуют весну пернатые хищники. И самый нетерпеливый — филин. На дворе еще повсюду снег, а он уже хлопочет над постройкой гнезда — сооружает в песке ямку. И беспрерывно поет, стараясь обратить на себя внимание безразличной филинихи.

Гнездование — ответственная пора. Лебеди-кликуны в тревоге за будущих птенцов. Они становятся донельзя злыми.

Даже работники зоопарка, к которым птицы привыкли, теперь не могут без опаски заходить к ним на пруд. Меняется у кликунов отношение и к своим птенцам, которые к этому времени повзрослели: прогоняют их.

Весной в зоопарке что ни день — событие. Самцы-маралы в середине марта лишаются своего красивого убора — огромных ветвистых рогов, они отваливаются не одновременно, а иногда с интервалом в один-два дня. Странно видеть тогда животное, у которого на голове всего один-единственный рог.

Просыпаются от долгой зимней спячки сурки, суслики и барсуки. Начинается линька многих зверей. Пополняются семьи обезьян, барсуков, дикобразов и белок новорожденными малышами, а медвежата такие большие, что покидают теплую уютную берлогу. Много беспокойства доставляют эти непоседы медведице.

Уже в марте появляются первые пролетные пернатые. На территории зоопарка повсюду можно встретить гостей, возвращающихся с далекого юга: на пруды ненадолго заглядывают дикие утки, кулики, поганки. В зарослях сада стрекочут сороки, кричат дрозды дерябы, рябинники, чернозобики, кормятся вертишейки, варакушки, овсянки. Иногда заглядывают и более крупные птицы: фазаны, вальдшнепы, дикие голуби, коростели.

...Лето. По-разному его встречают обитатели зоопарка. Сброшен ненужный теперь густой шерстный покров, взамен вырос новый, короткий и редкий, без подпушки. Животные выглядят изящными, стройными. Птицы также сменили старое оперенье.

Зоопарк иногда называют царством зверей и птиц. Летом это — скорее всего царство молодняка. Куда бы вы ни заглянули: в вольеры или клетки, в загоны или на пруды,— везде есть птенцы или зверята, маленькие, очень забавные.

Хорошо прогуляться по зоопарку ранним июльским утром. В это время можно застать зверят за играми. Вот в небольшом загоне резво скачет козленок мархур. С разбега прыгает он на крутую каменную горку, сложенную посередине жилища, цепляясь за едва заметные выступы копытцами. И это не удиви-

тельно. Ловкость малыша — врожденная. Мархуры — жители гор Средней Азии и обитают высоко на неприступных скалистых вершинах.

Летом на территории зоопарка находит приют множество пернатых: в густых зарослях — черные дрозды, стропопуты, синицы, иногда коростели, розовые скворцы, на водоемах — зимородки. Некоторые из них строят гнезда и выводят птенцов.

Осенью в зоопарке на дорожках разноцветные листья. С вершин Заилийского Алатау веет прохладой. Четвероногим и пернатым обитателям вольеров прибавляется хлопот: одни из них заблаговременно до морозов перебираются в утепленные зимники, другие сами утепляют свои гнезда и логова на дворе.

Белки даже в свое знаменитое колесо, в котором резвятся летом, натаскивают прутьев, разной ветоши и устраивают домик, чтобы было где погреться в большой мороз.

К осени у самца марала вырастают рога, то есть спустя полгода, как они отпадают. Это самые большие рога среди рогатых обитателей зоопарка. Их общая длина вместе с отростками — более шести метров. Обретя грозное оружие, марал становится воинственным и неприступным. По утренним и вечерним зорям то и дело слышится его рев.

Осень — неспокойное время для австралийских попугайчиков, живущих по календарю своей далекой родины, где в это время весна; у них выводятся птенцы, маленькие, беспомощные и совсем голые.

На прудах оживление. Волнуются пернатые жители. Еще бы! Лебеди, пеликаны, гуси и все другие птицы находятся целиком во власти всемогущего инстинкта. Это время отлета птиц в дальние страны, на юг. С первых дней сентября они регулярно, с самым завидным постоянством усиленно «наламывают» крылья, готовятся к дальней дороге.

Осенью в загонах диких горных козлов неспокойно. Именно теперь полугодовалые детеныши горных козлов учатся издавать важный для них сигнал о грозящей опасности — резкий и отрывистый свист.

Зимой в аллеях зоопарка не слышно диких криков обезьян

и веселого щебета попугаев: они переселились в теплые квартиры. Тихо и на замерзшем пруду, где в тесной проруби ютятся многие водоплавающие птицы: лебеди, казарки, дикие гуси, утки, лысухи. Ежедневно по утрам служители очищают проруби от ледяного панциря, которым они покрываются за долгую морозную ночь. В кормушках, расставленных на ледяной кромке прорубей,— корм: зерно, хлеб, тертая морковь, лук, мясной фарш, мел, костная мука, соль и мучные черви. Даже очень нежные пернатые, если они сытые, способны переносить морозы, и немалые.

С приходом зимы веселее становятся жители высоких северных широт — белые медведи, песцы, северные олени, росомахи, белые совы. Чем крепче мороз, тем лучше самочувствие белых мишек. От холода их спасает плотный слой подкожного жира — как у тюленей или моржей. Почти ежедневно, несмотря ни на какой мороз, белые медведи принимают водяные ванны в бассейне, а потом еще подолгу с большим удовольствием валяются в снегу, принесенном в клетку служителями.

Зимой в зоопарке много новорожденных. Особенно часто появляются малыши у обезьян, львов, леопардов и попугаев. Приносят потомство и медведи бурые, белые и гималайские. Так что это время смело можно назвать «медвежьим». О появлении медвежат служители узнают по протяжному хрипловатому писку, который доносится из берлоги — небольшой хорошо утепленной клетки, в которую медведи залегают с осени.

В суровую зимнюю пору в саду зоопарка полно пернатых гостей — сорок, ворон, галок, черных дроздов, овсянок, чечевиц, пищух. Иногда залетают нарядные краснокрылки, дубоносы, свиристели, клесты, урагусы. Из всех этих пернатых наиболее хитры и вездесущи сороки и вороны. У клеток зверей, куда они прилетают за куском мяса, эти птицы ведут себя крайне осторожно. Стащив мясо у барса или рыси, они летят в загон зубров, маралов или ланей и там, в полной безопасности, съедают свою добычу...

«Природа не перечит человеку, если человек не перечит ее законам». Это сказал А. И. Герцен. Я часто думаю, нарушаем

мы законы природы, перенося животных из естественной среды в клетки зоопарков? Трагична ли судьба отдельных экземпляров животных и птиц, вынужденных жить в неволе? Может быть, мы эгоистичны, жестоки, делаем несчастными этих прекрасных жителей планеты, может быть, мы калечим таким образом природу?

Такие сомнения возникают не у меня одного. И, наверное, вот почему. Мы являемся свидетелями бурного развития цивилизации, но мы же можем констатировать губительное воздействие деятельности человека на природу. Это проявляется не только в насыщении окружающей среды выхлопными газами автомобилей, в заражении водоемов отходами химической промышленности — исчезают многие виды растений, насекомых, зверей и птиц. Правительства многих стран издают специальные законы и постановления об охране природы. Возникают общества, лиги, союзы, ведется большая научно-исследовательская работа. Смысл этого такой: человек нарушил естественное равновесие природы, человек может и должен его восстановить. Тем более важно своевременное принятие мер, исключающих вредные воздействия на животных и среду, их окружающую.

С удовлетворением можно отметить, что в нашей стране многое делается по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов. Вопросы охраны природы нашли отражение в государственных планах развития народного хозяйства СССР, они обсуждались на XXV съезде КПСС. Правительством Советского Союза принят специальный закон об охране природы.

...Я почти тридцать лет наблюдаю жизнь зверей и птиц в неволе. И должен со всей ответственностью заявить — зоопарк придумали люди не из рекламы и коммерции. А из любви ко всему живому, к природе. Потому что одна из целей всех зоопарков мира — сохранить хотя бы в неволе редкие, уже исчезающие виды зверей и птиц.

Коллекция Алма-Атинского зоопарка не только велика по численности видов: их более трехсот — всего две тысячи зверей, птиц, пресмыкающихся и рыб. Она и интересна: здесь можно

увидеть многих редких животных и прежде всего тех, которые занесены в Красную Книгу. Это — тигры, гепарды, черные носороги, снежные барсы, беркуты, розовые пеликаны, белые аисты и многие другие. Большую радость доставляет встреча с такими не часто экспонирующимися в зоопарках пернатыми и четвероногими, как голубые (или ушастые) фазаны с Тибета, антигонский журавль из Бирмы и Вьетнама, миниатюрные лисички фенеки из Сахары, крокодил гавиал из Индии, родственные нашим кукушкам, но более нарядные и яркие бананоеды.

Мы в постоянном ожидании встреч с новыми, еще более удивительными пернатыми и четвероногими представителями животного мира. А их все больше с каждым годом поселяется в нашем зоопарке. Совсем недавно семья зверей и птиц пополнилась удивительными выходцами из Африки — зобастыми аистами, рогатыми воронами — и ягуарами из Америки. Животных для зоопарка поставляют специальные организации, которые закупают их за границей; их отлавливают также в различных уголках Советского Союза. Часто зоопарку дарят животных охотники. Бывает, что случайно зверят и птенцов находят дети. И они тоже приносят их к нам.

Английский зоолог и писатель-анималист Джеральд Даррелл, известный в нашей стране по замечательным книгам о природе «Перегруженный ковчег», «Под пологом пьяного леса», «Земля шорохов», пишет в своей новой книге «Зоопарк в моем багаже»: «В моих глазах истребление любого вида — уголовный акт, равный уничтожению неповторимых памятников культуры, таких, как картины Рембрандта или Акрополь. Я считаю, что одной из главных задач всех зоопарков мира должно быть создание питомников для редких и исчезающих видов. Тогда, если дикому животному грозит полное истребление, можно будет хотя бы сохранить его в неволе». Я потому обращаюсь к Джеральду Дарреллу, что он сам подал замечательный пример, создав собственный зоопарк редких видов животных. Его деятельность, его книги не могут оставить людей равнодушными к призыву о спасении многих видов животных, которым угрожает истребление, об охране природы в широком смысле.

...Наблюдая зверей и птиц в неволе, я понял — трагедии для животных нет. Приспособляемость их к изменению условий существования сильно развита. И надо учитывать — и пернатые, и звери попадают в зоопарке в хорошие условия.

Золотые фазаны, австралийские попугайчики, многие водоплавающие птицы, живущие круглый год на прудах, не замечают неволи. Золотые фазаны, например, «беспечно» предаются так называемым брачным играм весной, летом, осенью, иногда даже зимой в теплые дни. Отлично чувствуют себя звери, родившиеся здесь, в зоопарке, особенно если они еще и ручные.

Ну, а каких животных неволя стесняет? Пожалуй, их немного. Конечно, для обезьян желательно чуточку больше простора. То же самое можно сказать и об оленях, турах, козерогах и других. Ну, а вот слоны, бегемоты, носороги, зебры, моржи, например, очень быстро становятся полудомашними. Не боятся людей и не нападают на них. Это видно по их взаимоотношениям со служителями — им порой звери подают лапу, лижут руки. Смотрят добрым взглядом на своих кормильцев.

Среди сотен обитателей клеток, загонов и прудов зоопарка встречаются, правда единицы, долгожители. Вот пернатый хищник семейства грифовых — бородач. Взрослой птицей его принес в зоопарк охотник еще в 1947 году. И вот уже более тридцати лет он живет в клетке. Чувствует себя превосходно. Вместе с самкой они из года в год строят гнезда и высиживают своих птенцов.

Пятнадцатилетний рубеж своей жизни перешагнула чета бурых медведей Потап и Злюка, индийские слоны Дубас и Пальма, самка бегемота Малышка, леопард, зубробизонка и страус казуар. За двадцать лет перевалило бегемоту Малышу, китайским аллигаторам, попугаям ара красным и сине-желтым. Самой же «пожилой» в зоопарке считается гигантская сейшельская черепаха Тортилла, которой от роду за сорок лет. Для исполинской рептилии (весит она целый центнер) возраст этот не такой уж и большой, ведь живут они далеко за сотню лет.

Есть в зоопарке один уютный уголок, который пользуется постоянным вниманием посетителей, а детей в особенности.

Назвать его можно по-разному: площадка молодняка, детский садик для зверей или даже звериный питомник. Но смысл остается один — здесь совместно живут маленькие, едва научившиеся ходить львята и волчата, тигрята и медвежата, проворные козлики и полосатые дикие поросята и многие другие.

Трудновато вначале приходится зверятам без материнского молока и родительской ласки. Дня два-три скулят, визжат, ревут на все лады. Отказываются от еды, фыркают, шипят и кусаются, не доверяя один другому и все вместе — своим хозяевам, юннатам. Потом голод берет свое, и малыши начинают лакать молоко, привыкают к тому, что их гладят, берут на руки. А когда проживут здесь с месяц, то подружатся между собой так, что и водой не разольешь. Однажды медвежонка-переростка отсадили к взрослым зверям. Не понравилось это мишутке, он заскучал, и у него даже пропал аппетит. Не ест день, не ест два. Вмешались юннаты, которые сразу сообразили, чем медвежонка можно вылечить. Ребята привели к нему на свидание щенка, с которым мишка особенно крепко дружил на площадке. Как были рады четвероногие приятели этой встрече! Повеселел сразу косолапый и стал есть все без разбору...

Много лет существует в зоопарке площадка молодняка. На ней выросло около 400 зверей. Были среди них и свои «знаменитости». Например, четверо белогрудых (или гималайских) медвежат сумели родиться в неволе, тогда как медведи этого редкого вида не размножаются в зоопарках.

Очень интересны и волки Ральф с Багирой. Свой род они ведут от выводков, доставленных чабанами из Южного Прибалхашья. У Ральфа и Багиры оказались исключительно покладистые характеры, и они быстро привязались к юннатам. Дружба между ребятами и их питомцами продолжалась и после того, как Ральф и Багира стали взрослыми. Вопреки пословице «Не клади волку пальцы в зубы» юннаты не раз угощали своих волков разными лакомствами, в том числе и мороженым, и те при этом облизывали им руки.

Мало кто знает, что звериные ясли в зоопарке нередко работают круглый год. Ведь потомство у зверей бывает и позд-

ней осенью, и даже зимой. Как-то у ребят в феврале воспитывался львенок. Этот потомок царя зверей не только не боялся мороза, но и не хуже белого медвежонка любил побарахтаться в глубоком снежном сугробе...

Целая система мероприятий проводится в нашем зоопарке по продлению жизни животных в неволе, по стимуляции их воспроизводства в этих условиях. За зверями и птицами наблюдают специалисты, их лечат ветеринарные врачи.

...Вы пришли в зоопарк. И, наверное, вполне отдаете себе отчет в том, зачем пришли и привели с собой своих детей. Думаю, при современном уровне цивилизации, когда урбанизация и техника значительно «отодвинули» человека от гор, полей, лесов, озер, поместив в многоэтажные здания, когда общение с природой затруднено нехваткой времени и большими расстояниями, вы понимаете роль зоопарка. Как необходим нам этот оазис природы, находящийся рядом! Только здесь вы можете увидеть представителей далеких континентов, редчайших животных нашей страны, нашей республики.

...Когда я думаю о том, как впервые на земле был создан зоопарк, прихожу к одной и той же мысли. Первый зверинец придумал человек, любящий природу и, несомненно, умный.

Зоопарки появились на земле в очень давние времена. Из египетских папирусов известно, что в 1478 году до н. э. в Египте царствовал фараон Тутмос III. Из походов в разные страны он имел обыкновение привозить домой диковинных зверей, которых затем помещал в построенный по его желанию зверинец — самый первый на нашей планете.

В начале XVI века европейцы, оказавшись в Мексике, увидели там в числе ряда других примечательностей и зоопарк. В Европе раньше других государств зоопарк был открыт в Швейцарии в X веке.

На территории нашей страны первый зоопарк также появился в глубокой древности — около 900 лет назад в Новгороде. Старейшим зоопарком Советского Союза является Московский. Он основан в 1864 году. В настоящее время в Советском Союзе действуют 26 зоопарков, а во всем мире — около 600.

Алма-Атинский зоопарк — один из наиболее молодых в нашей стране. Он был открыт в торжественной обстановке в дни празднования двадцатой годовщины Великого Октября — 8 ноября 1937 года. В первые годы своего существования это был небольшой зверинец — экспозиция включала лишь диких зверей и птиц Казахстана и республик Средней Азии. Их было всего несколько десятков. С годами эта коллекция пополнялась. Особенно бурный рост зоологического сада начался с пятидесятых годов. Территория была расширена, благоустроена. Тогда были приобретены такие ценные животные, как слоны, бегемоты, шимпанзе, казуары, черные пантеры, гепарды, ягуары, тапир, гигантская черепаха и многие другие.

...Благородная деятельность людей, направленная на охрану природы, побуждает их к совершенствованию такой ее формы, как зоологический сад. И в этой сфере видны грани разделения труда, проявляющиеся прежде всего в определенной специализации части современных зоопарков на разведении и показе отдельных видов животных и птиц, как правило, редких или исчезающих. В будущем многие зоопарки мира будут похожи на недавно организованный, но уже хорошо известный зоопарк в Чехословацкой социалистической республике, названный «Уголок Африки в Чехословакии». Здесь содержатся 37 жирафов, 16 черных носорогов, 6 белых носорогов, 12 слонов, 80 зебр, 26 страусов, 150 антилоп, 8 шимпанзе, 26 нильских крокодилов, причем, в условиях, максимально приближенных к африканским. Никаких решетчатых перегородок в этом зоопарке нет — животные находятся на воле, их осмотр ведется со специально оборудованных автомобилей. В Америке есть зоопарки с еще более узкой специализацией. В коллекции одного из них, например, представлены только одни попугаи (200 видов) да черепахи (100 видов). Ценность таких зоопарков — в сохранении тех животных, которых на воле становится все меньше.

...Алма-Атинскому зоосаду сорок лет. За это время крохотный уголок живой природы превратился в один из крупнейших зоопарков Советского Союза. Расширилась его территория,

укрепилась материально-техническая база, улучшилась экспозиция. Его будущее — расширение панорамы обозрения и превращение в еще более крупный зоопарк по типу существующих у нас в стране и за рубежом национальных парков. Это означает не только дальнейшее его укрупнение, усложнение экспозиции. Я думаю, смысл такого превращения — приобщение большой массы людей к сознательному участию в охране природы, этой замечательной «мастерской», по словам Леонида Леонова, в которой каждый человек должен быть работником. Здесь будет не только место отдыха трудящихся. Зоопарк со временем станет научным центром по приручению и одомашниванию многих видов животных.

Уже делаются первые шаги по реконструкции. И надо сказать, территория в 20 гектаров позволяет многое изменить в содержании животных к лучшему. Построены просторные клетки с обширным выгулом в саду для тигров, ягуаров, гепардов, барсов, косуль, и большинство из этих животных стали регулярно приносить приплод. В ближайшем будущем начинается реконструкция зоопарка с максимальным расширением границ — его территория, согласно генеральному плану развития, возрастет с 20 до 150 гектаров.

...Я иду по летнему зоопарку. Останавливаюсь у пруда и долго любуюсь «журавлиными огородами». Это — участки размером примерно в квадратный метр или больше. Почва основательно взрыхлена... клювами двух журавлей, которые живут здесь вот уже много лет. Старательно предается эта пара своему занятию, словно грядки вскапывает, погружая в землю свои длинные носы. И урожай снимают — дождевых червей, насекомых, личинок. Смотрю на этих птиц и думаю о непреходящем, вечном движении жизни. Некоторые ее моменты так удивительны! И мне хочется поделиться с другими тем, что мне открылось. Я рисую или фотографирую животных и птиц, пишу о них статьи, рассказы, книги, называю их своими лучшими друзьями.

Зоопарк — большое зрелище,
а звери и птицы — точно актеры на арене.
Мы любуемся ими,
забывая порой о «постановщиках» —
т. е. о тех,
кто «за занавесом».
Именно им, людям, работающим
в этом уголке живой природы,
мы обязаны радостью общения
с редкими зверями и птицами.
Они собрали их здесь.
О них заботятся, кормят и поят их,
выводят на прогулку, спасают от гибели.
И делают это с большой любовью.

СЧАСТЬЕ — ЭТО БЫТЬ С ПРИРОДОЙ

...Ранний майский дождь не испугал обитателей зоопарка. Они, насколько я понял, были рады ему: не прятались под навесы, стояли мокрые, но словно зачарованные. Даже жители сухих и жарких песчаных степей и полупустынь — рябки — и те охотно принимали водяной душ. Приземистые птицы под дождем выглядели необычно: их тела теперь вытянулись почти вертикально, и это позволяло увидеть и рассмотреть у них обычно скрытые, совсем короткие трехпалые лапки с черными бархатными штанишками до колен.

Вдруг я заметил дождевых червей, которые десятками, если не сотнями, ползали повсюду по затопленному водой асфальту дорожек. Зная, что для жителей зоопарка дождевые черви — лакомство, я стал угощать всех без разбору.

В клетке, где жили птицы семейства вороновых, полакомиться угощением пожелали все — от сороки до грача. Однако ворон, которого там все побаивались, не позволял никому даже дотронуться до лакомства — съедал сам.

Хищных птиц предложенная мною живность не соблазнила. Грифы брали в клюв червяка и тут же брезгливо выбрасывали его изо рта и больше на него внимания не обращали. А у беркута один только вид червя вызывал отвращение, и он презрительно мотал головой.

Ну, а звери? Я прошел вдоль клеток обезьян, предложив отведать необычной еды самым смышленым из них — человекообразным шимпапзе. Самка отнеслась безразлично и лишь искоса посмотрела на угощение, а вот самец, увидев червя, вдруг заволновался, громко заухал и попробовал ударами тыльной стороны кисти руки убить его. На большее, однако, храбрости не хватило: он боязливо удрал на полку. Червь ему, по-видимому, напомнил змею, которой, как известно, боятся многие животные.

Ни волки, ни лисицы, ни даже мелкие корсаки не уделили внимания моему подношению. Отличился лишь шакал, который, обнюхав червяка, вдруг повалился на пол как раз на то место, где тот лежал, и принялся странно барахтаться. По-видимому, тонкое чутье этого зверя уловило в червяке чем-то понравившийся ему запах, и ему захотелось даже «надушить» свою густую шубу, особенно пышный воротник. Сперва шакал повалялся на одном боку, затем — на другом.

Вот так, совсем по-разному, отнеслись обитатели клеток к моему угощению...

Накормить животных... Это — один из повседневных «ритуалов» зоопарка. Не просто учесть столь разнообразные вкусы! Надо знать каждого зверька, каждую птичку, их особенности, привычки, пристрастия. Наверное, можно представить себе масштабы проблем, связанных с кормлением животных зоопарка! Но они решаются здесь, как и все другие, людьми, здесь работающими.

Наверное, все знают, что специальных учебных заведений

для подготовки кадров для зоопарков нет. Тем не менее здесь работают высококвалифицированные специалисты. И, конечно, становятся ими, как правило, люди, у которых особое призвание — любовь к животным.

Хусаин Бурханов молод, но уже шесть лет заведует секцией хищных зверей. И все потому, что он питает особую привязанность к... леопардам, черным пантерам, ягуарам, гепардам, львам, тиграм, рысям, снежным барсам. Видите, какие матерые хищники у Хусаина под опекой! Есть в его хозяйстве медведи, представители семейства собачьих.

Секция, возглавляемая Бурхановым, много работает над улучшением воспроизводительных способностей зверей, живущих в неволе. И, надо сказать, есть успехи. Большинство подопытных стало приносить приплод. Только одних тигров, являющихся редкими в природе, за это время родилось и выросло более десятка. Пополнилась семья черных пантер, львов, леопардов, ягуаров. А недавно родился малыш, которого ждали почти сорок лет. Никогда еще не размножались в нашем зоопарке (впрочем, вообще в неволе!) снежные барсы. И вот летом 1976 года они порадовали долгожданным подарком не одного Хусаина, а и всех его коллег. Детенышу дали нежное имя — Снежинка.

Хусаин Бурханов по образованию — ветеринарный врач. И эта квалификация, безусловно, определяет результаты его работы. Знания помогают вовремя выявлять болезни животных и лечить их. В секции регулярно проводится серия профилактических мероприятий. Это сказывается положительно на здоровье ценных экспонатных животных, гарантирует их от многих заболеваний и гибели.

...Зоопарк — особый вид производства. Главная забота людей, работающих в нем,— уход за зверями и птицами: кормление, поддержание гигиены. Каждый работник зоопарка должен обладать максимумом знаний о животных, за которыми он ухаживает. Он постоянно с ними в контакте. Незнание повадок или пренебрежение элементарными правилами обращения с животными приводят обычно к плохим последствиям.

Для новых работников дирекция организует обязательные техминимумы. В определенные часы недели по графику со служителями проводят занятия зоотехники, ветеринар, специалисты по кормлению.

Именно молодежь пополняет ряды служителей зоопарка. Обычно это люди романтического склада, с детства приобщившиеся к природе через домашних животных и птиц, через кружок юннатов в Доме пионеров, через какие-то свои переживания, связанные с воспитанием зверька или птицы. У нас есть по-настоящему талантливые люди, избравшие своей профессией труд служителя.

Вот Яна Кокаева. Удивительная женщина. Наверное, она обладает тем же даром очаровывать зверей, какой необходим укротительнице в цирке, работающей с опасными хищниками. Яна много знает, и в этом часть секрета ее успеха. Другая часть — труд, упорный, кропотливый, терпеливый. И конечно, большая любовь к животным. Яна ухаживает за копытными. Она свободно входит в клетки или вольеры слонов, бегемотов, носорогов, тапира. С ее мнением считаются зоотехники, ветеринары. Нередко они консультируются с Кокаевой, когда хотят решить трудные задачи по лечению или спасению животного.

Все мы помним беспрецедентный случай, происшедший в нашем зоопарке несколько лет назад, когда из трудной ситуации помогла выйти именно Яна Вацлавна Кокаева. Индийского слоненка по кличке Батыр отказалась кормить слониха Пальма. Выкормить искусственно слоненка оказалось очень и очень сложным делом, потому что не было совершенно никакого опыта по выращиванию молодняка слонов. Об этом не написано ни одной строки в научной литературе. И в том, что работникам зоопарка удалось сохранить и вырастить слоненка, большая заслуга служительницы секции копытных Яны Кокаевой. Она, буквально как няня, ухаживала за слоненком в первые дни жизни, кормила его молоком из соски.

Сколько было тревог, сколько огорчений! За ласку, за терпение Яна вознаграждена — Батыр выжил, вырос и платит своей кормилице взаимной любовью.

...Далеко не все молодые люди, которые приходят в зоопарк работать, находят здесь свое призвание. Ибо кроме эстетического наслаждения, которое дает общение с природой, человек еще должен много вложить нелегкого труда. Кроме «праздника» — погладить и приласкать животное — приходится окунаться и в будни — делать «неблагодарную» черновую работу. Обычно уходят из зоопарка люди неорганизованные, лишенные внутренней самодисциплины, самоконтроля, способные во всем быстро разочаровываться.

Этого не случилось (да и не могло!) с Раисой Григорьевной Смурыгиной и Валентиной Варвареевной Бызлаевой, служительницами обезьянника. Больше двадцати лет работают они в этой секции.

Отлично знают повадки своих подопечных, а их здесь несколько десятков. Эти смышленые животные — очень непоседливы. К тому же наделены проворством и недюжинной силой. Работа с обезьянами требует больших знаний их повадок и осторожности в обращении. Но Раиса Григорьевна и Валентина Варвареевна отлично справляются со своими подопечными. Бывает так, что самки обезьян нередко по разного рода причинам отказываются кормить новорожденных малышей. И наши работницы окружают сироток вниманием и заботой. Приходится недосыпать ночей ради спасения крохотной обезьянки. В конце-концов малыши становятся на ноги. Такое случалось с детенышами эфиопских гамадрилов и бабуинов, с выходцами из джунглей Юго-Восточной Азии макаками и африканскими белогорлыми мартышками. Не один десяток малышей обезьян воспитали ласковые женщины Раиса Григорьевна и Валентина Варвареевна.

...В жизни зоопарка нет мелочей. Тут не важно, к какому зверю надо спешить на помощь: к слону или мелкому грызуну.

Я много, например, наблюдал за жизнью в зоопарке сусликов. Знаю хорошо и работников секции млекопитающих — заведующего Матвея Кузьмича Дорошенко и служительницу Дарью Григорьевну Мазаеву. Много лет они здесь работали, увлеченно, с радостью. И могли бы подтвердить — да, мелочей в рабо-

те с животными нет, даже если они крохотные. Вот суслик, например. Важно знать все его биологические особенности (такие, как необходимость впадать зимой в спячку, и другие), выработавшиеся за многие тысячелетия существования вида.

...Один из самых уважаемых людей в зоопарке — человек, имеющий профессию ветеринарного врача. Его, конечно, принято называть простым ласковым словом «Айболит». Работа Айболита нередко связана с большим риском — ведь у него пациенты не совсем безобидные. И порою надо проявлять умение, выдержку, смекалку, изобретательность, чтобы обслужить очередного больного.

В должности Айболита в нашем зоопарке много лет трудится большой знаток и любитель животных Биюк Аббас-Кабир. Каких только не приходилось принимать ему в своей ветлечебнице пациентов! Сегодня он оказывает помощь грозному льву, завтра — пеликану или экзотической птичке, которую и в руки взять рискованно — насколько она мала и нежна. И у каждого четвероногого или пернатого пациента свои «жалобы». У одного зубы болят, другой с насморком. Но бывает и похуже.

У пятиметрового индийского питона однажды заболел живот. Да так, что не окажи врач срочной помощи, не выжить бы ему. Заглянул Аббас-Кабир к питону и не узнал его. Лежит в клетке не питон, а скорее бревно толщиною в один обхват. Оказалось, из-за низкой температуры окружающего воздуха у питона нарушилось пищеварение.

С помощью кварцевой лампы больного обогрели, а внутрь ему ввели рвотный камень. Питон выздоровел.

Или маленького, недавно появившегося на свет теленка угрюмого и свирепого нравом зубробизона болезнь так подкосила, что он валялся в загоне без всяких признаков жизни, и его мать уже перестала обращать на него внимание. Но врачу удалось вылечить малыша. Теленок, встав на ноги, первым делом решил «отблагодарить» своего спасителя и сделал он это самым необычным способом —бросился на него и стал бодать своим еще комолым лбом... Буяна связали и отнесли в загон к маме. Увидев ожившего детеныша, зубробизонка для острастки

грубо хрюкнула на врача, а теленка с удовольствием приняла. Она подошла к нему и, осторожно обнюхав, стала нежно прилизывать на нем шерсть.

На этом хлопоты врача, однако, не кончились. Раньше телята зубробизона появлялись летом, а этот родился зимой. А зима, как нарочно, выдалась суровая, снежная. Сперва врач хотел было дикую корову с малышом загнать в утепленное помещение, да раздумал. И правильно поступил. Зима отлично закалила малыша зубробизона. Рос он крепким и здоровым.

В практике Биюка Аббаса-Кабира случай с белым медведем — один из наиболее трудных. Северный житель отказывался принимать пищу. А лекарство больным зверям дают вместе с едой. Чего только не давали медведю! Он даже от своего любимого лакомства — рыбьего жира — отказывался.

А что если попробовать дать капусты? Не рыбы и не мяса, а обыкновенной свежей капусты? Каково же было удивление врача, когда зверь стал с жадностью уплетать кочан. Дали еще. Восемь кочанов съел проголодавшийся северянин! Обрадовался врач. Главное — у зверя аппетит появился. Надо полагать, будет мишка жить.

Вот какие заботы у Айболита. Любят ли звери своего исцелителя за все то хорошее, что он делает для них,— сказать трудно, но то, что многие из них помнят и знают его,— это точно. Белогорлая мартышка, например, способна узнать своего Айболита даже в толпе.

С недавних пор у Айболита появилось вполне современное, новое средство — полуавтоматический шприц, который очень помогает ему в его работе. Раньше лечение зубров, маралов или медведей было сопряжено с огромными трудностями. Теперь при помощи шприца с сильным злым животным справиться довольно просто. Для этого с расстояния в несколько метров животному вводят дозу диэтилена — вещества, расслабляющего мышцы, и оно вскоре как бы засыпает. «Сон» длится более четверти часа, и этого времени бывает вполне достаточно для того, чтобы сделать больному необходимые прививки, почистить и обрезать копыта или провести другие лечебные мероприятия.

... «Чувство природы есть чувство жизни личной, отражаемое в природе: природа это я». Мне вспоминаются эти слова Михаила Пришвина, когда я хочу осмыслить роль и назначение человека. Я думаю об этом, когда пишу очерк о людях, работающих в нашем зоопарке. Все они — от первого директора А. Тулебаева, незаурядного знатока животного мира, прекрасного организатора, до нынешнего — Ставро Савельевича Константиниди, заслуженного работника культуры Казахской ССР, кандидата юридических наук, уже более пятнадцати лет работающего на этом посту,— внесли огромный вклад в дело охраны природы, создавая и улучшая коллекцию зоопарка. Но главное «измерение» работы служителей Я. В. Кокаевой, А. А. Сиротиной, Л. В. Никитенко, Р. Г. Смурыгиной, В. В. Бызлаевой, ветврача Ф. Т. Шадрина, зоотехников Х. Бурханова и Н. А. Мещеряковой, педагога-биолога Р. А. Балахновой и многих других — в той «отдаче», которую они получают через тысячи посетителей зоопарка. Их большое удовлетворение — это то, что после встречи с нашими зверями и птицами меньше становится равнодушных, черствых людей. Ибо, по словам К. Маркса, природа является звеном, связывающим человека с человеком.

...Человек играет ведущую роль в развитии отношений между природой и обществом. Как строят свои контакты работники нашего зоопарка с населением?

Много внимания уделяется повышению культуры обслуживания посетителей, а также пропаганде идей охраны природы и естественнонаучных знаний среди широких слоев трудящихся. Работники культурно-массового сектора зоопарка выступают с лекциями по радио и телевидению или непосредственно в школах, пионерских лагерях и учреждениях. Много издается брошюр, листовок и плакатов с рассказами об интересных зверях и птицах Казахстана. Как итог этой работы — зоопарк удостоен высокой оценки и отнесен к первой категории. В настоящее время он является одним из ведущих в нашей стране.

Научно-производственный сектор, многие годы возглавляемый заместителем директора по науке Тамарой Дмитриевной Ширяевой, в повседневной деятельности решает важные задачи.

Это и размножение, и акклиматизация животных, и кормление молодняка, профилактика и лечение всевозможных заболеваний. Самая актуальная проблема, конечно,— создание условий для животных, особенно редких и исчезающих, для полувольного их содержания, то есть максимально приближенных к естественным условиям. Все это создает предпосылки для их размножения в неволе.

Просветительская работа с детьми, проводимая в зоопарке,— часть программы по эстетическому воспитанию школьников. Ребята — члены кружка юных натуралистов, постоянно действующего при зоопарке много лет, являются хозяевами площадки молодняка. Под руководством опытного педагога-биолога Р. А. Балахновой ребята получают не только теоретические знания по биологии животных, но и практические навыки ухода за ними. Посещения кружка для учащихся — не праздное времяпровождение, многие из них после учебы на биологических факультетах становятся учеными. Бывшие юннаты — кандидат биологических наук В. Фадеев, научный сотрудник института зоологии И. Ф. Бородихин, директор Алма-Атинского заказника В. М. Зверев, директор Карачингильского охотничьего хозяйства Р. И. Зайнутдинов и многие многие другие.

Ежегодно ранней весной в зоопарке проводится праздник учащихся школ Алма-Аты и пригородов — «День птиц». В этот день, обычно по-весеннему теплый и погожий, территория зоопарка выглядит необычно. Из репродукторов льется волнующая музыка леса. Звонко кукуют кукушки, переливчато высвистывают дрозды, кричат иволги, щебечут ласточки, поют скворцы. А в аллеях, празднично украшенных яркими лозунгами, плакатами и транспорантами, с самого раннего утра веселая ребячья суета. Радостные и возбужденные, наряженные в костюмы птиц, они сходятся сюда стайками.

Незадолго перед этим в первые дни весны, ребята всего города проводят праздник «День птиц» в своих школах. Они развешивают на деревьях городских скверов и парков сотни дуплянок, скворешен, синичников и других птичьих домиков.

Собравшись вместе в зоопарке, они как бы подводят итоги своей работы.

...12 часов дня. Все участники в сборе. Кратким вступлением-беседой открывает праздник один из почетных гостей ребят. Чаще всего этими гостями у юных любителей природы бывают писатель-натуралист М. Д. Зверев и сотрудники Института зоологии Академии наук Казахской ССР орнитологи кандидат биологических наук М. Н. Корелов и И. Ф. Бородихин. Из их выступлений ребята узнают много интересного о пернатых нашего города, о том, какую большую пользу они приносят нашим садам.

Праздник завершается большой концертной программой коллективов художественной самодеятельности Дворца пионеров, станции юных натуралистов, школ. Песни сменяются танцами, танцы — декламацией стихотворений.

Лучшие коллективы удостаиваются наградных листов Фрунзенского райкома комсомола столицы, Почетных грамот городского отделения Казахского общества охраны природы. Им же в качестве премии дарят попугайчиков, золотых рыбок, аквариумы, книги.

Зоопарк с его обширной коллекцией является ценной и порой незаменимой базой для ученых-биологов. Их исследования способствуют решению практических задач по профилактике и лечению животных, по разведению редких зверей, акклиматизации. Важные вопросы решают сотрудники секции кормления. Ведь правильный рацион — залог успешного содержания животных, нормального роста молодняка. Ветеринарная секция зоопарка в содружестве с учеными Алма-Атинского зооветеринарного института выясняет причины заболеваний четвероногих и пернатых обитателей зоопарка, что позволяет сократить их падеж.

На материалах зоопарка С. С. Константиниди написана и защищена кандидатская диссертация «Правовые основы охраны природы в Казахской ССР». Готовятся к печати научные труды зоопарка.

Из многих форм пропаганды естественнонаучных знаний

среди широких слоев населения главными являются проведение экскурсий, лекций по радиоузлу зоопарка, а также в школах, пионерских лагерях, Домах отдыха, на предприятиях, в кинотеатрах, воинских частях. Вот темы некоторых лекций и бесед, с которыми выступают лекторы и экскурсоводы: «Многообразие в классе млекопитающих, их значение для народного хозяйства», «Происхождение жизни на Земле», «Редкие животные Казахстана», «Организм и единство животного мира», «Академик И. П. Павлов и его учение о рефлексах», «Жизнь животных в неволе», «Животные из Красной Книги».

Мой скромный вклад в эту работу — более 1000 статей, заметок и информаций в газетах, репортажей с рисунками и фотографиями по телевидению, такие книги о нашем зоопарке, как «По аллеям Алма-Атинского зоопарка», «Дружная семейка», «В ночном зоопарке», «Медвежонок Таймыр», «Храбрый цыпленок», «Веселые медвежата» и другие.

Связь зоопарка с другими зоосадами нашей страны в основном сводится к обмену экспонатными животными, уходу за ними. Работники культурно-просветительных секторов зоопарков обмениваются афишами, плакатами, брошюрами, путеводителями.

Осенью 1971 года Алма-Атинский зоопарк стал местом семинара директоров и научных сотрудников зоопарков Советского Союза, организованного Министерством культуры СССР. В течение нескольких дней участники семинара обменивались опытом работы, выступали с докладами по научным вопросам содержания животных, особенно редких в природе, о путях их сохранения и размножения.

... Одна из интереснейших страниц в жизни нашего зоопарка — уголок прирученных животных, который просуществовал несколько лет. Здесь работали большие энтузиасты своего дела — опытные укротители А. Ф. Гутовский и В. В. Дуров. Они несколько усовершенствовали существовавшие ранее формы культурного обслуживания посетителей. На специальном манеже укротители демонстрировали свое искусство. Очень часто показ дрессированных животных сопровождался лекция-

ми зоологов. Были отработаны номера: «Львы на качелях», «Медвежья тройка», «Гиена-артиллерист», «Кошкин дом», «Волк и козел», «Лиса и петух», «Борьба с удавом», «Обезьяна-наездница» и многие другие.

...Мне приходилось не раз наблюдать за работой в уголке прирученных животных. И я не могу не сказать об этих удивительно смелых людях — дрессировщиках.

Добиться эффекта, дрессируя хищных зверей — львов, тигров, пантер, гиен, волков и медведей,— укротителю помогает особый порядок, заведенный им на арене раз и навсегда. Порядок этот дисциплинирует зверя и не позволяет ему не только выйти из подчинения своему хозяину, но и ни на минуту забыть о своей полной зависимости от него. Для этого на арене с самого начала дрессировки зверя приучают сидеть на отведенном ему месте — тумбе, чтобы он постоянно был готов к выполнению команды своего повелителя. К подобной строгости четвероногие артисты привыкают настолько, что не терпят потом сами, если кто-либо из них попытается проявить своеволие.

Однажды в уголке произошел случай.

Шла отработка одного из трюков. Укротитель Гутовский, стоя спиною ко львам, целиком был занят тяньшанской белокоготной медведицей Динкой. Он не видел, как сильный молодой лев Салют, отличавшийся дерзким нравом, спрыгнул с тумбы и стал подкрадываться к нему. Замысел коварного хищника состоял в том, чтобы внезапно напасть на Гутовского и «отомстить» ему за какую-то обиду, нанесенную, очевидно, ему укротителем ранее.

Гутовский никак не мог понять, что творится с всегда послушной Динкой. Команды, которые он отдавал, словно повисали в воздухе, медведицу интересовало что-то постороннее. Оказывается, она следила за Салютом и все ее внимание было поглощено им. И вот, когда лев подобрался совсем близко и стал готовиться к прыжку, Динка ринулась ему навстречу.

Вспыхнуть схватке между львом и медведицей помешал укротитель. Увидев, в чем дело, он тут же наказал льва,

А медведица, которая вольно или невольно заступилась за человека и, возможно, спасла его от верной гибели, получила целую горсть сахара, который она очень любила.

...Около десяти лет в зоопарке просуществовала плавучая выставка. Благодаря ей население многих городов, живущее по Иртышу и Оби, где пролегал маршрут плавучего зоопарка, познакомилось со многими представителями животного мира. Этот своеобразный филиал Алма-Атинского зоопарка был размещен на теплоходе «Роза Люксембург». Ежегодно с началом навигации он совершал свои рейсы. Участники зоовыставки обслуживали трудящихся ряда областей нашей республики и РСФСР — за сезон не менее 200 000 человек.

...В одном из живописнейших ущелий Заилийского Алатау расположилась съемочная группа «Мосфильма». Довольно большой равнинный участок огорожен и превращен в вольер. Сюда через некоторое время привезут необычных актеров — зверей из Алма-Атинского зоопарка.

Роль кино в популяризации жизни животных общеизвестна. Я хочу заметить только, что снимать зверей и птиц в кино трудно, и здесь кинематографисты не могут обойтись без помощи тех специалистов, которые работают с животными. И, в частности, без специалистов зоопарка — особенно тогда, когда снимается кинолента о жизни животных на воле. В таких случаях берут не дрессированных зверей, а, как правило, зоопарковских.

Я присутствовал на съемках одного видового фильма, в котором участвовали звери из нашего зоопарка: косули, гепарды, львы. Снимался эпизод охоты гепардов на газелей, и режиссер построил просторный вольер в горах, чтобы дать возможность животным почувствовать себя на воле, в естественных условиях, и затем снять их в момент проявления своих природных инстинктов.

Гепарды — очень редкие животные. Они взяты под охрану человека и занесены в Красную Книгу. Это один из самых быстрых хищников семейства кошачьих на нашей планете. Излишне распространяться об их кровожадности. Они пита-

ются исключительно копытными — разными видами антилоп и газелей, которых другим зверям поймать удается с трудом.

Но у пары гепардов, живущих в зоопарке, кажется, нет и признака свирепости. Напротив, на вид они смирны, добродушны и ласковы. Кажется порой, что эти обленившиеся от долгого бездействия звери, не могут быть энергичными и быстрыми хищниками, какими видят их собратьев туристы в национальных парках Африки.

Для того, чтобы сцена охоты гепардов выглядела правдивой, художник разрисовал косулю под экзотическое копытное Африки — под газель. И вот хищников выпустили в загон, показав им убегающую косулю. Гепарды сразу бросились в погоню за жертвой, быстро изловили ее... Конечно, расправиться с нею им не дали, надо было сцену ловли повторить несколько раз, отснять как можно лучше.

На съемках часто даже актеры попадают в непредвиденные ситуации. А тут животные... Вот и сейчас, когда косулю в третий или четвертый раз заставили пробежать по вольеру, произошло такое, чего никто не ожидал. Косуля «опомнилась», и «артисты» вдруг поменялись ролями. Жертва стала защищаться, а затем погналась за хищниками. Гепарды струсили и дали стрекача. Но так как эти действия животных не входили в планы режиссера, то косулю убрали из павильона.

Самым удивительным в этом импровизированном спектакле оказалось действие, не предусмотренное ни сценарием, ни соображениями режиссера. Перед съемкой львов необходимо было освободить павильон от гепардов. Честно отработав сцену ловли «газели» (чем режиссер, да и все остальные остались очень довольны), гепарды наотрез отказались уйти со своего места. Пятнистым красавцам там очень понравилось, они растянулись на траве и готовы были блаженствовать так неопределенно долго. Да и то сказать: кусочек горного ущелья с кустами, журчащей речкой были великолепными, разве это идет хоть в какое-нибудь сравнение с наскучившей им клеткой в зоопарке!

А время шло. Павильон давно уже нужен был для съемки

последующих сцен. Режиссер выходил из себя, но он и его коллеги бессильны были что-либо сделать в создавшемся положении. Нужно было кому-нибудь зайти в клетку и выгнать насильно гепардов. Только какой же безумец на это решится? Даже дрессировщик съемочной группы («у него же трое детей!») наотрез отказался зайти к хищникам.

Но смельчак все же сыскался. Он сам и предложил казавшийся поначалу безумным способ освобождения павильона от зверей. «Безумцем» был Биюк Аббас-Кабир — ветврач зоопарка, присутствовавший на съемке. Его расчет основывался не на ухарстве, а на отличном знании повадок животных. В результате он блестяще справился с задачей выдворения гепардов из загона.

Уже после «операции изгнания» Биюк узнал, что «сражение» с гепардами сняли на кинопленку. Кинооператор не смог устоять от соблазна при виде редкостного единоборства человека с гепардами, включил камеру и запечатлел его.

Кинематографисты — частые гости нашего зоопарка. Здесь проходили съемки отдельных эпизодов художественных и научно-популярных фильмов, ставших любимыми у зрителей, таких, как «Зачарованные острова», «Орлы Азамата» и других. Посетители зоопарка, наверное, и не подозревают, что иные из пернатых и четвероногих, которых они видят в клетках и загонах,— знаменитости, киноактеры. В художественном фильме «Звероловы» снимались кот манул, дикие кабаны. В съемках фильмов о великом русском путешественнике Н. М. Пржевальском участвовал черный гриф.

Известные популяризаторы природы, авторы талантливых фильмов о жизни диких животных, кинорежиссеры А. Згуриди, А. Жадан не раз приезжали в наш зоопарк: снимали зверей и птиц, получали советы и консультации у специалистов.

...Тысячи нитей связывают человека с природой. И одна из них обязательно тянется к зоопарку. Ежедневно я вижу сотни людей, приходящих к нам, чтобы встретиться с пингвинами, медведями, пеликанами... Здесь они знакомятся с жи-

вотным миром Казахстана, нашей страны и стран мира. Приходят совсем маленькие дети, школьники, взрослые и старики.

Наш зоопарк удостоился похвалы Бернгарда Гржимека, крупного ученого, доктора биологических наук и доктора ветеринарных наук, директора зоопарка Франкфурта-на-Майне, профессора, всю свою жизнь посвятившего борьбе за охрану природы Африки. Он посетил наш зоопарк дважды, писал о нем, снял фильм для показа по телевидению у себя на родине. С дирекцией зоопарка он многие годы поддерживает связь письмами, обменом печатными изданиями.

У нас побывали директор Московского зоопарка И. П. Сосновский, профессора зоологии С. И. Огнев, П. А. Мантейфель, В. Н. Скалон, С. С. Туров, Г. П. Дементьев, Б. К. Штегман, укротители А. Л. Безано, И. Бугримова, Ю. Дуров, А. Б. Филатов и многие другие. Все они дали высокую оценку нашей экспозиции.

...Мне навсегда запомнилась встреча с замечательным советским художником-анималистом народным художником РСФСР Алексеем Никаноровичем Комаровым, который дважды приезжал в Алма-Ату и работал над своими картинами в нашем зоопарке. Я познакомился с ним здесь еще в 1956 году, будучи начинающим художником, и мы подружились на долгие годы. Много часов мы проводили тогда у вольеров, у пруда, рисовали и разговаривали. Думаю, эта встреча вдохновила меня, и я остался навсегда художником-анималистом. В этом человеке восхищала жажда жизни, увлеченность. Может быть, поэтому сейчас у себя дома в Песках (под Москвой) в свои 98 лет он не бросает работу — рисует зверей и птиц для научных книг, альбомов. В день своего восьмидесятилетия Алексей Никанорович Комаров писал читателям «Комсомольской правды»: «Есть одна очень большая радость на земле — любите природу, и Вы узнаете эту радость. Своим здоровьем, творчеством, всеми восторгами жизни я обязан нашей родной природе. Берегите и любите ее».

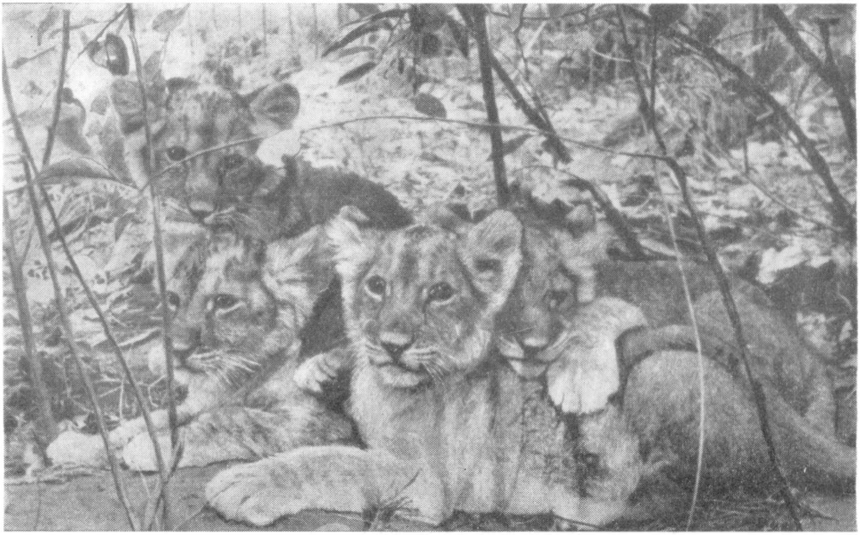
Наш зоопарк... Здесь все вместе, дружно живут звери и птицы разных континентов.

Знакомьтесь. Лев, тигр, гепард, рысь... Они из коллекции семейства кошачьих. Вот медведи, слоны, обезьяны... А вот семейство собачьих — лисы, собака динго, волк, фенек.

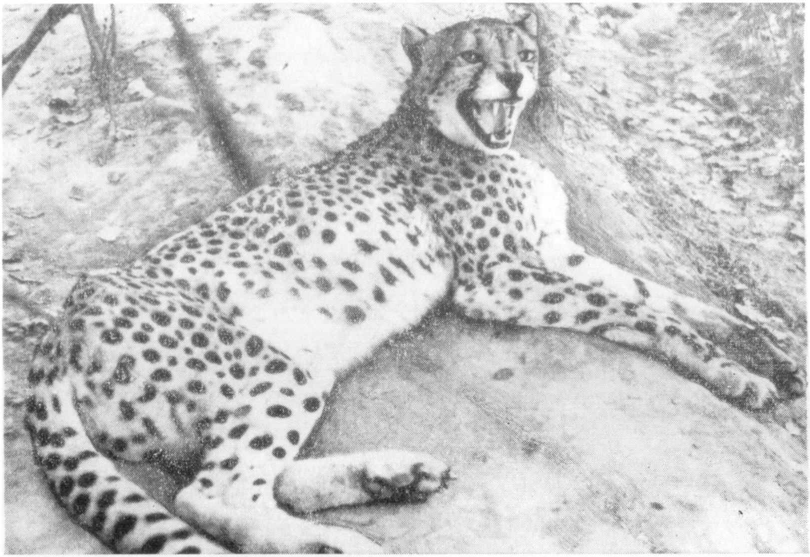
Прекрасна наша родная природа.

Копытные — гривистые бараны, маралы — очаровывают красотой ветвистых рогов, стройностью ног, величавостью осанки. Сколько птиц! Певчие, водоплавающие, хищные... Лебеди, пеликаны, фламинго — как обворожительны они в своих разнообразных нарядах из перьев!

Смотрите, любуйтесь, изучайте! Приглашая сюда, в зоопарк, мы зовем вас в природу.

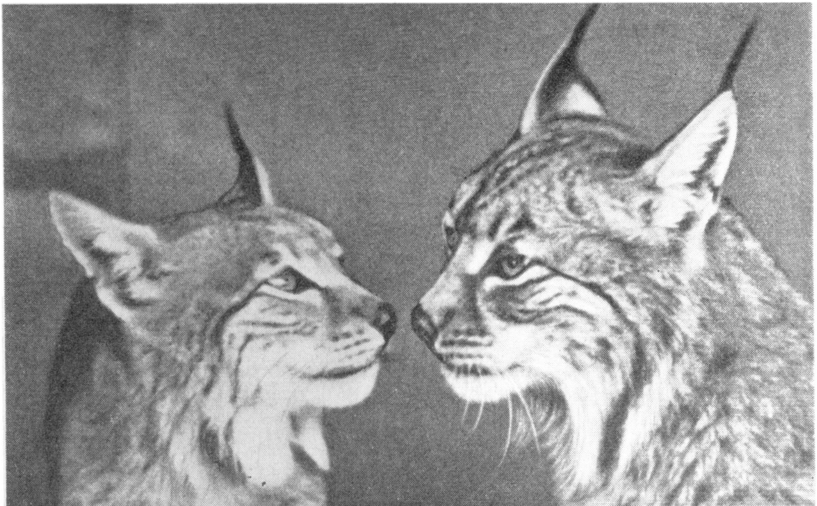


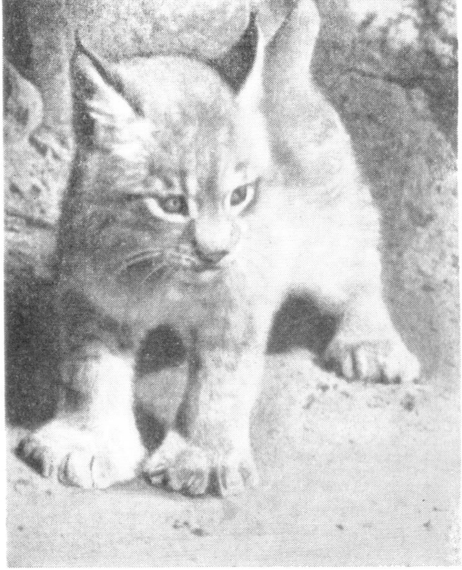
Весна пришла в зоопарк **Львята и тигрята греются на солнышке**



Гепарду в зоопарке привольно

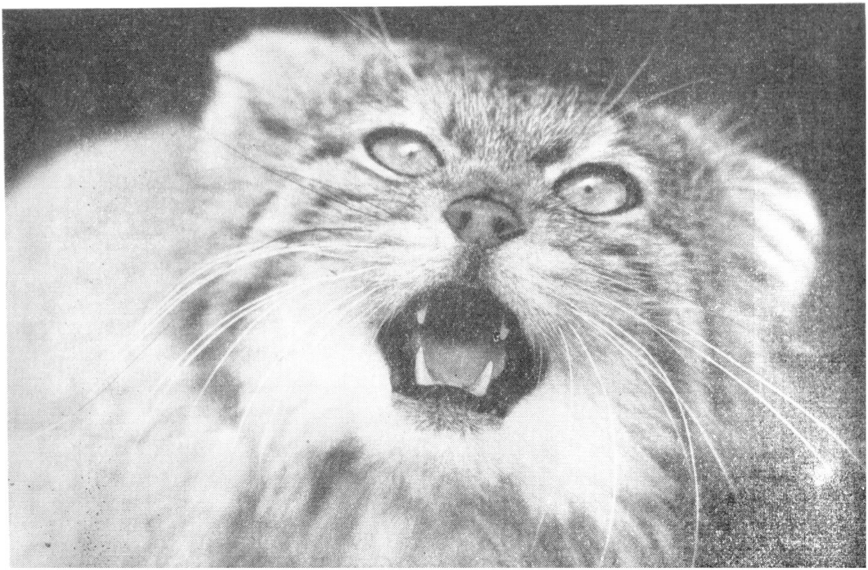
Хорошо здесь и рысям

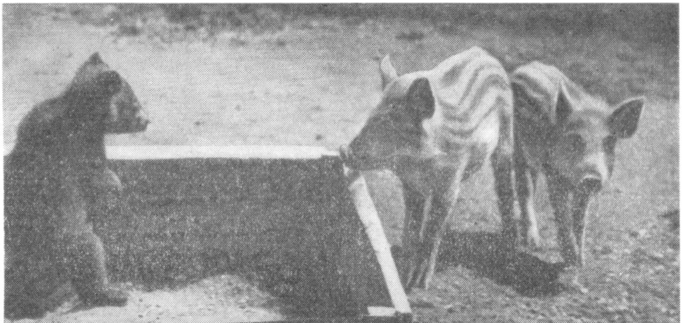




Это не котенок, а детеныш рыси!

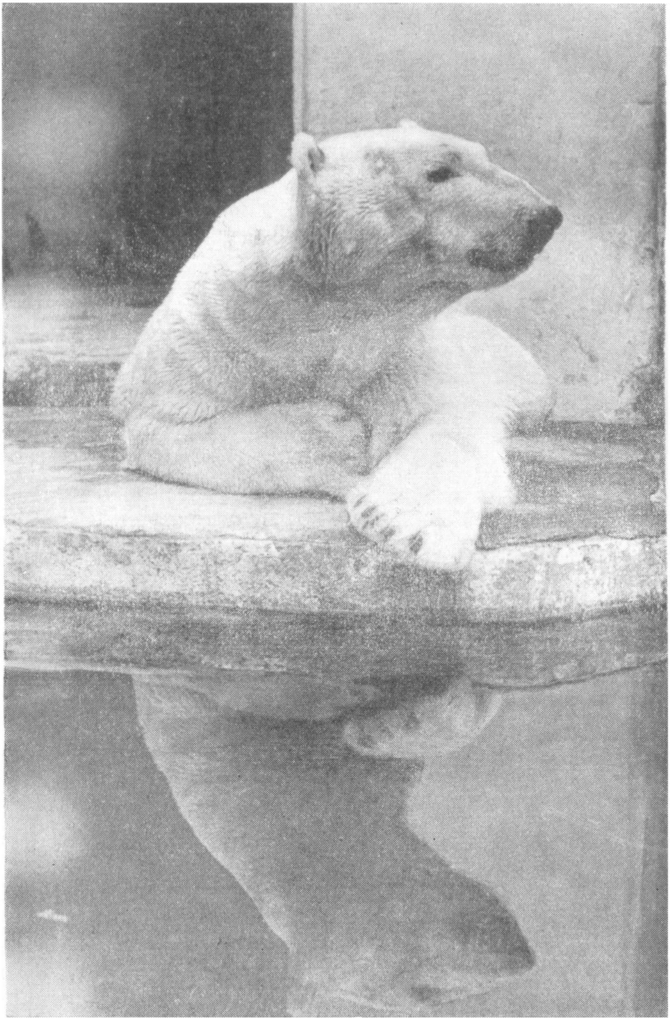
А кот манул всегда всем недоволен!



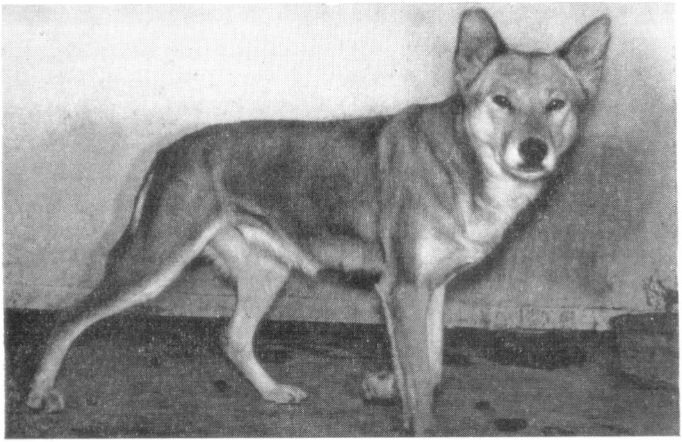


Бурая медведица спокойна: дети устроены и у них есть друзья

Всеобщие любимцы — мишки — ждут посетителей

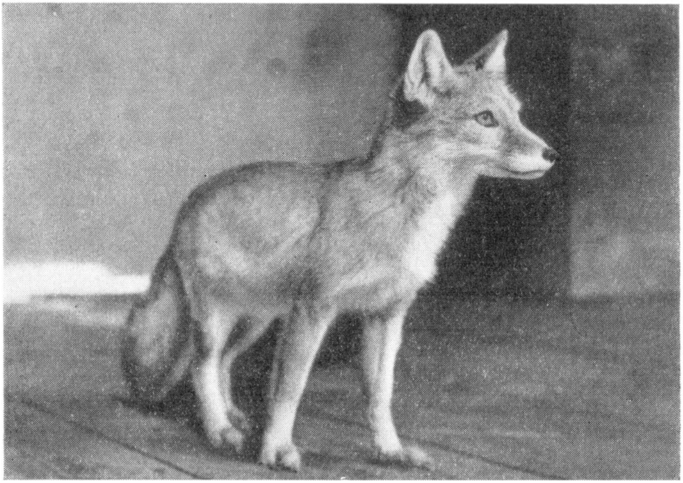


Жителю сурового севера — белому медведю — в зоопарке так же уютно, как и обитателю казахстанских степей — волку



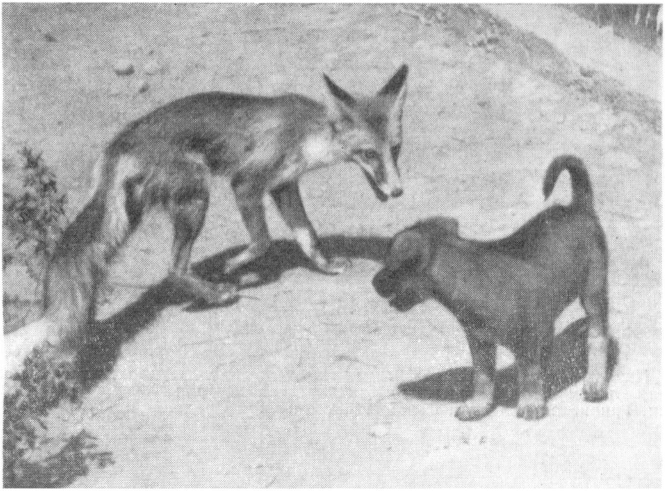
Добрые глаза у австралийской динго: в зоопарке дикая собака легко приручается

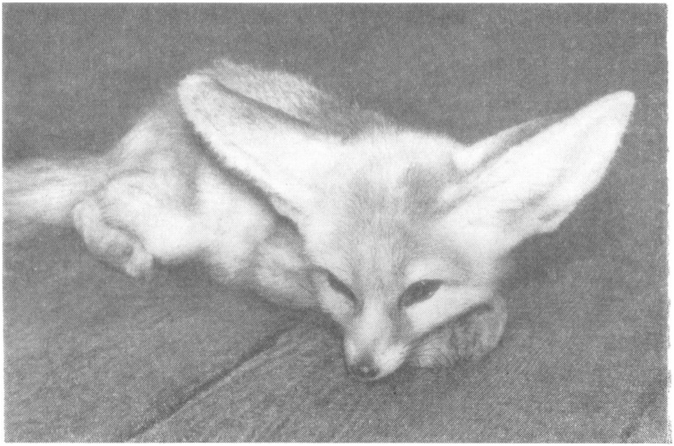
Здесь и осторожная степная казахстанская лисичка—корсак—становится доверчивой



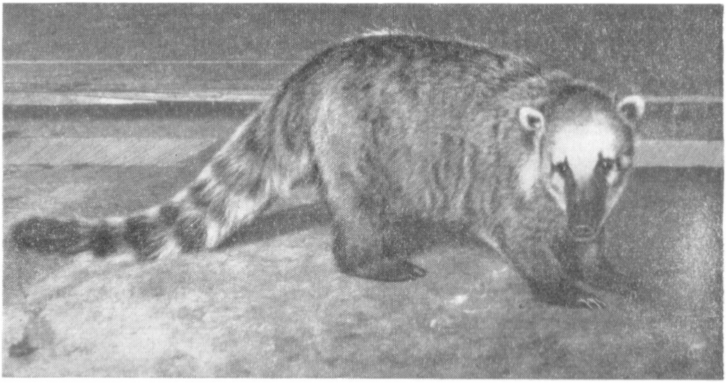
Серебристо-черная лиса — выходец из Канады — выглядит еще красивее своих диких предков

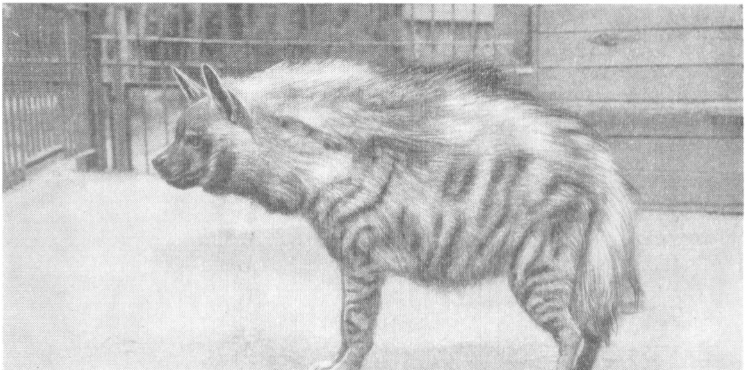
А лисенок и собачка могут дружить



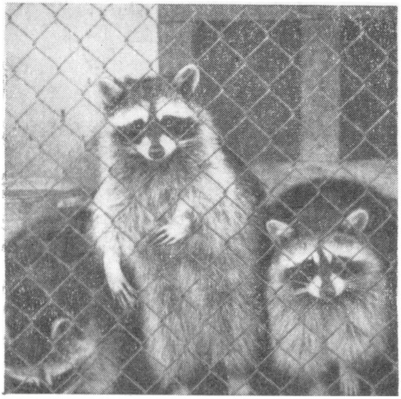


Перед вами обитатели разных континентов: большеухая миниатюрная пустынная лисичка-из Африки, а длинохвостая пестрая лесная насуха-из Америки. Гривистая полостая гиена живет в песках Средней Азии



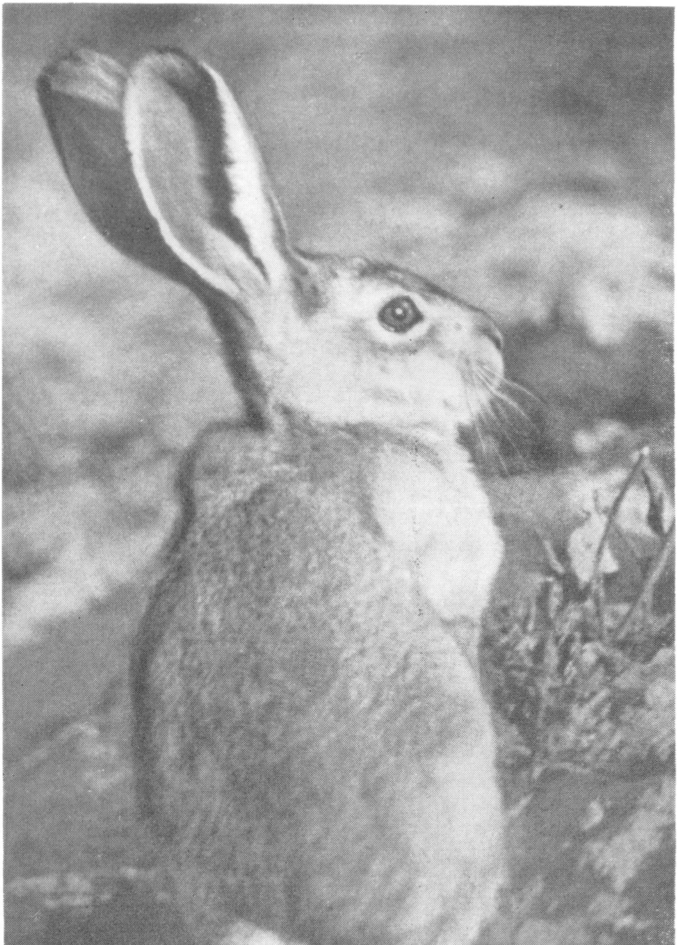


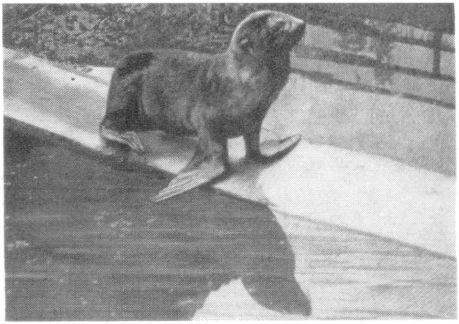
Эти звери в «масках» неспроста: у знакомого всем нам барсука и американского енота она нужна для устрашения врагов



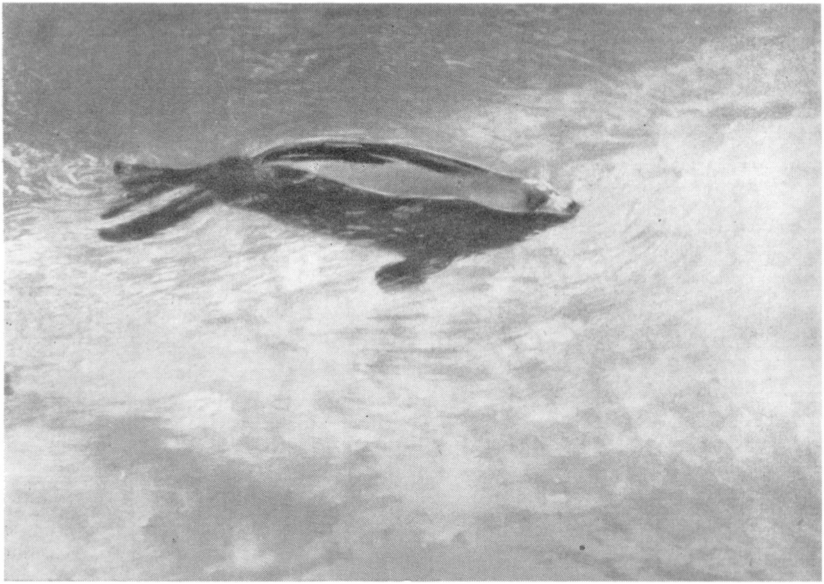
А обитателю горных ущелий — колючему дикобразу — и казахстанской быстроногой кунице «маски» не нужны

Осторожность никогда не мешает зайцу толаю

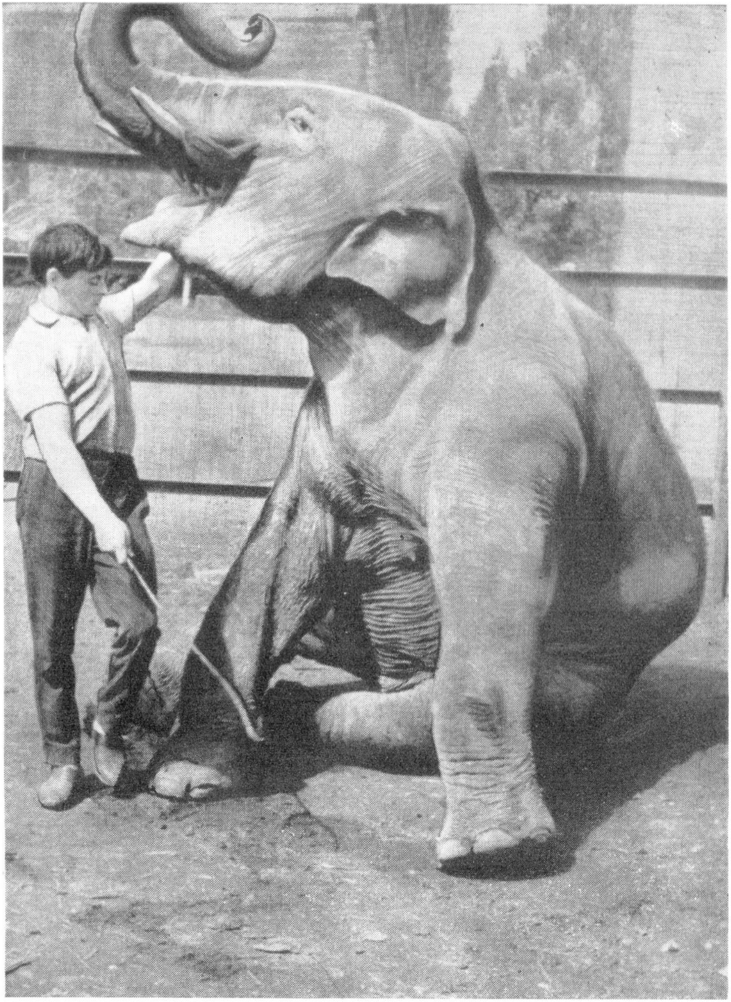




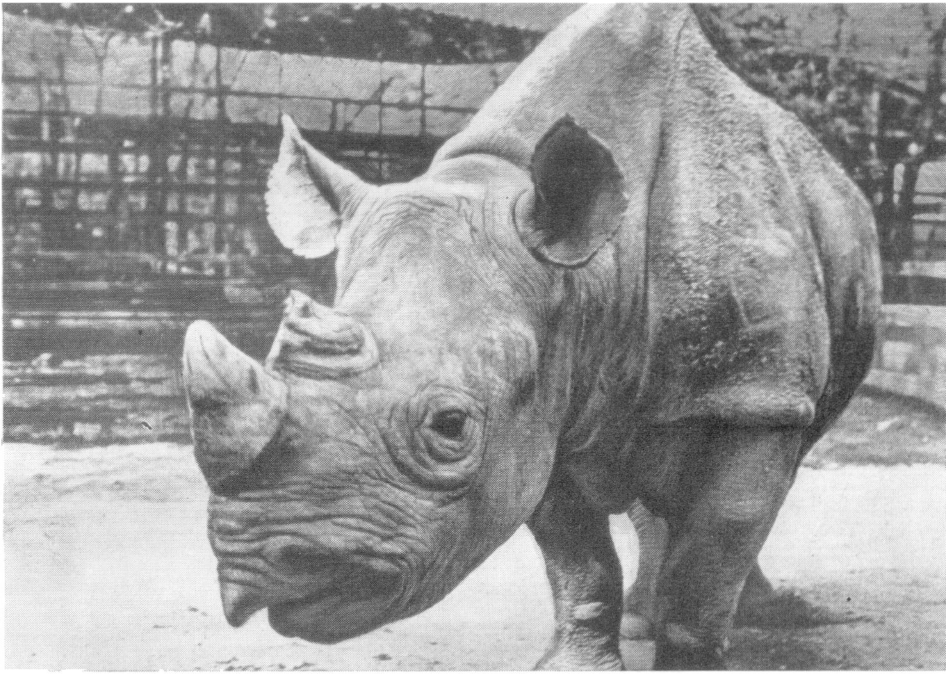
Хищные млекопитающие — морские котики и байкальские нерпы — хорошо чувствуют себя и на суше и в воде



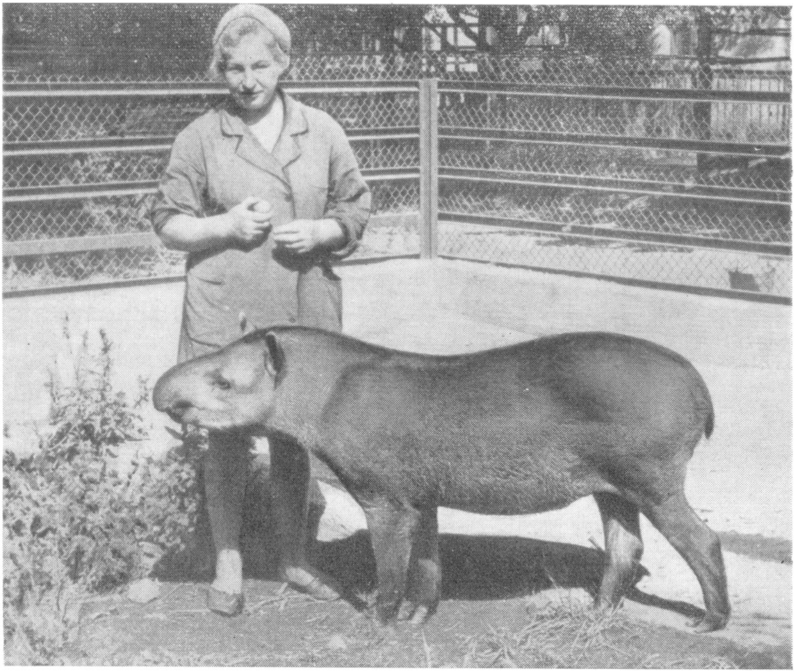
Индийские слоны за 16 лет акклиматизировались в нашем зоопарке, дают потомство и легко поддаются дрессировке



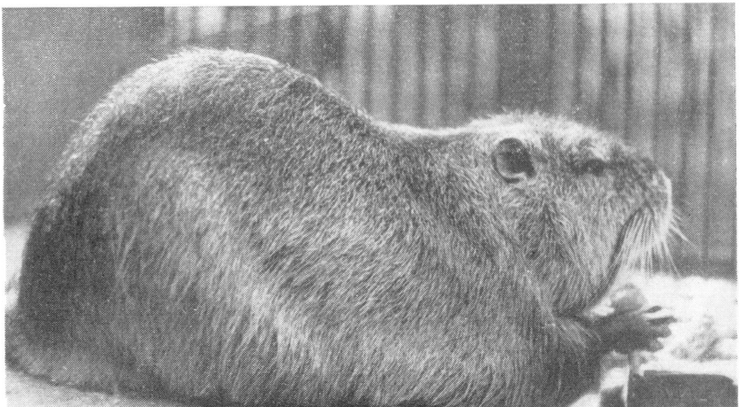
Африканский бегемотик — один из десяти, родившихся в нашем зоопарке,— величиной с взрослого домашнего барана; весит он 40 килограммов. Толстокожее животное спокойное, ласковое, знает и любит служителей



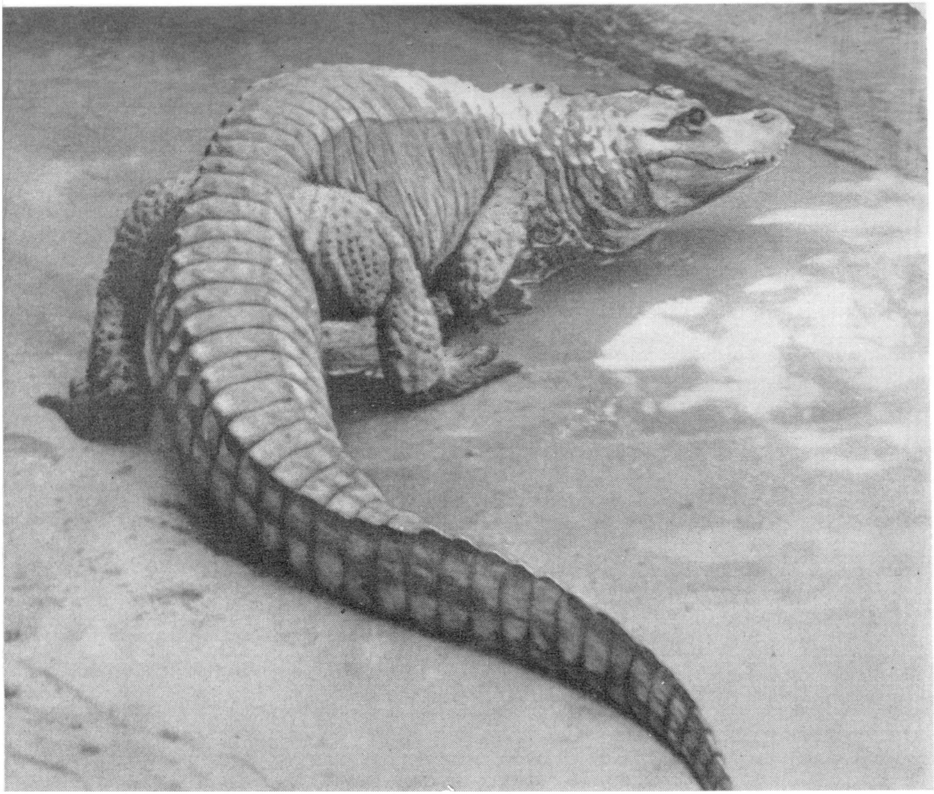
Черный носорог, тоже «африканец», относится к редким исчезающим видам. И хотя он страшнее бегемота — вооружен двумя крепкими рогами—по характеру похож на своего земляка: невозмутимый и тихий

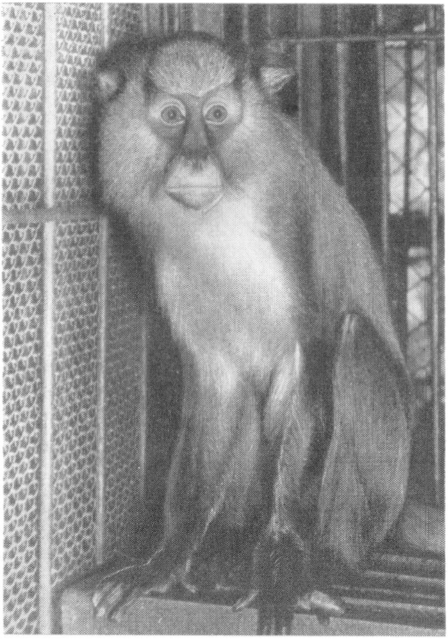


Тапир, морская свинка, нутрия и ондатра — жители американского континента. Тапир — наиболее диковинный из них — появился в нашем зоопарке совсем недавно

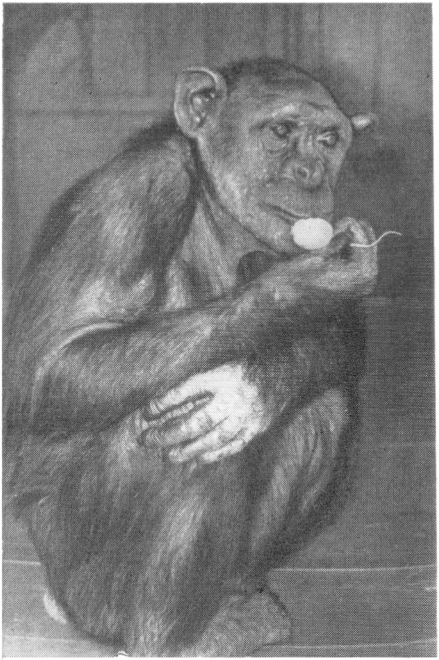


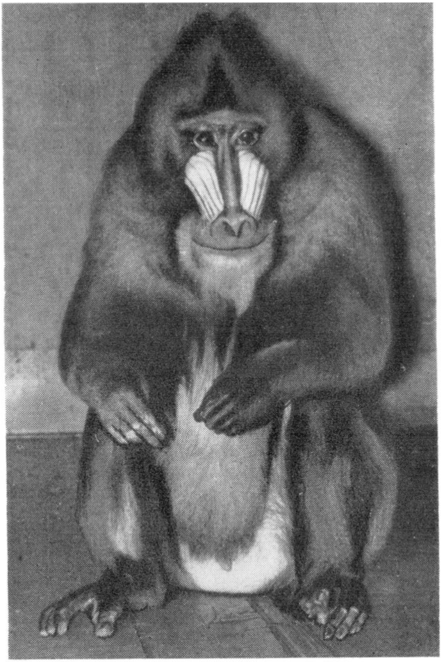
Аллигаторы из Южной Азии — долгожители нашего зоопарка, они здесь обитают третий десяток лет. По-видимому, им по душе пришелся наш климат





Мартышка и макака — любители позировать перед фотообъективом. Они своей сообразительностью и забавными выходками привлекают посетителей

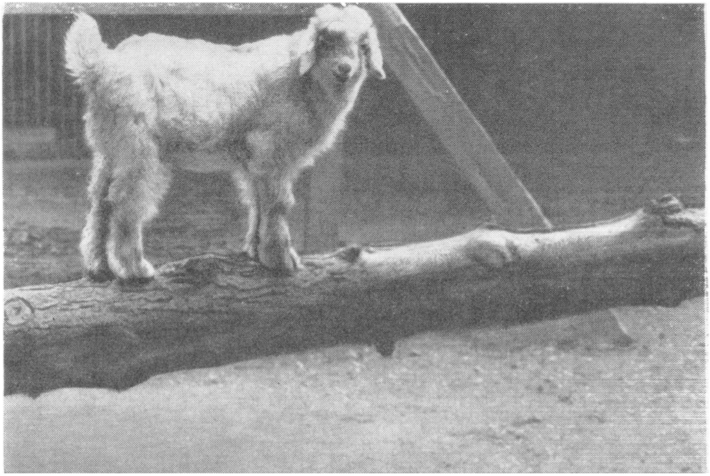




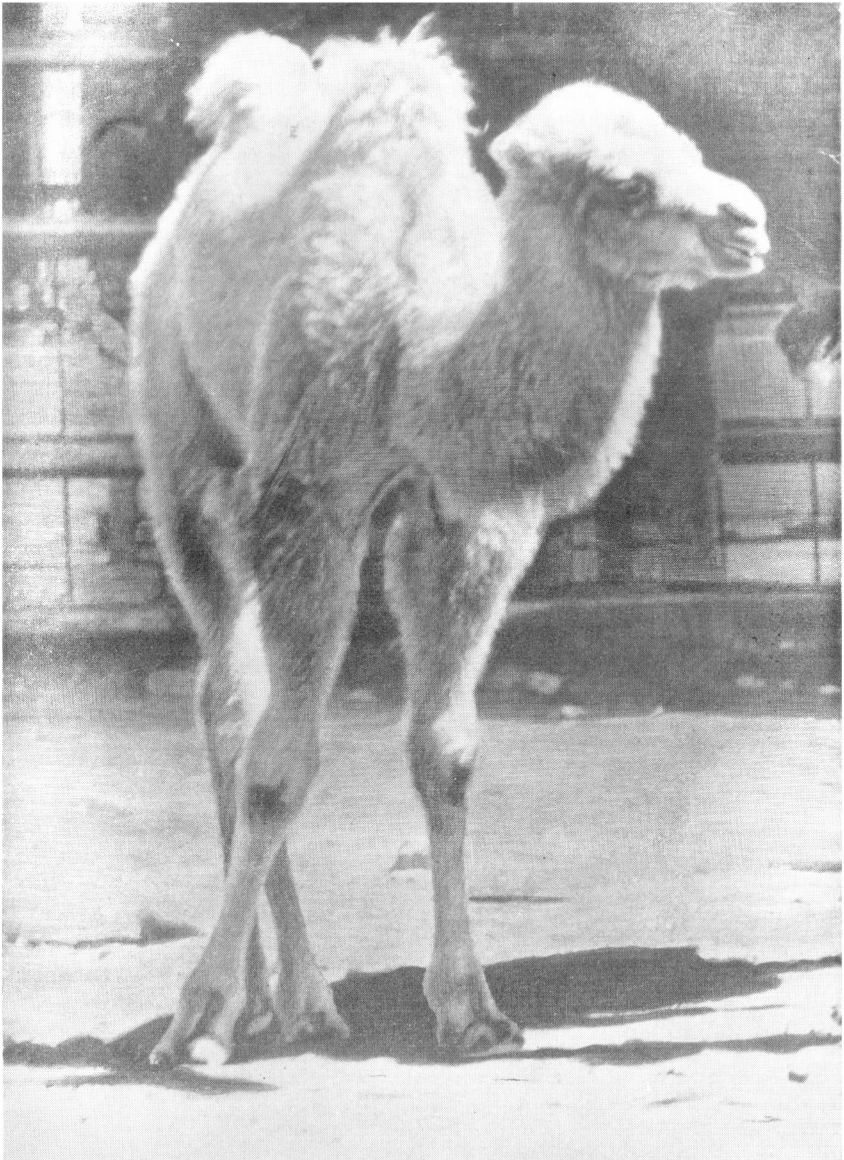
У нас около десяти видов обезьян. Среди них выделяются человекообразные шимпанзе, смышленые и спокойные, и мандрилы, нелюдимые, сильные, опасные животные

Обитатели Атласских гор — **африканские** гривистые бараны — необыкновенные **«чистюли»: умываются водой, снегом, мокрым песком**

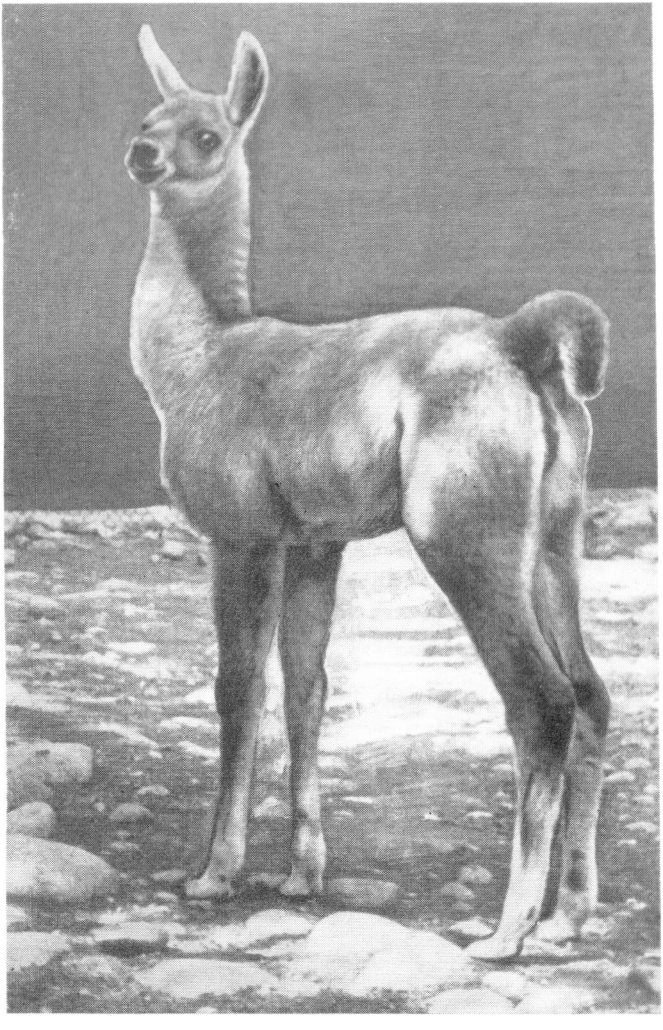
А этот козленок — любит играть



Венгерский баран «уважает» блага цивилизации



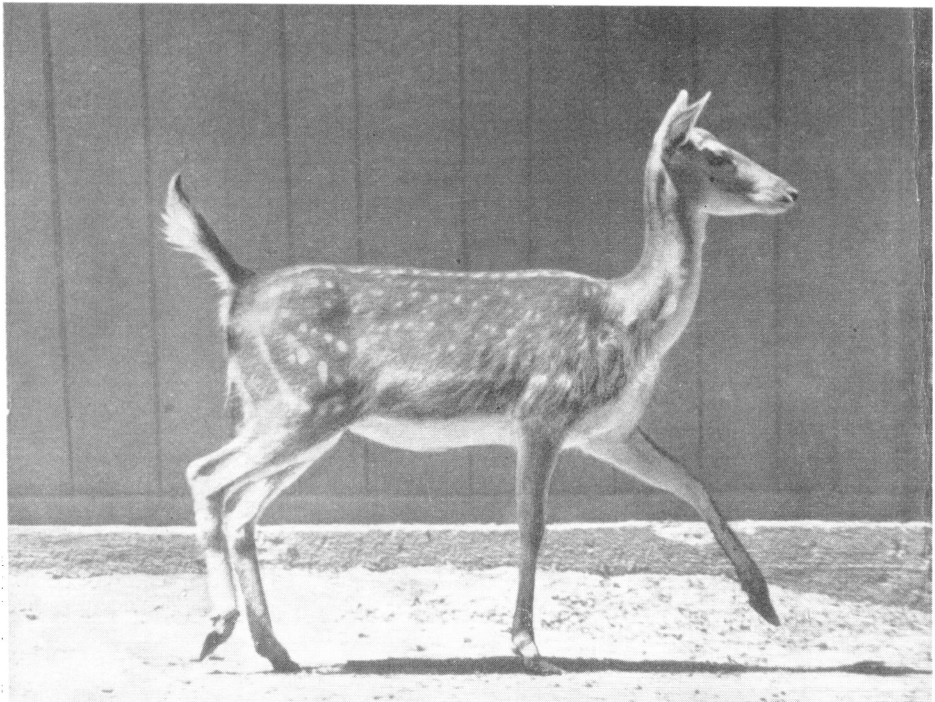
Это — верблюжата: детеныши казахстанского двугорбого верблюда и южноамериканской ламы

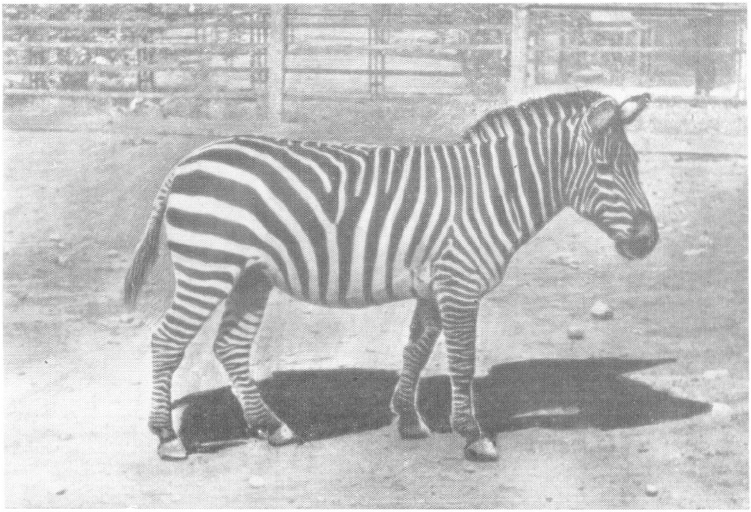


4—2030

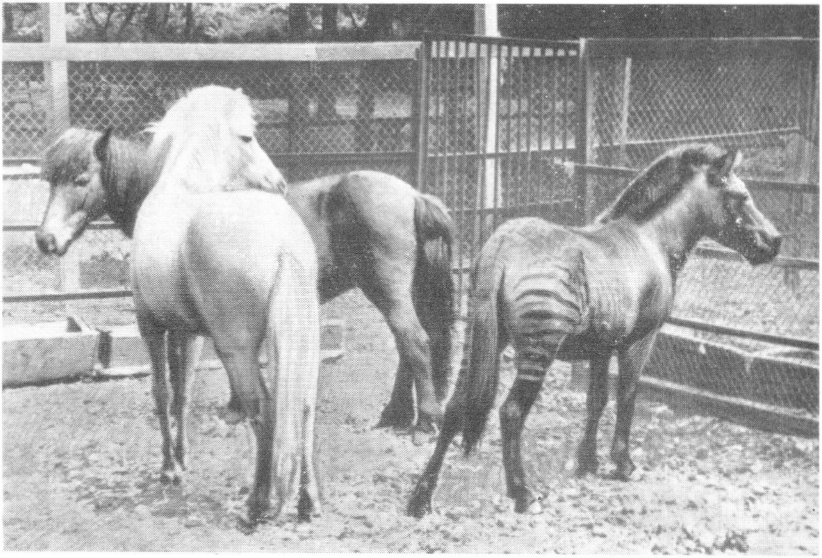
Африканские антилопы канны

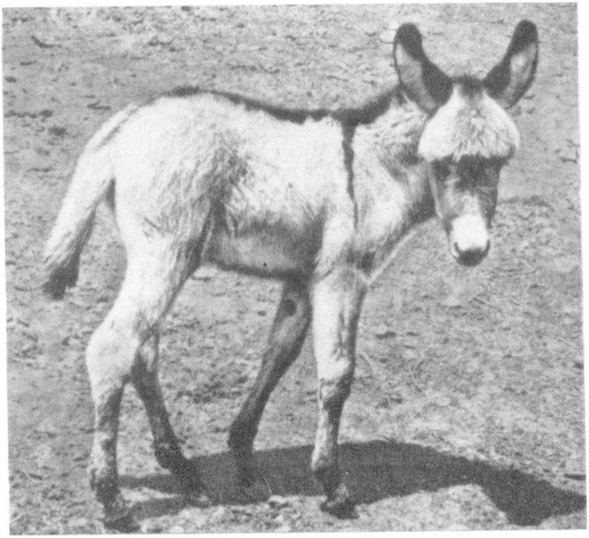
Быстроногая лань



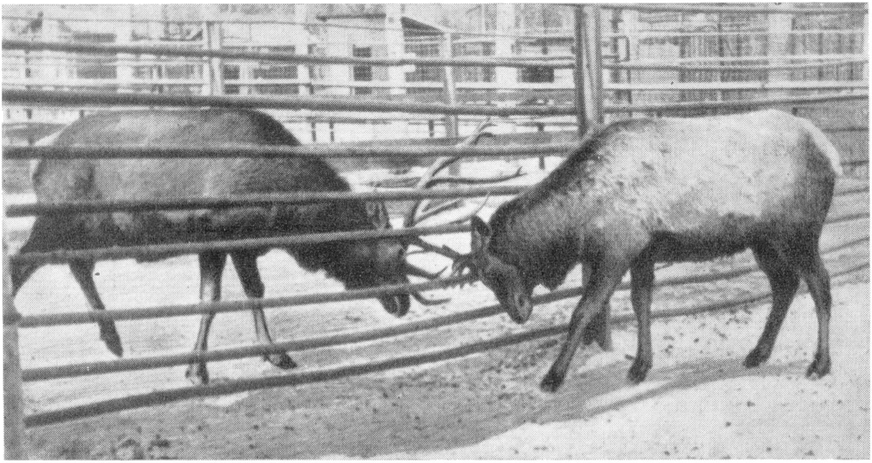


Зеброид — детеныш пони и зебры



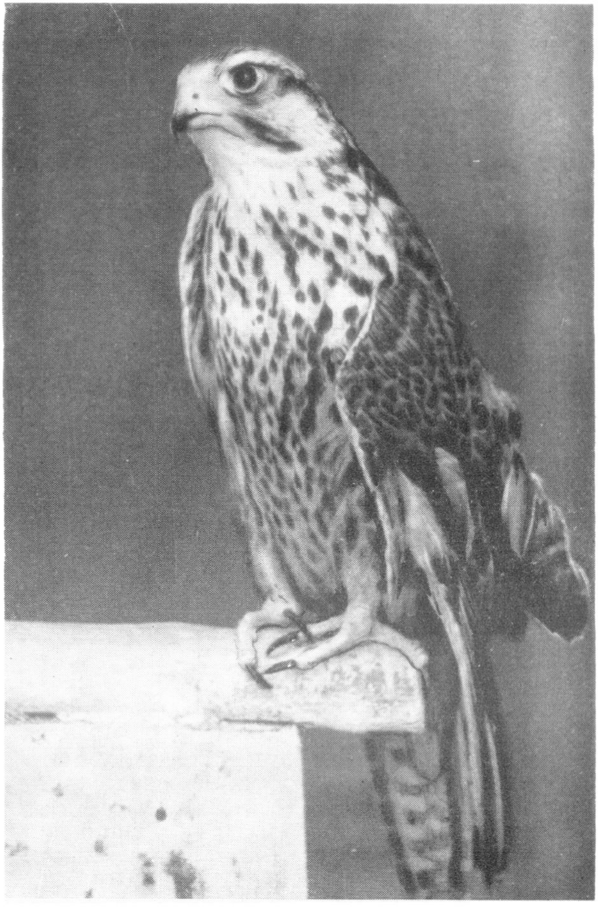


Осень в зоопарке. Приуныл ослик, а маралы-самцы вызывают на бой своих соперников



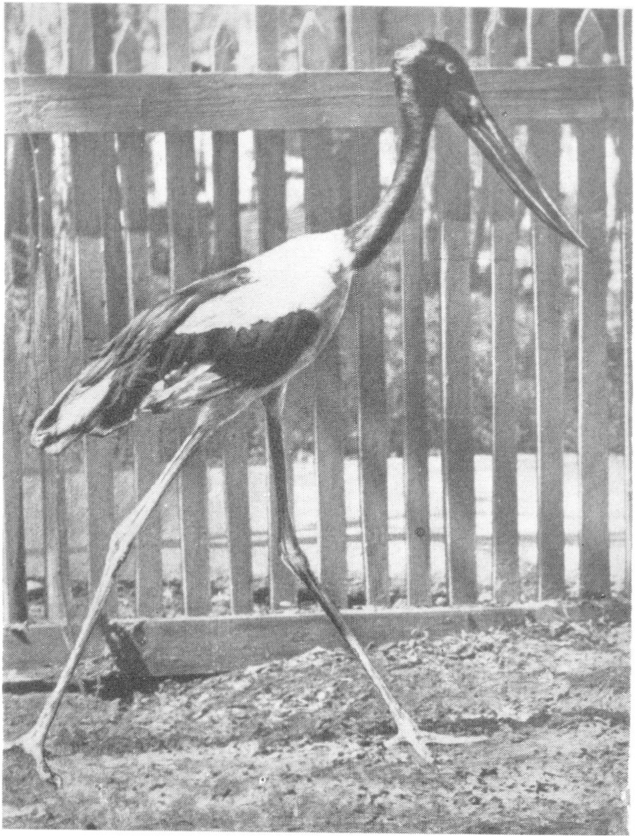
У пары бородачей-ягнятников поздняя осень — пора гнездования

Жители высокогорий — черный гриф и кумай — обладатели красивых пышных воротников

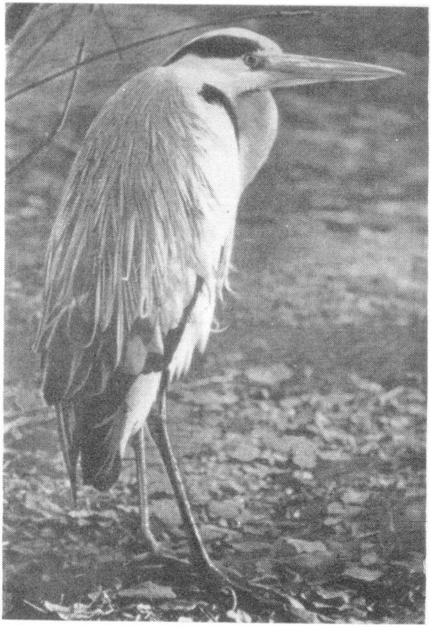


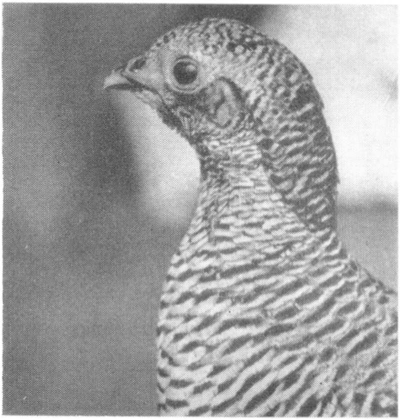
Сокол балабан — быстрый стремительный хищник

И нарядные пеликаны, и стройные азиатские аисты — жители жарких южных стран. И тех и других кормят водоемы

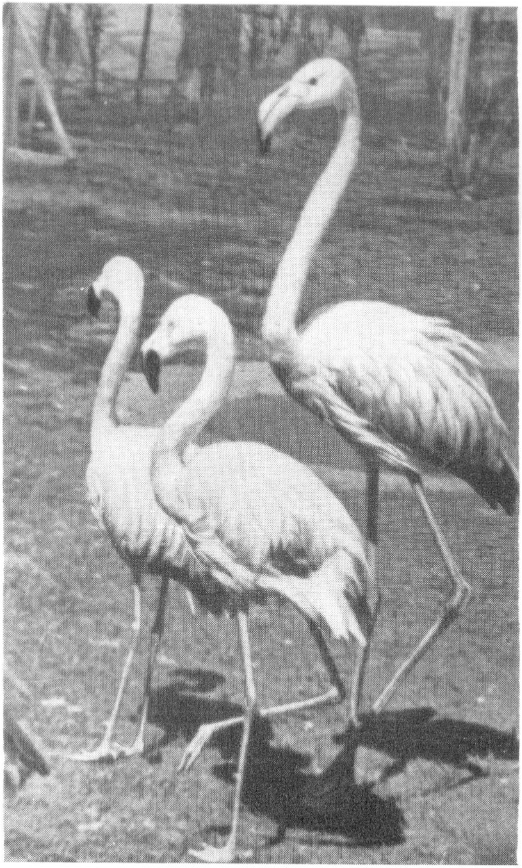


Лето для всех птиц — желанная и благодатная пора. К этому времени они успокаиваются: гнезда построены, птенцы выведены и успели подрасти





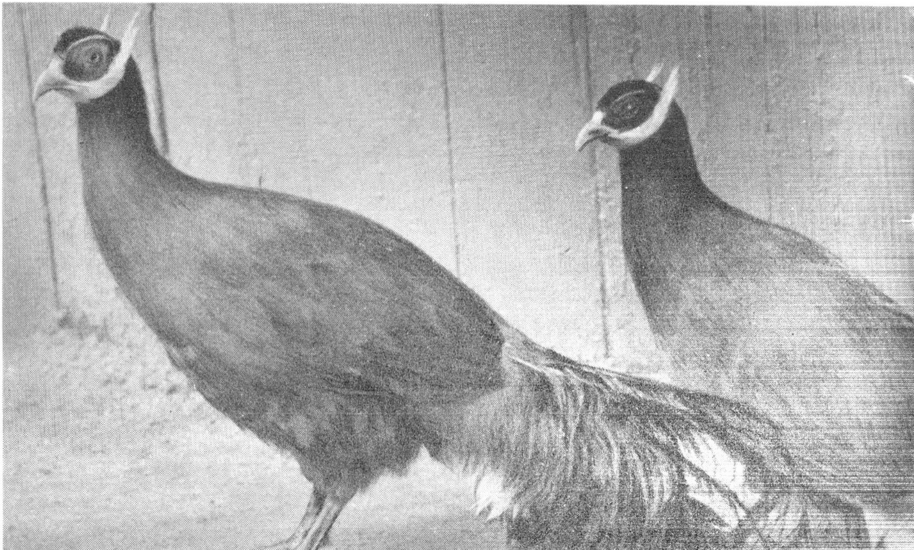
Розовые фламинго — пожалуй, самые красивые птицы казахстанской фауны. Они охраняются в Кургальджинском заповеднике

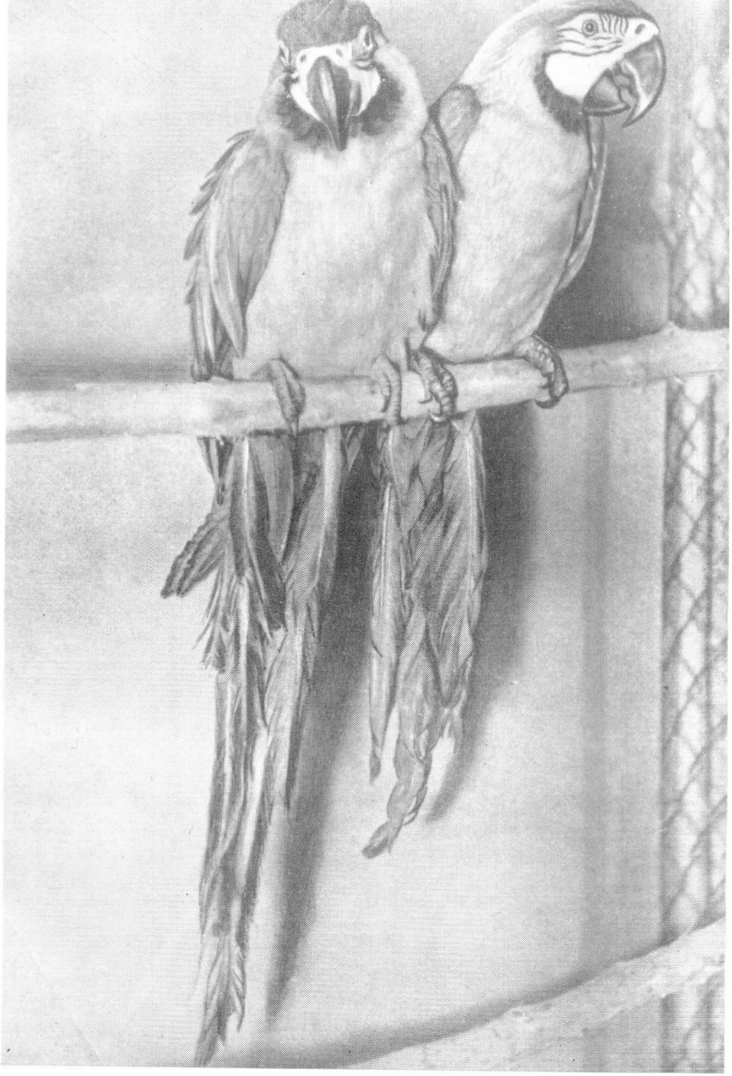


Шлемоносный казуар из горных лесов Новой Гвинеи имеет мощные развитые ноги и защитный шлем на голове

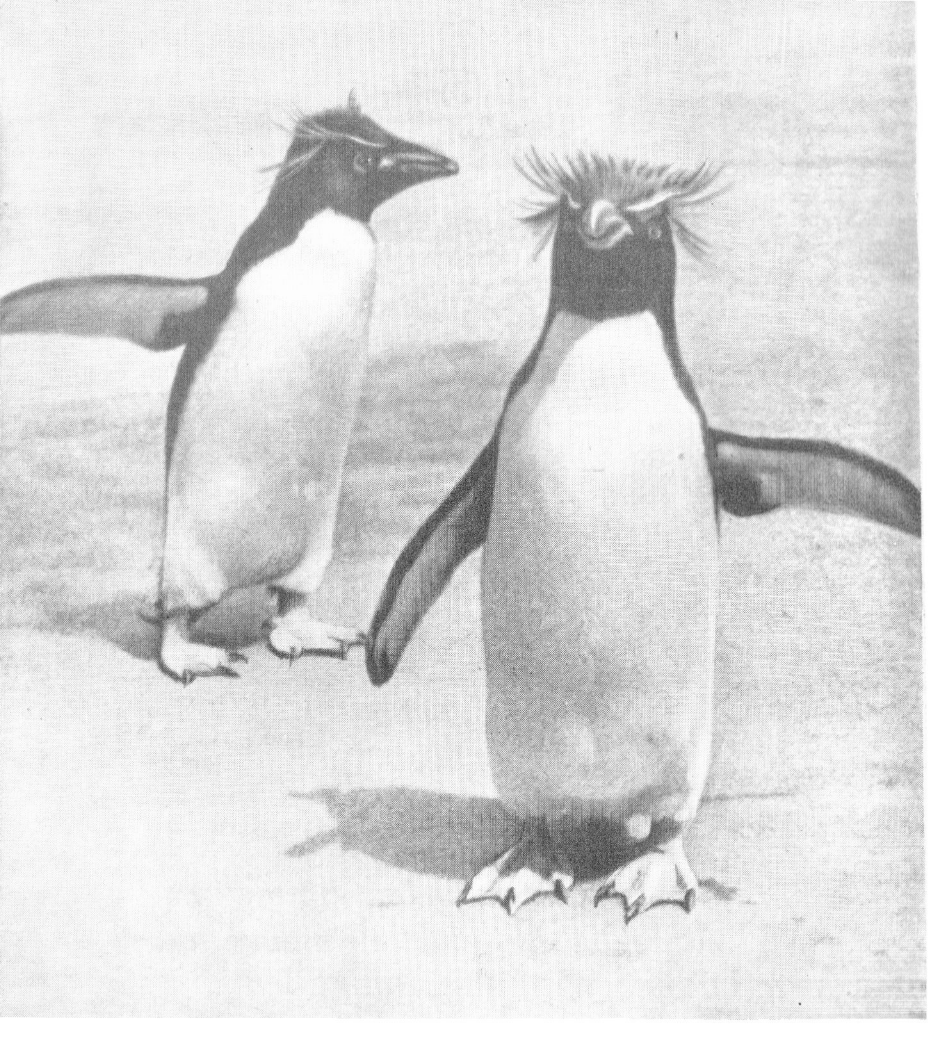
Морскую чайку — клушу — нередко можно встретить в Казахстане

Тибетские голубые фазаны





Южноамериканские сине-желтые попугаи



На острове Кергелен в южном полушарии большой колонией обитают золотоволосые пингвины. Несколько таких птиц живут в нашем зоопарке

Жизнь зверей в зоопарке,
подчиненная распорядку,
введенному человеком, течет, однако,
по своему естественному руслу.
Весной оживляются птицы —
строят гнезда, высиживают птенцов;
самцы копытных подают сигналы своим «соперникам».
Когда появляются на свет малыши,
волнуются служители, ветврачи,
зоотехники. Ответственность за сохранение
потомства зверей и птиц,
рожденного в неволе, падает на них.
И нужно много терпения, старания, любви,
чтобы сберечь бегемотика,
львенка, дикобразика,
помочь им окрепнуть, стать на ноги.

ПЕРВЕНЕЦ В СЕМЬЕ КЕНГУРУ

У кенгуру появился новорожденный. Но в зоопарке об этом узнали не сразу. Он прятался в сумке на животе матери, и почти пять месяцев о его существовании никто не подозревал. Обнаружила малыша служительница: однажды, убирая в клетке, она заметила, как из сумки показалась и тут же скрылась головка кенгуренка.

Мне не терпелось посмотреть на первенца нашей австралийской гостьи. Я стал приходить к клетке каждый день. Но только полмесяца спустя зверек немного осмелел и перестал скрываться. Теперь постоянно можно было видеть его торчащую темно-серую головку, и довольно крупную — примерно с голову взрослого кролика. Любопытные глазки, казалось,

говорили: как хочется освободиться от маминой опеки, вылезти на пол, попрыгать.., да храбрости не хватает!

Я часто наблюдал, как кенгуренок, сидя в сумке, достает лапкой с пола ветку клевера, который дают взрослым кенгуру, и пробует ее грызть; или умывается лапками, как ребенок ручонками: сперва хорошенько протирает глазки, а потом долго приглаживает свои длинные ушки.

Наверное, не все знают, что рождение детеныша у любого обитателя зоопарка приносит много тревог людям, здесь работающим. Нельзя твердо быть уверенным, выживет ли зверек, вырастет ли потом. Беспокойство приходит с появлением на свет потомства многих животных. Чтобы сохранить малышку, часто приходится дежурить возле него день и ночь. То надо отсадить от стада мать с новорожденным — иначе его затопчут, то утеплить для него логово — иначе «кроха» замерзнет. Чтобы мать не волновалась и не таскала в зубах детеныша из угла в угол, желательно исключить всякие лишние шумы извне. Да мало ли что? К каждому зверю или птице нужен свой особый подход.

Но первенец-кенгуренок в этом отношении оказался исключением. Он не причинял нам много беспокойства. У сумчатых, известное дело, теплое логово, оно же — надежное убежище для малыша, при себе — в сумке. Родится и сразу в нее попадает. И никаких хлопот ни матери, ни служителям.

Может быть, поэтому кенгуру некоторые склонны считать животным более примитивным по сравнению, скажем, с верблюдом или зайцем—их дети рождаются зрячими, с шерсткой и сразу могут сами ходить или прыгать. Но в условиях зоопарка как раз «упрощенность» кенгуру делает его очень «удобным» зверем — с ним легко работать служителям.

Прошло еще немало времени, прежде чем я узнал: кенгуренок совершает непродолжительные прогулки, покидая свою колыбельку. Я зачастил в зимник, чтобы увидеть это. Только мне долго не везло. Мешали соседи кенгуру по клетке— львы. Они поднимали шум, когда я появлялся. Малыш-кенгуру пугался львиного рыка и успевал заскочить в сумку раньше, чем

я оказывался у клетки. Такой он осторожный и пугливый! Забавно было видеть, как сумка буквально ходит ходуном: малыш от волнения суетится, устраиваясь поудобнее.

Но, наконец, все-таки мне удалось застать кенгуренка вне материнской сумки. И вот как это было. Я подошел к клетке. Кенгуру с детенышем, по-видимому, слишком сосредоточились на обеде — ели, не замечая ничего вокруг. А львы в это время спали и не подали свой обычный «сигнал» об опасности. Я старался не шевелиться, чтобы не спугнуть маленького зверя. И был вознагражден — минуты три он не замечал меня. Но почувствовав, словно спохватился, быстро кинулся к матери, передними лапками зацепился за край сумки и стремительно прыгнул в нее с головой. Я думал, что такому крупному зверьку, каким он мне показался, ни за что не поместиться в сумке! А он, словно ловкий фокус мне показал,— запросто это сделал.

...Детеныш подрос. Сегодня, когда я приблизился к клетке, стал впопыхах залезать в сумку, но сделал это лишь с третьей попытки. Вроде бы нырнет в нее головой, и... мимо -- только по гладкой шерстке скользнет. Я смотрел на него и думал: «Большой стал, наступает, видно, время отвыкать от материнской услуги, хоть и неохота... А трусишка ты, видать, порядочный».

Игра «в прятки» надоела и самому кенгуренку. И вот уже я застаю его в клетке сидящим поодаль от матери. Увидев меня, он не кинулся спрятаться, а сперва некоторое время посидел и без спешки, даже вроде бы с ленцой, запрыгнул к кенгурихе. Его можно было понять: в тесной маминой сумке приятно ли сидеть, когда можно самому прыгать! Но, словно поразмыслив, кенгуренок все же решил спрятаться: мало ли что может случиться? Подсказывал инстинкт самосохранения да и укоренившаяся привычка. Взявшись лапками за края сумки, он расширил ее, сунул голову и... успокоился, будто задумался: лезть или не лезть? На «раздумье» толкало многое. Когда был маленьким, так просто нырнуть и очутиться в мягком глубоком гамаке, одно удовольствие! А попробуй-ка те-

перь, когда ростом чуть ли не в половину матери! И все же, посидев спокойно с полминуты, кенгуренок, вероятно, за это время взвесил все «за» и «против» и начал трудную и сложную процедуру. С большим усилием он втолкнул половину своего туловища в сумку — она стала сразу же переполненной и едва ли не трещала «по швам». Снаружи оставались еще длинные задние ноги и длинный хвост! Как втиснуть этот «остаток»?

Тут-то меня ожидало удивительное. Чтобы дать место в мешке и второй части себя, кенгуренок начал совершать медленный кульбит. Он словно перекувыркнулся в сумке через голову. И хотя это стоило ему больших усилий, добился своего — голова погрузилась в глубину, затем постепенно втянулось и все остальное. Достигнув «дна», голова пошла вверх и вскоре показалась из сумки. Наступила самая трудная стадия: снаружи болтались задние ноги и хвост. Усилиями всего тела кенгуренок старался теперь как можно больше выбраться из сумки, чтобы освободить место для лапок и хвоста. Наконец, голова, грудь и вся передняя часть тела оказались вне сумки, а ноги опустились вниз. Я не верил глазам: кенгуренок удобно уселся в материнском «кармане».

В тот же день я еще раз навестил кенгуриную семью. Малыш, намучавшись один раз, больше уже не стал забираться в сумку. Он спрятался за спину матери и, дрожа от страха, выглядывал оттуда.

Наступило время, когда кенгуру с детенышем переселили в летнюю клетку. Теперь они были на виду у посетителей. Малыш с трудом привыкал к новой обстановке. Толпа людей пугала его. Он по-страусиному засовывал голову в материнскую сумку, вероятно, считая, что его никто не видит, и так сидел целыми часами.

Однажды на экскурсию пришли школьники. Они заполнили всю аллею. Шум, гам, возгласы удивления. Казалось, кенгуренок не выдержит на этот раз, спрячется в надежном материнском укрытии. Но он будто растерялся, вместе с матерью заметался по клетке, «убегая» от опасности. «Да, теперь тебя

даже насильно не загнать в колыбель,—подумал я.— Кончилось твое детство».

И правда. Через день-другой я наблюдал: он привык к людям и уже больше не боялся их...

Другому новорожденному кенгуренку не повезло. Мать выбросила его из сумки, когда он был маленьким и слепым. Наверное, она сделала это по молодости и неопытности. Но тем не менее малыша обрекла на страдания. Я видел, как он, длиннохвостый, с непомерно большими, несуразными задними конечностями и без единой шерстинки на розовом тельце, валялся на середине клетки. Такой маленький, такой беспомощный!

Служительница Тамара и ветврач Хусаин подавленные стояли у клетки. Что-то надо предпринять — детеныш на глазах коченел.

— Не медля ни секунды посадим его в материнскую сумку обратно,— сказал Хусаин.

Трудно было ловить кенгуриху, еще труднее удерживать. Самка изо всех сил вырывалась, билась и делала невероятные прыжки. Тамара водворила малыша на место. Осторожно Хусаин отпустил мать. И вот немного отбежав от людей, кенгуриха запустила в сумку свои короткие передние лапы, и что же? Вскоре несчастный малыш, как и прежде, валялся на холодном полу.

Я смотрел на Тамару — она была в отчаянии. Минуту постояв в нерешительности, завернула новорожденного в теплый халат, а чтобы согреть его еще лучше, положила на грелку с теплой водой. Целые сутки прожил кенгуренок под присмотром Тамары. За это время она несколько раз поила его коровьим молоком из соски, а ночью подливала в грелку горячую воду. Ожил кенгуренок и от удовольствия даже слегка попискивал.

Наутро Хусаин решил опять насильно посадить детеныша в сумку матери. Вместе с Тамарой они с трудом поймали кенгуриху. К их величайшей радости мать приняла свое дитя и больше не выбрасывала из сумки.

Так был спасен от гибели детеныш ценного зверя, экзотического представителя в нашем зоопарке далекого австралийского континента.

Из него вырос красивый кенгуру. Он хорошо поддавался приручению, благосклонно встречал людей, особенно Тамару. И я, глядя на него, думал с благодарностью о служителях, о тех, кто заботится о животных. И не только по долгу службы. А по любви.

ИЮНЬКА

Бегемотик родился летом, в самую жару, и служительница Аня назвала его Июнькой. Вместе со своей матерью, огромной бегемотихой, малыш отдыхал в бассейне — его специально построили для семьи гиппопотама.

Анечка улыбалась, глядя на детеныша,— точь-в-точь такой же, как взрослые бегемоты, те же жирные складки по телу, такие же выпуклые глаза... Только рядом с трехтонными родителями Июнька казался крошечным.

Но эта «кроха» весила не больше не меньше — сорок килограммов! Нормально. Родись бегемотик в Африке, купался бы в водоеме и отдыхал на мягком песчаном или илистом берегу. Другое дело здесь, в зоопарке. Нырять приходится... в яму с бетонным дном, а загорать... на асфальтовой площадке. Нежная кожа на подошве ног при таком большом весе не выдержала, стерлась. Заболел Июнька.

Загрустила Аня. Бегемотиха не подпускала к малышу врача — бросалась на него, стоило ему только приблизиться к изгороди. А Июньке нужна была срочная помощь— он страдал от боли.

Аня решилась сама подлечить малыша. Она взяла у врача мазь, ведерко с теплой водой, чистую тряпку и... вошла на

площадку. Поразительно — бегемотиха осталась спокойной и невозмутимой, даже когда Аня подошла к Июньке... Она промыла ранки на задних ножках малыша, смазала их мазью... Задумалась: стоит пациенту прогуляться, как все лечение пойдет насмарку. Как же быть?

И вот что она придумала: обула Июньку... в обыкновенные мужские носки! Для этого Ане еще раз пришлось заходить в жилище бегемотов — и они так же беззлобно встречали служительницу.

Очень мило выглядел Июнька в голубых носках! Он был трогательно серьезен и сосредоточен и напоминал ребенка перед прогулкой. Посетители долго стояли у изгороди, недоумевая, кто же ухитрился обуть бегемотика?

Июнька много ходил. И его обувка прохудилась быстро. Аня надела ему другие носки — теперь желтые.

Три пары обуви сносил Июнька, пока зажили ранки на ногах. За доброту Аня была вознаграждена доверием и расположением к ней всей семьи гиппопотамов.

КОКОК

Дикобразы — это звери злые, недоверчивые и пугливые. В неволе у них только в редких случаях появляется потомство. Старая дикобразиха оказалась среди многих своих сородичей счастливым исключением. С тех пор, как она поселилась в одной из клеток нашего зоопарка с самцом-дикобразом (их вместе поймал охотник в горах Заилийского Алатау), у нее стали регулярно рождаться детеныши. И не по одному разу в год, а по два — весной и в середине лета. Обычно она приносила по парочке забавных малюсеньких детенышей и лишь изредка троих. Дикобразиха была настоящим

кладом зоопарка. Редких и ценных зверьков, выращенных в клетке, с охотой покупали многие зоопарки как наши, так и заграничные.

Мне не раз приходилось видеть, как между новорожденными вспыхивали стычки, упорные и жестокие. Еще шерстка не успела обсохнуть, а они уже со злобным ворчанием и сопением отчаянно наседают друг на друга. Каждый при этом норовит как можно больнее укусить своего соперника крепкими, острыми зубами-резцами. Драки часто длятся подолгу и так изнуряют обоих, что, выбившись из сил, они валятся с ног и некоторое время лежат на полу в полном изнеможении. Отдохнув, вскакивают, и битва закипает с новой силой. И только если один из драчунов, струсив, убежит от своего соперника и спрячется за спиной матери, схватка прекращается.

...У дикобразихи родились трое. Радоваться бы служителям, а они опечалились. Не странно ли? Ведь в зоопарке жизнь зверей и взрослых, но особенно детенышей, в большей безопасности, чем у их собратьев на воле. Но было о чем подумать. Служители по опыту знали: мать больше двух детенышей не выкормит, и если он не умрет голодной смертью, погибнет от ран, нанесенных в поединке с двумя более сильными братьями. Эти два крепыша быстро определили слабого. При любой его попытке приблизиться к матери, набрасывались на него и больно кусали. Бедняга был так напуган, что забился в темный угол к самцу-дикобразу, где тот обычно лежал целыми днями, и сидел там, не смея пошевелиться.

Прошло двое суток. У малыша за это время во рту не было ни капли материнского молока.

Мы смотрели на несчастного, не зная, что предпринять. И тут я решился:

— Что, если взять мне его к себе домой, а?

Служители пожали плечами.

Я побежал к директору зоопарка за разрешением.

...Неожиданный наш квартирант оказался очень грозным и неприступным. Маленький — размером всего с молодую морскую свинку, с множеством иголок на спине, правда, по-

ка еще коротеньких (не длиннее одного сантиметра), он возбуждал любопытство всех моих домочадцев, но мы боялись уколоться и старались быть осторожными в обращении со зверьком.

Увидев, что находится в новом незнакомом для него месте, маленький зверек стал протестовать. Он попытался даже нас напугать: довольно громко стучал пятками задних ног о дно клетки, топорщил свои колючки и гремел «погремушками», которые находятся на конце короткого, но толстого у основания хвоста. «Погремушки» выглядят очень оригинально: это — пучок полых внутри иголок с очень тонкими стенками, вершинки которых словно срезаны чем-то острым. При нервном дрожании хвоста они издают звуки, напоминающие не то шелест сухой травы, не то злобное шипенье крупной змеи...

Еще он поразил нас усами — непомерно длинными, густыми и очень подвижными. Чтобы закончить описание гостя, мне остается еще добавить: во рту малыша были крепкие и острые резцы, на пальцах лап — сильные коготки, а на голове красовался пучок волос в виде пышного хохолка.

Нам не пришлось особенно долго ломать голову, чтобы придумать этому дикарю подходящую кличку. Она нашлась как-то сама собой. Зверек часто издавал не очень громкий звук, который можно передать словом «кокок». Так он выражал свое недовольство или нетерпение. Мы и назвали его Кокок. На кличку зверек стал отзываться довольно скоро.

Он оказался на редкость сообразительным. Уже в первый же день жизни у нас быстро оценил удобства городской квартиры и избрал для себя ванную, уголок самый тихий и теплый. Там почти всегда темно, а это было особенно важно для отпрыска жителей нор. Поскольку кухня у нас рядом с ванной, дикобраз прямо из своего убежища без труда совершал набеги на кухню, чтобы подкрепиться. Делал он это постоянно после того, как мы там два-три раза угостили его молоком.

Слово «набеги» я употребил не случайно. Хоть мы регулярно готовили для него обеды (сперва это было просто чуть подогретое молоко, в которое добавляли немного сахару), он

старался еду прежде всего стащить и «втайне» от нас полакомиться где-нибудь в темном уголке. Захватив зубами блюдце за край, он шумно тащил его по полу туда, где безопаснее. Что из этого получалось — догадаться нетрудно: молоко выливалось на пол, а пустое блюдце оказывалось под столом. Там он еще долго гремел им, швыряя из стороны в сторону. От злости, так как не понимал, куда мог исчезнуть его обед. Чтобы отучить Кокока таскать блюдце, мы, приноравливаясь к его стремлению есть в наиболее укромном месте, ставили пищу под стол.

Он был недоверчивым, очень осторожным все время, пока жил у нас, топорщил свои иголки, угрожая уколоть. Приручать его было трудно. Ни приласкать его, ни погладить лишний раз. А иглы, как нарочно, с каждым днем подрастали, становясь все острее и тверже.

Мне удалось как-то заметить, что голодный дикобразенок менее осторожен и даже ласковее, чем сытый. И с тех пор перед тем, как накормить, мы брали его на руки, подолгу гладили и ласкали. В такие моменты Кокок, видимо, забывал обо всем на свете, только и думал, как бы скорее досыта чего-нибудь поесть.

Кстати, есть Кокок выучился не сразу. Конечно, можно было начать с детской резиновой соски—так в большинстве случаев и делают многие из тех, кому приходится вскармливать зверят. Но мы поступили иначе — сразу стали приучать пить молоко прямо из блюдечка. Пусть уж лучше перемучается день-другой, думали мы, зато когда привыкнет лакать — меньше будет с ним возни, да и гигиеничнее так. К нашей радости уже на третий день он пил не только молоко, но и сладкий чай — его давали, если в доме случайно не было свежего молока.

Детеныш нелюдимого горного грызуна был прежде всего очень большим сластеной. С удовольствием грыз сахар, печенье, конфеты. А еще через неделю стал есть чуть ли не все, чем его угощали: и хлеб, и вареный картофель, и яблоки, и помидоры. Самая же большая неожиданность — Кокок, этот

типичный вегетарианец, не отказывался и от кусочка колбасы или теплой и пахучей косточки из супа, с которой с удовольствием любил повозиться, полизать ее и погрызть.

Прожив у нас около недели, Кокок переменился в лучшую сторону — стал более общительным и все время (если только не отдыхал) бегал за нами по пятам, стараясь задеть, чтобы с ним поиграли. Впрочем, иначе-то и быть не могло. Как всем малышам его возраста, Кококу очень хотелось играть. Но, к сожалению, у нас в это время ни котят, ни каких-либо других животных не было. Правда, он не унывал в одиночестве и нередко веселился сам, как мог. Особенно оживлялся наш малыш по вечерам. В это время обычно покидал ванную и, подкрепившись, любил побегать в просторном зале. Носился дикобраз так, что только был слышен дробный перестук его лапок. Разыгравшись, он вертелся волчком, иногда подпрыгивал, забавно кувыркался в воздухе. Словом, своими выходками он чем-то напоминал нам здорового сытого котенка—был таким же резвым, проворным и веселым.

Постепенно, обживаясь на новом месте, Кокок устроил себе теплое гнездо под ванной, употребив для этого старые газеты и журналы, которые он предварительно изорвал в клочья. Хотя постель у него была и уютная, просыпался он рано. Сразу бежал на кухню. Если там находил что-нибудь съестное, все обходилось хорошо. Но случалось и так, что тот запас, который мы приготавливали ему с вечера, он тогда же незаметно для нас и съедал. Утром, найдя блюдце пустым, Кокок сразу становился очень сердитым. Вообще, он обладал, если можно так сказать о зверьке, вспыльчивым характером. Чуть что не так — начинал суетиться, злиться, старался всегда разыскать кого-нибудь в комнатах. Неважно, кто попадался ему на пути первым: я, жена или дети. Наскакивал и старался больно уколоть иголками и укусить. А если никого не встретит, «наказывал» какую-нибудь вещь.

Однажды Кокок, проснувшись, хотел быстро, как всегда, выйти из ванной и бежать на кухню. Но дверь была закрыта. Он поцарапался, правда, недолго, но никто из нас не поспешил

к Кококу, чтобы выпустить его из ванной. Он перестал трогать дверь, и мы посчитали, что он сам открыл дверь и, наверное, молчит потому, что занялся едой. Но все оказалось по-другому. Придя внезапно в ярость, Кокок стал колесить по ванной. Тут-то и попался ему на глаза веник. Зверек яростно набросился на него... Когда мы отворили двери, то увидели: веник был растерзан, изгрызен на мелкие кусочки, мусор покрывал весь пол.

Ай да Кокок! Ни лисята, ни ежи, ни рысенок, жившие до него у нас,—никто не поступал так. Посмеялись мы над выходкой Кокока и решили никогда не закрывать наглухо дверь в ванную, чтобы не расстраивать его понапрасну.

Как-то мы засиделись у телевизора и ночью крепко уснули. Под утро нас разбудил громкий стук. Спросонок показалось, что кто-то пришел. Но нет! На пороге стоял Кокок и стучал об пол пятками задних лап. Я вскочил и взглянул на часы — до начала работы оставалось совсем мало времени. «Молодец, Кокок, что разбудил!»— сказал я ему. Придя на кухню, я понял, в чем дело. Оказывается, зверьку не понравилось молоко. Я напоил Кокока сладким чаем со сливками и побежал на работу.

Бывало, что дикобраз так же по утрам забегал в спальню детей и будил их своим стуком. Выходит, что был вроде живого будильника.

Первые полторы недели, пока Кокок не подрос и не окреп, мы ни разу не выводили его на прогулку. И вот однажды мы вышли с ним во двор. Что тут было! Маленький зверек размером с взрослого ежа буквально обалдел от свободы. Земля! Сколько новых запахов подарила она нашему зверьку во время прогулок! Он только и знал, что жадно обнюхивал землю, траву, песок, камешки — это было что-то новое, неизвестное. Сам Кокок, такой необычный по виду зверек, был на диво всем людям — и взрослым и детям. Мы только и слышали: «Что за зверь? Где поймали? Не бросается ли иголками?» И обычно моего младшего сына Сережу со зверьком окружали плотным кольцом ребятишки. Кококу было боязно, он те-

рялся и из предосторожности старался держаться ближе к к своему защитнику — жался к ногам Сережи, безошибочно находя их среди других ног, обутых в такие же кеды. Ребята нашего сорокавосьмиквартирного дома полюбили Кокока. Всем хотелось потрогать зверька, погладить его, их нисколько не смущали даже его колючки.

Мне особенно запомнилась первая встреча Кокока с детьми. Он так поразил ребят, что они ни за что не хотели с ним расставаться. Сережа собрался домой, и ребята гурьбой сопровождали его до квартиры. Но и тут не утерпели — вошли. Дома Кокока словно подменили. Он вдруг осмелел и стал гоняться за своими новыми знакомыми. Сперва такая выходка дикобраза показалась детям забавной. Они смеялись, шумели, бегали. Но вот все поняли—зверек не шутит, Кокок нечаянно или нарочно уколол одного из своих поклонников. Спасаясь от него, ребята с визгом забирались кто на табуретку, кто на стул, а одна девочка от страха влезла даже на стол. Но зверек не успокоился. Он метался по квартире, делал высокие прыжки, стараясь допрыгнуть до кого-нибудь и укусить. Кое-кто из ребят начал реветь. Тут уж Сереже пришлось выручать друзей. Он запер зверька в ванной, а всех ребят проводил до самой двери. Вот какое «гостеприимство» оказал дикобразенок ребятам! С тех пор наш питомец так осмелел, что во время прогулок во дворе не раз гонялся за детьми, и теперь уж они его побаивались.

Однажды Кокок напугал одну женщину. Она не спеша шла возле нашего дома. Вздумалось же ему побежать за ней! Женщина при виде незнакомого ей зверька, ощетинившего свои колючки, стала отбиваться от него авоськой, наполненной овощами и фруктами. Но зверек продолжал с еще большим азартом нападать на женщину. Та бросилась бежать. Невдомек ей было, что зверьку хотелось полакомиться яблоком или морковкой...

Одно время нам стало казаться, что наш Кокок скучает. Наверное, он одинок, решили мы. Что, если привести к нему друга? И я принес ушастого ежика, который был взрослым,

хотя размером немного меньше нашего двухнедельного дикобраза. Не терпелось узнать, как отнесется Кокок к ежику, подружатся ли зверьки?

К сожалению, этого не произошло. Почуяв в доме «чужого», дикобраз подозрительно стал принюхиваться, громко пристукивал задними лапами о пол. Еще не видя зверька, он сердился и «угрожал». Потом он нервно стал бегать возле клетки с ежом.

Когда выпустили ежа на пол, Кокок бесцеремонно полез к нему, ощетинив свои иголки. Но первое же знакомство с ежом показало Кококу: гость весьма не прост и сам, он не только колючий, как дикобраз, но, защищаясь, еще умеет и сворачиваться в клубок. Нападать не было никакой возможности. Приходилось держать оборону, а потом защищаться от непрошеного гостя, который решительно ринулся на Кокока. Дикобразенок этого никак не ожидал, растерялся и ему не помог даже колючий щит. Не выдержав натиска незнакомца, Кокок вскоре панически удирал. Он метнулся было под кровать, под диван, под шифоньер. Но еж настигал его повсюду. Вскоре Кококу стало совсем невмоготу от наседавшего на него малюсенького ушастого ежика, и он поднял такой жалобный плач, какого мы от него прежде не слыхали. Конечно, мы поспешили к нему на помощь. Ежика пришлось водворить в клетку.

Думая, что Кокок достаточно напуган для того, чтобы ему первому задираться, мы на следующее утро снова выпустили ежа погулять. Но не тут-то было. Увидев прохаживающегося по комнате ушастика, Кокок сразу набросился на своего обидчика и принялся кусать его с яростью. Было видно, что дикобразику и самому доставалось от острых иголок противника, но превозмогая боль, он грыз и грыз его, до тех пор пока не победил. На этот раз нам пришлось заступаться за ежика.

Так и не помирились Кокок с ежом, и нам ничего не оставалось, как их разлучить.

...Прожив у нас месяц, Кокок окреп настолько, что его

можно было вернуть в зоопарк. И вот теплым сентябрьским утром, уезжая на работу, я захватил с собой колючего питомца.

Его поместили в отдельную, специально для него оборудованную клетку, по соседству с дикобразами, его родителями. Те, почуяв нового жильца, сперва было заволновались, но вскоре успокоились.

Незнакомое жилище да к тому же и полное одиночество не понравилисьОкоку. Он яростно грыз зубами проволочную сетку, тем самым выражая свой протест против заточения. Конечно, он привык к людям, и ему хотелось быть с ними, требовать от них постоянно чего-нибудь, играть или даже просто вертеться у их ног.

Чтобы успокоить Кокока, я первые дни часто заходил к нему в клетку и подолгу гладил его. А по утрам мы с ним совершали прогулки по безлюдным аллеям. При этом маленький дикобразик был неутомим. Даже если я с шага переходил на быстрый бег, он напрягал силенки и старался поспевать за мной или хотя бы не выпускать меня из поля зрения. Такие прогулки обычно заканчивались благополучно, без происшествий. Только однажды Кокок, соблазнившись темнеющим провалом в фундаменте старой клетки, юркнул в него, и мне долго не удавалось выманить его оттуда. Сработал, видимо, инстинкт дикобраза, этого таинственного обитателя мрачных горных ущелий.

Дикобразенку не пришлось, однако, долго пожить в своей клетке. Осенью того же года он попал к дрессировщику, у которого было еще несколько молодых и старых дикобразов. Кокок среди них отличался смелостью и предприимчивостью — сказалась его прежняя близость к людям. Он лучше других поддавался обучению и был вообще более добродушным и спокойным.

Кокок в цирке исполнял роль артиллериста — стрелял из бутафорской пушки. И, надо сказать, делал он это бесстрашно. Дрессировщик умело использовал давнюю привычку молодого дикобраза — утаскивать все съестное куда-нибудь в укромное место. Он привязывал шнур одним концом к морковке,

а другим прицеплял к «пушке». По особой команде колючий зверек выбегал на арену, в определенном месте быстро находил приманку, хватал ее в зубы и стремился убежать. Шнур натягивался, и в наступившей тишине пушка громко стреляла. Это происходило каждый раз настолько неожиданно, что зрители вздрагивали, затем вскакивали с мест и громко аплодировали зверьку.

Отработав цирковую программу, дрессировщик сперва выступал с нею перед посетителями зоопарка, а затем отправился на гастроли по стране. С тех пор я не встречал своего колючего проказника.

Так сложилась судьба необыкновенного зверька, жизнь которого находилась под угрозой с самого момента рождения.

ЗЛЮКА

Тяньшанская медведица Злюка для нашего зоопарка — просто клад. За свою жизнь (ей сейчас более пятнадцати лет) она родила около двадцати пяти детенышей и из них вырос целый «табун» лохматых косолапых зверей.

Но не сразу в этой медведице проснулся драгоценный материнский инстинкт. В молодости Злюка отличалась беспечностью. Из-за этого погибли один или два ее детеныша вскоре же после появления их на свет.

Я пытался понять, почему это происходило. Однажды все объяснилось. Я оказался свидетелем того, как беспечность Злюки едва не стоила жизни одному из ее детенышей.

...Зимой в лесу медведица спит и ничего не ест и не пьет. Сама она и новорожденные живут за счет ее жировых отложений под кожей, которые медведица старательно нагуливает с осени. В зоопарке все обстоит иначе. Здесь медведей кормят

ежедневно и зимой. А медведиц, которые собираются стать матерями, даже балуют яблоками, молоком, сахаром, медом и прочими сладостями.

Однажды ранним морозным утром служительница, как обычно, принесла Злюке теплого молока и налила в поилку. Она не знала, что всего несколько часов перед этим, в глухую полночь, у нее родился детеныш.

Через пять минут из клетки донесся приглушенный писк. Мы прибежали на шум и вот что увидели. У входа в берлогу стояла медведица. Она словно колебалась: вернуться ей на зов малыша или идти к поилке, откуда до ее ноздрей доходил приятный запах молока... Вот оно что! Ежедневная привычка вставать из берлоги завтракать заставила ее сделать то же самое и сегодня. Заминка продолжалась недолго. Медведица взяла в пасть слепого, едва обсохшего детеныша и с ним направилась к поилке. Орущего что было сил медвежонка, который величиною был с двухнедельного котенка она положила на железный пол рядом с поилкой, а сама как ни в чем не бывало принялась лакать молоко.

Очутившись на остывшем за ночь железе, мевежонок залился невообразимым плачем. И тут до «сознания» медведицы дошло, какую оплошность она допустила. Прекратив еду, Злюка схватила поскорее деченыша и — бегом в берлогу. Она бережно упрятала его в густую шерсть, свернулась в клубок и стала согревать малыша своим горячим дыханием...

С тех пор служительница стала подавать еду Злюке прямо в берлогу, где она могла «подкрепиться», не вставая с постели.

Когда медвежонок окреп и подрос, ему дали кличку Черныш. Он оказался большим проказником. Однажды трехмесячный медвежонок захотел выбраться из клетки, чтобы погулять в саду. Сунул голову в щель, куда обычно подают медведям еду, да и застрял в ней. Дергался, дергался, видит: дело плохо и ну орать! Кинулись к Чернышу на выручку и медведица, и служительница. Медведица стала тащить малыша в клетку. И не поймет, что так и загубить его недолго. Помогли посетители, отогнав медведицу кочергой.

ДИКАРКА

Да, и в нашем зоопарке есть животные, с которыми служителям работать особенно опасно. Вот рысь. Мало найдется зверей, которые могли бы сравниться с нею по свирепости, кровожадности и коварству. Это один из самых распространенных хищников на земном шаре. У нас увидеть ее можно, например, в горах Заилийского Алатау. Правда, зверь избегает встреч с человеком и ловко прячется. Но если летом оказаться вблизи рысиного логова с выводком, то самка почти наверняка нападет на вас. Взрослая рысь по ловкости и силе превосходит собаку. Даже попав в полную зависимость к человеку, эти звери не изменяют своего отношения к нему, оставаясь злобными и нелюдимыми. Тем удивительнее случай, который произошел между мною и одной рысью.

...Рысь назвали Дикаркой. Уж больно злющая была и дикая. Прислали ее нам звероловы Забайкалья. Очутившись в неволе, она долго не подпускала к себе служителей. Но прошло время. Дикарка привыкла к клетке. И люди уже так сильно не раздражали ее.

У нее появился детеныш. Для служителей наступило трудное время — самка стала свирепой и нетерпимой.

Я подходил к клетке с большой осторожностью. Дикарка встречала злобным шипением, кидалась к решетке и колотила толстой и крепкой, как палка, лапой по железным прутьям.

Но однажды мое появление у логова не вызвало обычной злобы у ее хозяйки. Она ни разу даже не попыталась отпугнуть меня от клетки, хотя ее малыш, который к этому времени подрос и учился ходить, был возле самой решетки.

Рысенок не испугался, а с любопытством разглядывал меня мутными глазенками. Я поразился тому, что мать его не бросилась к детенышу и не утащила в глубину логова, где до

этого он всегда находился. Больше того, она вскоре занялась едой. Лишь изредка поглядывала в мою сторону

Не без страха просунул я руку через решетку и стал гладить рысенка. И это не встревожило ни малыша, ни его мать. Казалось даже, что дикий котенок рад такой ласке и вниманию к себе.

Покончив с куском говядины, Дикарка все же решила унести детеныша в безопасное место. Это ей удалось, хотя и с немалым трудом: подросший рысенок был тяжел, и Дикарке долго не удавалось захватить его зубами за загривок.

Через несколько дней я невольно вспомнил о смиренном поведении Дикарки, о том, что она позволила мне погладить своего малыша. Рысь внезапно заболела и умерла. «Наверное, бедняга чувствовала конец,— подумал я,— и инстинктивно «перепоручала» своего дитя человеку».

Сиротку служителям пришлось кормить из бутылочки с соской. Обращение с рысенком требовало особой осторожности, так как каждый раз он норовил укусить. Я недоумевал. Неужели это тот звереныш, которого мне довелось так просто приласкать на виду у свирепой рыси?

ЛИСЕНОК

В кружке юных биологов при зоопарке занимаются, конечно, те дети, которые очень любят животных. Доброта ребят беспредельна. И огорчаются они, пожалуй, сильнее взрослых служителей, когда какому-нибудь зверьку грозит опасность.

... Алик загнал зверят в дощатый домик, чтобы не вертелись под ногами и не мешали делать уборку на площадке молодняка.

Июльское утро выдалось очень жарким и душным. Алик работал медленнее, чем обычно. Вдруг у него мелькнула мысль: «Зверята сидят в домике уже очень долго, могут задохнуться!» Он тут же оставил свое занятие и кинулся к домику. Это было своеобразное укрытие для малышей на случай ненастья, в нем не было никаких щелей, только лаз, но и тот теперь наглухо был закрыт.

Алик немедленно отпер замок и с усилием приподнял тяжелую крышку домика. Так и есть! Один из лисят лежал на боку в самом центре домика. Пасть пострадавшего полуоткрыта, а тело бьется в судорогах...

— Кончается,— вслух проговорил Алик упавшим голосом, и у него бессильно повисли руки.

Лисенок вздрогнул всем телом в последний раз и затих. Тут только юннат опомнился; надо как можно скорее оказать пострадавшему первую помощь, ведь сердце у лисенка могло еще не остановиться! И, перегнувшись через высокую стенку домика, он дотянулся до зверька руками и стал делать ему искусственное дыхание. Сильный нажим на грудную клетку — выдох, резко отпущена рука — вдох. В груди лисенка клокотало и хрипело от врывающегося в легкие воздуха. И так еще долго бился над несчастным лисенком юннат.

Активное вмешательство Алика сперва будто помогло лисенку: он слегка было зашевелился, повел полураскрытыми глазами. После этого внезапно наступило резкое ухудшение, и жизнь, видимо, окончательно покинула несчастное животное. Лисенок затих и уже ничто не помогало.

Алик пришел в отчаяние. Он готов был заревать. Потом попробовал потрепать лисенка за большие уши, переволок его за хвост на другое место, еще раз проделал искусственное дыхание. И вот вдруг после одного резкого движения лисенок ожил. Он привстал на передние лапы, как-то удивленно посмотрел на склонившегося над ним взволнованного Алика и проворно шмыгнул в темный угол. Там быстро поудобнее улегся и... погрузился в сон.

Юннат облегченно вздохнул и перевел дух. «Выходит, ли-

сенок спал, а я принял его за мертвого»,— радостно подумал мальчик.

Алик не знал (да и многие люди не подозревают), что у лисиц, барсуков, куниц, соболей и некоторых зверей, живущих в глубоких и безопасных подземных логовах, сон бывает настолько крепким и безмятежным, что стоит большого труда вывести их из этого состояния.

ЯСЛИ ДЛЯ ЗВЕРЯТ

Так называют в зоопарке площадку молодняка. Здесь вместе воспитываются детеныши различных зверей. Заботятся о них школьники — юннаты. Это, как правило, учащиеся пятых-шестых классов и старше.

Очень часто дети бывают свидетелями удивительного содружества малышей, казалось бы, несовместимых по характеру. Юннаты наблюдали не раз, как детская привязанность зверят друг к другу перерастала потом во взрослую дружбу.

...Большеголовому и толстолапому львенку Арстану было уже около четырех месяцев, когда он впервые попал в «ясли». И лисята, и детеныши корсаков и енотовидных собак, и волчата, и домашние щенки были несравненно моложе (и меньше) Арстана. Тот выглядел в сравнении с ними чуть ли не великаном. Но тем не менее сын царя зверей боялся всех вместе и каждого в отдельности — такой уж он трусливый был. Арстан забился в угол и сидел там, не шевелясь, хотя никто из обитателей площадки даже и не помышлял его трогать.

Так в близком соседстве с незнакомыми зверятами он провел несколько мучительных часов. Возможно, что душевное спокойствие не скоро вернулось бы к нему, если бы не малюсенькая Мушка, очень подвижная, общительная собачка. Она

несколько раз подбегала к Арстану, дружелюбно помахивая своим голым хвостиком, словно приглашая играть.

Львенок, казалось, оценил благородство Мушки. Он робко, но с достоинством стал выходить из угла, следуя за своим маленьким другом. Они лакали из одной чашки молоко, не ворча, подолгу бегали и вместе отдыхали.

К осени зверята подросли. Кого-то рассадили по клеткам, кого-то отправили в другие зоопарки. И только Мушку с Арстаном не стали разлучать — уж больно крепко они подружились.

Львы становятся взрослыми к трем годам. Арстан возмужал несколько раньше — в полтора года у него появилась густая грива, отчего он приобрел несколько устрашающий вид. Мушка рядом с ним выглядела маленькой, тщедушной и совсем беззащитной. Посетители, наблюдавшие за этой парой, жалели Мушку. Кое-кто считал, что собаке небезопасно находиться вместе со львом, который, по их мнению, должен был ее в конце концов съесть.

Но люди ошибались. Мушка и Арстан проявляли только свою нежную привязанность друг к другу. Лев не только не обижал собачку, а наоборот, во всем ей подчинялся. Нет, не затворницей, достойной сожаления, а настоящей хозяйкой была в клетке Мушка. Как и в детстве, они по-прежнему играли вместе. Зачинщицей всегда была Мушка. Она прыгала вокруг Арстана, стараясь схватить его зубами за загривок. А лев едва успевал увернуться от наседавшей Мушки. Войдя в азарт, собака налетала на своего друга все стремительнее, и тот, защищаясь, иногда слегка задевал ее своей огромной лапой. Этого было достаточно, чтобы Мушка обиделась на него по-настоящему. Она с громким лаем набрасывалась на Арстана, чтобы отомстить ему за такую неосторожность.

Или Арстан не переносил громкого собачьего лая, или чувствовал себя перед Мушкой виноватым, но он вдруг начинал метаться по клетке, словно не находя себе места. Наконец, убегал куда-нибудь в угол, быстро ложился на пол и лапами закрывал голову. Всем своим видом словно говорил: «Каюсь,

Мушка». А та, будто желая убедиться в искренности своего друга, становилась передними лапами на спину льва и пристально следила за ним. Теперь все зависело от Арстана: мир мог наступить в том случае, если он докажет свое безоговорочное ей подчинение.

Вздумай в это время Арстан огрызнуться или пошевелить хотя бы одним мускулом — Мушка набросилась бы на него с прежней яростью, и тогда пощады от нее не жди. Арстан как будто знал это. Он лежал долго, не шевелясь, великодушно давая возможность Мушке успокоиться. Собачка тоже недолго испытывала терпение льва. Отойдя в сторонку и дружески помахивая хвостом, поглядывала на него, может быть, молча говорила: «Ну, ладно уж, верю, вставай, помиримся». Лев сперва осторожно выглядывал из-под лапы, а потом медленно подымался с пола. Прерванная очередной ссорой игра шла своим чередом.

Юннаты часто приходили к своим прежним питомцам. Они открывали клетку и выпускали молодого льва и собаку в сад и подолгу резвились с ними. Арстан обычно на воле несколько терялся. Но рядом была Мушка, и он старался во всем ей подражать и не отставать от нее. Если же собака убегала от него и он терял ее из вида,— отрывисто, громко, грубо рычал, призывая. Мушка появлялась тут как тут. Зимой, набегавшись по сугробам, Мушка и Арстан нередко заходили в контору — погреться. Лавируя между людьми, лев проходил на середину комнаты, растягивался на ковре и отдыхал. Он никогда никого не трогал.

Вот как бывает. Наверное, о льве, считающемся одним из самых свирепых и кровожадных зверей, можно сказать как о человеке: какой добрый, какой душевный. И, наверное, потому это, что с детства никто — ни люди, ни животные — не причиняли Арстану зла.

Так вместе прожили Мушка и Арстан около двух лет. Жили бы и дольше, если бы Арстан не приглянулся дрессировщику и его не продали в цирк. А Мушка после этого еще долго служила в зоопарке сторожевой собакой.

СЛОНЯТА

В семействе индийских слонов Дубаса и Пальмы уже родилось несколько детенышей. Но все же они еще очень юные — любят порезвиться, поиграть. Особенно в тот час, когда служитель Толя Анисимов приходит убирать в слоновнике. Но Анатолий не так уж и часто заглядывает в жилище слонов: много дел у служителя. Надо убрать еще и в бегемотнике. А там, смотришь, подошло время раздачи пищи, которой требуется немало. Пара бегемотов за сутки съедает килограммов сто каши, да плюс еще хлеб, корнеплоды, А у Дубаса и Пальмы аппетит, пожалуй, побольше. Обоим на день требуется разной еды два центнера и больше.

Вот и выходит, что теми недолгими минутами, когда любимец Дубаса бывает в слоновнике, надо особенно дорожить. И стоит только молодому служителю переступить порог, слон начинает всячески его задевать. Да и передвигается за загородкой Дубас так, чтобы в любой момент можно было дотянуться до Толи хоботом. Если служитель очень торопится и не откликается на его «напоминания», сперва довольно вежливые, слон начинает проявлять нетерпение и бьет служителя хоботом по голове.

Ну, а если Анисимов, помня о «коварстве» слона, держится подальше от загородки, слон умеет достать служителя и на таком расстоянии. Для этого он использует... струю воды.

Обычно это выглядит так. Толя спешит с уборкой и на слона не обращает внимания. Вдруг до слуха служителя доносятся булькающие звуки воды. Это слон набирает в хобот с полведра воды, чтобы окатить ею служителя. От этого «ду́ша» нет спасения. Единственное, что можно успеть сделать,— повернуться спиной к слону и быстро натянуть на голову халат. В следующее мгновение на Толю обрушивается фонтан воды,

Смочен основательно и пол в слоновнике. Толе остается лишь шутить по этому поводу:

— Дубас поливает, а я подметаю.

Нередко Анисимов, как бы подзадоривая слона, просит:

— Давай, давай, Дубас, еще полей!

И слон снова тянется хоботом к воде.

Так нередко они и убирают вдвоем в слоновнике.

...Когда Дубас и Пальма были малышами, они играли, как все дети, увлеченно, азартно и трогательно.

Чтобы не скучно было слонятам сидеть в загородке, им бросили туда старую автопокрышку. Незнакомый предмет, который по замыслу служителей должен был быть молодым слонам игрушкой, сперва даже напугал их. Дубас оказался храбрее. Он немного приблизился к игрушке, повернулся на сто восемьдесят градусов, затем попятился и вытянутой задней ногой несколько раз осторожно дотронулся до покрышки. Словно рассуждал: если вдруг предмет опасен, то от него легко можно удрать. Но так как покрышка не укусила и не бросилась, Дубас совсем осмелел. Пальма тоже подошла поближе к игрушке. Слонята ухватились с двух сторон хоботами за покрышку и начали вырывать ее друг у друга. И так они играли очень долго.

Первой охладела к новой забаве Пальма. И все потому, что она любит все ломать. А с покрышкой, как ни билась, ничего не смогла сделать.

Вот так и досталась игрушка Дубасу одному. Ну, а тот знал толк в подобных вещах: превратил ее в футбольный мяч — стал пинать так, что летала покрышка по вольеру, как перышко. Или ставил ее себе под брюхо и, слегка подталкивая ногами, пытался прокатиться. И очень похож был на мальчика, едущего на самокате.

Как-то привезли слонятам обед. На тележке помещалось пищи пуда два-три: хлеб, каша, морковь. Дубас тут же взял инициативу на себя: захватил всю еду, оттеснив Пальму. Стоит и буквально «уплетает» за обе щеки. Подруге одни крошки достаются. Чтобы отвлечь Дубаса от кормушки, слу-

жительница бросила в угол охапку душистого сена. Слоненок бросился туда, а Пальма — к кормушке и с жадностью накинулась на хлеб. И не столько ест, сколько выбрасывает хоботом — по буханке, по две подальше от кормушки. Не вытерпел Дубас — и опять к Пальме, оставил недоеденное сено. Оттолкнул ее и стал торопливо есть. Пальма не огорчилась. Она отошла и спокойно доела запасенный хлеб.

...Слоны, оказавшись в неволе, получают разнообразную пищу. Очень любят они корнеплоды, овощи и фрукты. Лакомство для слонов — и веточный корм. И все потому, что на воле — это лесные жители. Лес же не только их дом, он их кормит и поит. В пищу великанов животного мира идет все: плоды, листва, ветви, кора деревьев. Вот почему Дубас, много лет живущий в нашем зоопарке, неравнодушен к растущим у загона карагачам, вязам и другим деревьям. Это его своеобразное пастбище. Время от времени он обламывает с деревьев ветки, и оттого они хранят на себе довольно заметные следы хозяйничанья Дубаса.

Казалось, объев ветки, слон должен бы оставить деревья в покое, забыть о них. Но это не так. Словно зная о том, что деревья непрерывно растут, Дубас почти ежедневно не перестает тянуться к ним своим хоботом.

Удивительным свойством обладает этот сильный и кажущийся на вид грубый орган слона — хобот. Достаточно так называемым пальчиком, что на самом конце хобота, прихватить хотя бы один листик дерева, и слон сумеет очень осторожно подтянуть сперва небольшую ветку, а затем, ухватившись за нее покрепче, сломить целый сук любой толщины. Однажды таким вот способом Дубасу удалось отхватить почти половину молодого дерева. В тот день у них с Пальмой был пир горой. Они даже отказались от любимой рисовой каши.

* * *

...Когда у Пальмы и Дубаса родился детеныш Батыр, мать повела себя несколько странно: отказалась его кормить. И с первого дня слоненок получал искусственное питание.

Аппетит у Батыра оказался отменный. Он с удовольствием пил коровье молоко, ел рисовую кашу, а когда подрос, полюбил и фрукты.

В первый день своей жизни слоненок Батыр весил 100 килограммов. За сутки он выпивал около 20 литров молока. Но все равно это был малыш — очень трогательный и забавный. Он любил играть, и у него были свои игрушки. Однажды для Батыра отпилили чурбак от сухого ствола дерева. Весила такая игрушка ни много ни мало целых три пуда! Но Батыру она очень нравилась, и он катал ее целыми днями.

Батыр, слоненок общительный, радовался, когда к нему приходили дети. Они сперва угощали его разными лакомствами, даже мороженым, а потом играли с ним. Слоненок не прочь был побегать и погоняться за ребятами.

Вообще слоненок Батыр очень быстро привязался к людям и, в первую очередь, к служителям, которые ухаживали за ним, поили и кормили его. Особенно подружился с молодой работницей зоопарка Яной. Он любил с ней ходить на прогулки по аллеям, в сад, старался не отставать от нее ни на шаг. Я смог увидеть слоненка в первый же день его жизни.

В судьбе Батыра произошло несколько событий, главное из них — путешествие на теплоходе по сибирским рекам с плавучим зоопарком.

Теплоход с необычными пассажирами — слоном, львом, огромным тигровым питоном, кенгуру, павлином, пеликаном и другими зверями — начал свой путь от Усть-Каменогорска и за пять месяцев неспешного плаванья поднялся по Иртышу, а потом по Оби до Обской губы. С наступлением заморозков держал обратный путь длиною в две с половиной тысячи километров, на него ушло еще около двух месяцев.

По пути теплоход делал остановки у городов, сел и даже маленьких поселков. Их жители — рыбаки и охотники, рабочие и колхозники, лесорубы и, конечно же, их дети — с радостью встречали необычных гостей.

Особенно большой популярностью у посетителей пользовался Батыр. Да, необычное это зрелище — индийский слон в

сибирской тайге (хотя в давно минувшие времена здесь жили предки нынешних слонов — огромные косматые мамонты).

В один из теплых летних вечеров Яна пошла перед сном взглянуть на животных. Уставшие за день звери и птицы спокойно отдыхали. Вдруг из одной клетки донеслись непонятные звуки: топот, визг, плач. Подойдя поближе, Яна поняла — Батыр шумит. Мечется по клетке, будто кто гонится за ним, места не находит и жалобно плачет. Сбегала быстро за фонариком, осветила слоненка. И тут все стало ясно. Оказывается, округлую спинку слоненка, его сытые, раздувшиеся, как огромный мяч, бока облепили комары. Слоненок и так и этак. Пробовал тереться спиной о решетку — напрасно, комаров не убавлялось. А Яна-то думала, что у слонов шкура прочная, ее не только какому-то там комару, но и кровососам покрупнее не прокусить! Пришлось на подмогу поднимать матросов. А те разделались с насекомыми мигом: окурили дымом стойло, а самого слоненка попоной накрыли.

Притих после этого Батыр и переночевал спокойно. Но и потом еще не раз Яне и команде теплохода приходилось спасать слоненка от комаров, слепней, оводов. Да и сам Батыр научился сражаться с ними. Делал он это, как взрослые слоны в зоопарке, когда, спасаясь от насекомых, набрасывают себе на спину, бока, шею и темя песок, пыль, землю, траву, опилки. Яна позаботилась, чтобы слоненку насыпали побольше песка, сенные объедки и труху.

Были у Батыра и свои маленькие радости. В самом начале плавания ему исполнился год, и все пассажиры теплохода отмечали ему день рождения. Так как всем была известна любовь Батыра к сладостям, то и решили — подарить ему пряников и шоколадок. Правда, немного перестарались и купили целых полпуда. Не понимал, конечно, слоненок, почему ему повезло, но такая щедрость его очень обрадовала, Батыр отказался от обычных своих блюд и ел одни сладости. Печенье поест, шоколадками закусит и запьет чаем (полведра за раз). Весь день сыт! Такая роскошная жизнь у слоненка тянулась целую неделю.

...Если маленького ребенка с первых дней приучить к соске-пустышке, то, вырастая, он очень неохотно с ней расстается. Похожее произошло и со слоненком Батыром. Он очень привык к своей «соске»— резиновому шлангу, с помощью которого его кормили почти целый год. И расставаться с ним не хотел, а надо было уже приучаться есть самому. Долго ломали мы голову над тем, как бы отнять у Батыра его «соску». Но придумать ничего не смогли. Так и отправился он в путешествие. А там трудный вопрос вдруг решился сам собой.

Сначала Батыр очень ревниво оберегал свое право на «соску». Через нее он поглощал за день огромное количество молока, рисовой каши, компота, киселя и чая. Даже простую воду пил из шланга. Дело доходило до смешного. Захочется Батыру в душный полдень напиться холодной водички — Яна принесет и поставит ему полнехонькое ведерко. А сама уйдет по делам, сказав:

— Захочешь — напьешься без моей помощи. И про шланг скорее забудешь.

Но не тут-то было. Через несколько минут заглянет к слоненку и видит: вода стоит нетронутой, а Батыр топчется вокруг да около, и, видно по всему, сильно мается. Яне станет очень жаль своего питомца, и в конце концов она притащит шланг. Еле успеет она опустить один конец резиновой трубки в воду, а другой подать ему в рот, как в считанные секунды ведерко опустеет. Вкусные фрукты, овощи и сахар, даже сильно проголодавшись, Батыр ни за что не возьмет хоботом, не положит себе в рот сам, как это делают не только взрослые слоны, но и полугодовалые слонята, выросшие в естественных условиях.

Но вскоре Батыру пришлось все-таки отвыкать от «соски». Произошло это так.

... Обычно уже в 9 часов слоненок зычным голосом требовал еды. Но как-то Яна заметила: подошло обычное время завтрака, а Батыр молчит. Не слышалось его требовательного голоса и в 10, и в 11 часов. В чем причина, Яна быстро догадалась. Слоненок на теплоходе «открыл» для себя новый источ-

ник питания — обильные подношения посетителей. Чем они только его не потчевали! И он с жадностью все поедал: видно, с чужих рук все, даже простой хлеб, казалось ему необыкновенно вкусным. И вот поэтому он забывал о завтраке, а иногда и об обеде. Так забыл он и о шланге.

К концу второй недели путешествия по Иртышу Батыр, к великой радости Яны, совершенно отвык от «соски». А когда в октябре слоненок вернулся в зоопарк, не сразу его узнали — настолько он возмужал.

Батыра поместили рядом со взрослыми животными для обозрения. И, конечно, потребовалась вывеска или этикетка, чтобы каждый посетитель зоопарка смог узнать: где и когда он родился, что любит и т. п.

Написал я масляной краской обо всем этом на специально вырезанном куске жести и, не дождавшись, чтобы написанное просохло, отнес в слоновник и стал соображать, где бы повесить, чтобы Батыр не дотянулся. Я знал: Батыр любопытен, хобот его постоянно наготове. Новенькую вывеску он обязательно захочет потрогать, обнюхать, ощупать. А то и сорвет ее. Из озорства.

Наконец, место для этикетки было найдено — на одной из высоких колонн, подпирающих потолок слоновника. Слоненку дотянуться будет трудно — это во-первых. Главное же, на противоположной от него стороне широкой колонны вывески ему не будет видно. Вот и повесил я там жестянку. Получилось высоковато, но на видном месте и удобно для посетителей. Довольный, что Батыр, наконец, имеет свой «паспорт», как и все другие звери, которых показывают в зоопарке, я спокойно ушел из слоновника.

На другой день с утра пошел проведать Батыра. Зашел в слоновник и первым делом почему-то поглядел на вывеску. Да, на месте. Не сорвал ее слоненок. Но узнал я ее не сразу. Вчера она была чистенькая, нарядная. А теперь, словно кто ее сажей нарочно вымазал. Точь-в-точь чернильные кляксы в тетради у неряхи-замарахи.

Догадался, что к чему. Батыр свой хобот к ней приложил.

Встал передними ногами на изгородь, дотянулся хоботом до вывески и размазал краски. Дал волю своей фантазии — «рисовал», что хотел и как умел.

Но я простил слоненка. Я подумал так: дети, даже совсем маленькие, очень любят рисовать и изводят немало бумаги, карандашей и красок. И на песке рисуют, и на асфальте целые «картинные галереи» создают. Видно, и Батыр чем-то похож на них.

Снял я жестянку, вымыл ее и переписал всю заново. А укрепил ее на этот раз на новом месте — подальше от Батыра.

* * *

«Убежал зверь»,— так можно сказать о любом диком животном, которое вышло из клетки и оказалось на воле. А вот о слоненке этого не скажешь, да, пожалуй, и о взрослых слонах. Родители Батыра — Дубас и Пальма — не раз, сломав дверные запоры, выходили из своего загона, но дальше зоопарка, как правило, не шли. Конечно, такое считается чрезвычайным происшествием и хлопот служителям много. Мало ли что могут натворить великаны джунглей, которым под силу вырвать с корнями молодое дерево, вдребезги разбить садовую скамью, повалить и втоптать в землю забор!

Несколько раз удирал из загона и Батыр.

Однажды лунной зимней ночью Батыр выбрался из-за изгороди. Накануне выпал снег и в саду, где очутился Батыр, было очень красиво. Он блаженствовал после долгого пребывания в душном помещении. Даже десятиградусный мороз не мешал слоненку — он его просто не замечал. Разгуливающим в заснеженном, залитом мягким голубоватым светом луны саду его и увидели сторожа. Как же они перепугались! Сначала они не поняли, что огромная темная глыба, медленно двигавшаяся среди заснеженных деревьев,— слон. Набравшись смелости, они подошли и увидели: Батыр!

Слон на дворе, да еще зимой! Долго ли до настоящей беды: простынет Батыр, заболеет. Попробовали водворить его

на место. Только куда им! Батыр не мог просто так отказаться от возможности прогуляться в зимнем ночном саду. Рассердился он на сторожей да как кинется на них. Те побросали хворостины да палки и — наутек. Батыр еще немного погнался за ними, припугнул.

Поняли ночные караульщики—нужно быстро принимать какие-то меры. Например, срочно вызвать Яну. Видно, никому другому не сладить с ее питомцем. Но как в глухую полночь дать об этом знать служительнице?

Впрочем, выход нашли. Сообщили по телефону дежурному зоотехнику о случившемся, а тот съездил за Яной. На все это ушел час. А Батыр тем временем блаженствовал, гулял по саду. Проголодавшись, он с хрустом жевал ветки.

...Яне не пришлось ни кричать на слоненка, ни прибегать к каким-то другим угрозам. Увидев свою кормилицу, Батыр, казалось, только «удивился» появлению ее в зоопарке в столь неурочное время и покорно пошел в свой зимник по первому ее требованию. Этот случай лишний раз доказал, насколько крепкой была дружба между служительницей и ее питомцем.

В три неполных года рост у Батыра был более двух метров, да и силы у него уже хватало, чтобы, например, на нем мог ездить взрослый человек.

Мы говорим «мог», но, конечно, никому еще не удавалось прокатиться на слоненке. Кроме Яны. Правда, она не злоупотребляла своей привилегией: очень жалела питомца. Зато слоненок, похоже, рад был, что у него появилась возможность отблагодарить Яну за все то доброе, чем он обязан был ей,— за ласку, чуткость, внимание. Поэтому Батыр и позволял ей взбираться к нему на крутую спину.

А чтобы проще можно было Яне оседлать его, слоненок сам подходил к изгороди, поднявшись на которую служительнице потом ничего не стоило взобраться «в седло». Батыр готов был возить Яну сколько угодно. Один раз, правда, он с ней обошелся не совсем ласково: неожиданно на быстром ходу взял и остановился как вкопанный, да еще голову при этом наклонил книзу. Ну, Яна сразу и съехала со слоненка, словно

со снежной горки. Сперва по крутой спине, потом по широкому выпуклому лбу. И очутилась на земле. Так ловко это у нее получилось, что она даже не упала, а твердо встала на ноги. Возможно, в последний момент, во время самого приземления, Батыр поддержал ее своим сильным хоботом. Яна этого не заметила и в точности сказать не может.

Вот и выходит, что хоть и сбросил Батыр служительницу, но аккуратно и вежливо.

НЕЖНЫЕ РОДИТЕЛИ

Перед появлением новорожденного у обезьян служители начеку — некоторые отцы ведут себя несколько агрессивно и могут повредить малышу.

Самец собакоголовых африканских обезьян павианов, гамадрилов, по кличке Степка, проявляет пристальное внимание к своей подруге Марте — ходит за нею по пятам и даже кусает ее. Она предпочитает держаться подальше от любопытного папочки вместе со своим дорогим крошкой, которого старательно прячет у себя на груди, прикрывая руками. Обезьяна боится (и не без основания!), как бы сильный, грубый Степка не помял своими лапами нежного детеныша.

С пополнением семьи гамадрилов в зоопарке сразу же принимаются меры, исключающие ссору между обезьянами-родителями.

Однажды у Степки и Марты родился детеныш. Родителей немедленно рассадили по разным клеткам. Но самец, даже оказавшись за перегородкой, не перестал интересоваться детенышем. И вот как-то мать только на минуту отпустила от себя малыша. Эта оплошность окончилась плачевно для детеныша. Едва он приблизился к решетке, как самец быстро просунул

лапу, схватил обезьянку за хвост и потащил к себе. Послышался пронзительный писк, мать бросилась на помощь, но было поздно—слабенький хвостик не выдержал и... оторвался.

Ранка зажила, боль забылась со временем, но Марта получила хороший урок — теперь своих детенышей она уже больше никогда не отпускала от себя.

Надо отметить, что вообще маленькие обезьянки нежно привязаны к своим мамам. Однажды я наблюдал забавную картину.

Зашел как-то в обезьянник и заглядываю во все клетки подряд. Вот сильные и очень смышленые шимпанзе. По соседству с ними—резвые макаки из далекого Индокитая. Рядом—плащеносная абиссинская обезьяна. И вдруг в следующей клетке обезьянка... с двумя хвостами! Сама маленькая, а хвосты — длинные-предлинные. Носится по клетке. К потолку вдруг одним махом взлетит — только хвосты мелькают. Наконец, она села на полочку, прибитую к стене, успокоилась, и я увидел: у нее на брюхе ...висит детеныш! С длинным, как у матери хвостом. Вот оно что! Длиннохвостые обезьяны! Детеныш, прицепившись к матери, спрятался в ее густой шерсти. Самого не видать, только хвост волочится. Вот и получается, будто у одной обезьяны — два хвоста...

И не я один в этом обманулся.

Меня поразило умение новорожденного ловко повисать на брюхе матери, ей не надо было поддерживать его и во время сильных прыжков. Говорят, что даже сонные детеныши обезьян умеют крепко держаться за мать. Их лапки — все равно что замочки.

* * *

А вот о зайчихе говорят как о беззаботной матери. Новорожденных, накормив, оставляет без присмотра и больше к ним не возвращается. Потом малышей может кормить любая другая зайчиха. Но так бывает на воле. А вот в зоопарке я убедился в обратном.

Дважды нам удалось получить приплод зайцев песчани-

ков (раньше здесь эти пугливые зверьки никогда не размножались). И вот что мы узнали.

Осторожная зайчиха поместила свое потомство в уютном теплом домике и первые полторы-две недели, пока детеныши были маленькими и беспомощными, зорко их охраняла: сидела вместе с ними в своем «гнезде» либо находилась недалеко. И если в это время кто-либо из посторонних зверьков (заяц беляк или белка, которые жили с ними в одном вольере) пытался приблизиться, она набрасывалась и тут же обращала их в бегство.

Но вот зайчата окрепли, подросли и стали выходить из жилища поесть и погулять. И тут мы и все посетители не раз видели: зайчиха заботливо кормила своих детей, прилизывала шерстку и зорко наблюдала за ними. В материнстве она была так же трогательна, как и другие четвероногие.

* * *

Архары — добрые отцы. Об этом я узнал совсем недавно и, надо сказать, был приятно удивлен — дикий баран, животное суровое на вид, проявляло нежность к своему детенышу.

...Молоденький архаренок вместе со своими родителями находился в просторном загоне. Ему было не более недели от роду —возраст, когда зверята выглядят необыкновенно забавными и хорошенькими.

Я подошел вплотную к загону. Детеныш, увидев меня, устремился к решетке с явным желанием боднуть. Совсем по-взрослому наклонил голову на бок и выставил вперед свой крутой лоб, на котором были заметны лишь зачатки будущих рогов. Он был просто великолепен. И у меня появилось желание задеть его и немного позабавиться.

Просовывая руку за решетку, признаться, я боялся, как бы не спугнуть его. Однако малыш, наоборот, словно обрадовался: мол, теперь-то уж накажу тебя за излишнее любопытство. И он очень энергично начал наскакивать на мою руку и бодать ее.

Всего раза два успел архаренок слегка поддать руку своим слабым и нежным лбом. Самец-архар, который до этого, казалось, держался равнодушно поодаль от самки с детенышем, издав низкий звук, вроде короткого блеяния, ринулся с другого конца загона к архаренку, на бегу взмахивая пудовыми рожищами. Малыш тотчас понял желание отца и проворно отбежал от решетки. А старый, прогнав молодого, снова удалился в свой угол, принял горделивую осанку, став снова как бы безучастным ко всему.

* * *

Примерные отцы семейства и африканские гривистые бараны. Они любят своих детей не меньше, чем их самки. Коль позволительно сказать так о животных — у них мягкое доброе сердце. Если более сильные архары (да и домашние бараны) в поединках из-за самок нередко наносят увечье более слабым, то драки гривистых баранов скорее похожи на спортивную силовую борьбу: станут рядом, сцепятся рогами и... кто кого пересилит; или кладут рога на спину соперника и стараются прижать его к земле.

В повадках гривистых баранов еще немало любопытного. Это ведь своеобразный гибрид, созданный самой природой,— козла с бараном, в нем есть признаки и того и другого. Ученые склонны находить в гривистом баране больше козлиного.

Эти животные сильные и рослые и, надо сказать, большие чистюли. Стоит им завидеть воду в дождевой луже или в поилке, как тотчас у них появляется желание... искупаться. Зимой после обильного снегопада их в домике не удержать: они спешат в загон, чтобы вволю побарахтаться в сугробах. А весной рады сырому песку.

Став на колени, сперва «пашут» его своими крепкими, круто изогнутыми рогами, затем ложатся на взрыхленный песок и побольше набивают его себе в густые гривы и шерсть на спине и боках. Спустя некоторое время стряхивают с себя песок и таким путем как бы смывают с себя грязь и пыль.

Малыши-гривастики стараются не отстать от взрослых. Однажды мне пришлось видеть, как самка гривистого барана долго возилась в песке после дождя. Затем, встав на ноги и отряхнувшись, ушла в дощатый домик поесть. И на то же самое место пришел совсем еще небольшой ягненок (он до этого стоял в сторонке и внимательно следил за тем, как «купалась» его мать) и в точности проделал то же самое.

* * *

Гималайская медведица по кличке Муська, которая живет в нашем зоопарке,— примерная мать. И, как выяснила работница зоопарка Люба, умеет «считать».

...Из клетки медведицы выскочил медвежонок, один из тройни,—самый рослый и проворный. Погулять ему на воле захотелось. А надо заметить, что потомки Муськины оказались не совсем обычными: невелики ростом, как говорится, мал мала меньше. Ох, и пришлось погоняться за беглецом! Он кинулся в сад, а когда его там настигли, попытался взобраться на дерево. Тут-то его и поймали.

Что теперь с ним делать? В клетку возвращать — ни к чему, все равно в ближайшие дни собирались у медведицы забирать детенышей. Вот и поместили беглеца на площадку молодняка. Там уже жили два диких полосатых поросенка, курчавый белый козлик да несколько волчат, лисят, корсачков и собачек.

Когда Люба показалась у клетки с пустыми руками, медведица заволновалась, зафыркала, зло засопела. Словно требовала: «Верните мне мое чадо сейчас же!».

Прошла неделя, и у медведицы не стало еще одного детеныша— среднего. Забрали его как могли осторожно, тайно, чтобы без толку не волновать мать. Для этого ее временно даже переместили в другую клетку.

Да только напрасно старались! Стоило медведице снова появиться в своей клетке, как она сразу же обнаружила пропажу детеныша и рассвирепела. Даже оставшемуся не рада

была. Со злостью отшвыривала крошку прочь от себя, едва тот приближался. «Один сын — не сын, верните остальных»,— как бы говорила она своим поведением.

Видя, что малютке не сладко живется в тесной и сырой берлоге, Люба забрала и его.

Так Муське стало и вовсе нечего «считать».

Собравшись все вместе на солнечной площадке, гималайские медвежата воспрянули духом. Еще бы: здесь простор и так много друзей!

Из всей компании зверят мне почему-то больше всех нравились три медвежонка. Наверно, из-за их большой сообразительности и неунывающего характера. Бывает, иной из них упадет, ушибется, но хныкать и не думает. Встанет, погладит ушибленное место и опять бежит в самую гущу таких же озорников, как сам. Хотя все медвежата родились в один день, ростом они разные. Самый крупный — самец, самочки поменьше его. Но и они неодинаковые: одна поменьше, другая побольше.

Удивительно было и то, что, когда медвежата родились, они были не черные, а совсем светленькие, почти такие же, как детеныши полярных мишек. Но прошло время, окрепла тройня и шерстка стала черной и гладкой, как у родителей.

У каждого зверя, живущего в зоопарке, своя судьба.
Одного привезли сюда
из степей Казахстана,
другого — из Индии, третьего —
из Африки.
А есть животные, которые родились здесь,
в клетке.
По-разному чувствуют себя звери в неволе.
У некоторых круто меняется характер.
Отдельные виды вообще не переносят клеток.
Человек делает все возможное,
чтобы приблизить условия жизни зверей
в зоопарке к естественным.
И в этом — одно из проявлений
его любви к природе.

ВСТРЕЧА В ГОРНОМ УЩЕЛЬЕ

Зоопарк — для зверей дом. И для тех из них, кто здесь родился. И для тех, кто пришел сюда с воли. Человек сажает животное в клетку, но он же помогает ему выжить в неволе, чтобы потом подарить многим людям радость познания природы.

...Однажды в горном ущелье Заилийского Алатау произошла встреча охотника с дикобразами. И благодаря ей можно увидеть теперь этого редкого зверька в нашем зоопарке.

...Охотник Сюинбай Абдокулов заметил на дне оврага глубокую борозду — будто кто-то по сугробам поволок вязанку хвороста. Пошел вдоль борозды, и она привела его в горы. Здесь у подножья крутых скал Сюинбай увидел на снегу

странные следы, точно ребенок прошел. Хорошо были видны пальчики и округлая пухленькая пятка.

— Дикобразы!— догадался охотник. По следам он определил, что зверьков два: видимо, самец и самка. Нора оказалась неглубокой, и Сюинбай предвкушал легкую добычу. Но когда он с помощью длинного шеста стал выгонять зверьков, самец-дикобраз, разозлившись, набросился на охотника и так вцепился в его руку острыми резцами, что Сюинбай даже вскрикнул от боли.

Между охотником и дикобразом завязалась отчаянная борьба. Растерявшийся Сюинбай долго не мог справиться с разъяренным зверьком, хорошо защищенным со всех сторон щетиной острых игл. Наконец, он поймал его свободной рукой за мягкий загривок. Тут произошло нечто, чего охотник никак не ожидал: дикобраз выскользнул и пустился наутек, а в руке изумленного человека остался пучок длинных волос с куском кожи. «Хитрец,— подумал Сюинбай.— Ишь как легко кожа отделилась!»

То, что похоже на уловку, на самом деле способ защиты от врагов. Точно так же спасаются зайцы и маленькие сони. А ящерицы, убегая, оставляют в лапах хищника свой хвост. При этом не проливают зверьки ни капли крови, так как под кожей имеется довольно значительный слой жира.

После упорных поисков дикобразы были пойманы, и охотник доставил их в наш зоопарк. На голове самца дикобраза, в том месте, за которое охотник держал его, еще долго был заметен шрам.

Много беспокойства доставили дикобразы служителям. Не раз они пытались уйти из клетки. Однажды побег удался, и зверьки два дня скрывались в саду зоопарка.

Ночным сторожам пришлось следить за беглецами. А помогла сторожевая собака — она подняла неистовый лай. Но сама пострадала — напоролась на иглы и три из них застряли в ее теле. Дикобразов удалось изловить специально приготовленным брезентовым сачком, после чего их вернули на прежнее место — в клетку.

ГОРНЫЙ КОЗЕЛ

Малыш—так зовут молодого, довольно рослого тека — горного козла, который обитает в одном из загонов нашего зоопарка. Вырос тек в горах, среди дикой природы, но... в большой дружбе с людьми.

Малыш прибился к табуну телят, вероятно, приняв их за теков, когда ему было не более двух-трех суток от роду. С телятами, которые паслись в горах, он и пожаловал вечером в загон к дому в Каскеленском ущелье — это высоко в горах, примерно две тысячи метров над уровнем моря. Первыми «дикаря» обнаружили собаки, подняв лай. Из дома вышла женщина и попыталась унять собак. Но они неистовствовали. И тут она заметила пришельца. Чтобы спасти от собак, завела тека в комнату.

— Принимай гостя,— сказала она мужу.

В этом доме жили рабочие Алма-Атинского лесхоза супруги Веселкины.

Когда тек немного подрос, Ирина Васильевна стала выпускать его сперва во двор, а потом и на пастьбу, неподалеку в ущелье вместе с телятами.

Будто невидимая нить удерживала тека подле людей. Он не стремился в горы к текам, хоть до них было рукой подать. Он очень привязался к своей хозяйке. Ирина Васильевна поила своего любимца молоком постоянно, вплоть до дня их расставания. Малыш очень любил коровье молоко. Если же Ирина Васильевна почему-либо мешкала, Малыш ходил за ней по пятам до тех пор, пока не добивался своего.

Из домашних животных он любил борова. Резвясь, Малыш нередко запрыгивал к нему на спину и подолгу там стоял, а то и «катался», если борову не сиделось на месте. Боров сносил эти проказы, пока тек не подрос.

Через год тека потянуло на волю. Он подружился с коровами рабочих лесхоза и долгими летними днями гулял по выпасу. Свой табун Малыш хорошо знал, и, если к нему прибивалась чужая скотина, немедленно ее прогонял. Не стало житья от тека и собакам, очевидно, он не забыл, как они еще недавно досаждали ему.

Когда теку исполнилось два года, семья Веселкиных решила переехать на жительство в Каскелен. Весь домашний скарб везли в телеге, а скот, в том числе и тек, следовал за ней. Раньше Малышу не приходилось видеть автомашин — высоко в горы они не поднимаются. Зато по пути в Каскелен они встречались часто. Предвидя это, хозяева попробовали подстраховать Малыша, привязав его веревкой к телеге. Но тек, не поняв их благих намерений, стал так биться на веревке, что Ирина Васильевна вынуждена была отпустить его. От встречных машин тек старался спрятаться в придорожном кустарнике и оттуда их разглядывал широко раскрытыми глазами как каких-то чудовищ.

На новом месте Дмитрий Николаевич соорудил для Малыша дощатый домик. Кроме него, в домике жила коза. Тек с нею подружился, но домоседом не стал. Крепкими рогами разметал он нехитрое сооружение и пошел себе разгуливать, и не как-нибудь, а... по крышам соседних домов. Скакал по ним с той же резвостью, как если бы это были скалы гор.

...И вот — клетка зоопарка. Страшнее ее оказалась разлука с людьми, вырастившими тека.

Впрочем, скучать теку пришлось совсем недолго. Малыш был определен в уголок прирученных животных. Там тек приобщился вместе с другими дрессированными животными к выступлениям на манеже.

Для Малыша смастерили легкую изящную коляску, в которую тот очень охотно впрягался. А седоками у него были самые разные четвероногие друзья — лиса в окружении кур и петуха, или кто-нибудь из звериного молодняка: обезьянки, барсученок, а то и лохматый медвежонок. Эта компания довольно долго веселила зрителей.

ТУРЫ

...В зоопарке недавно появились интересные и довольно редкие копытные животные — туры. Они водятся в горах Кавказа. Внешне несколько напоминают нашего дикого горного козла — тека, только форма рогов у них иная и очень своеобразная.

Вольные, как ветер, горные скакуны оказались на редкость сообразительными. Первым в этом убедился работник зоопарка, когда сопровождал туров в поезде из Москвы в Алма-Ату, находившийся в том же вагоне, в котором стояли клетки с животными. Он с изумлением рассказывал:

— Если, проснувшись поутру, лежать тихо и не подавать признаков пробуждения, туры спокойны. Не слышно их до тех пор, пока хозяин спит. А как только поймут, что он проснулся, ударами копыт о пол клетки стараются напомнить о себе. Требуют завтрак. Не перестают стучать, пока их не накормят. Но хозяин знает, что означает стук, и без промедления тащит им по охапке сена на каждого. Стук сразу прекращается, сено съедено, просят на «второе» отруби. И снова тишина. После третьего, последнего стука, им дается вода. А потом туры напоминают о себе стуком в обед и еще раз — вечером, перед сном...

Многих животных приходилось сопровождать в дороге этому человеку, но таких спутников он еще не встречал.

Обитатели Кавказских гор хорошо прижились в зоопарке, пополнив коллекцию копытных. Ежегодно у туров появляется потомство, и их табунок увеличился настолько, что у администрации появилась возможность часть из них продать в другие зоосады.

Нельзя не сказать и еще об одной черте новоселов — у них спокойный характер. Это облегчает работу служителей.

СНЕГ, СНЕГ...

По-разному приспосабливаются звери к жизни в неволе. Большинство их них хорошо ее переносят.

Вот как ведут себя в зоопарке обитатели раздольных степей и пустынь — сайгаки.

...Было морозное ясное утро середины зимы — пожалуй, первое такое нынче. Я шел по аллее зоопарка не спеша. Но сразу же замерз и ускорил шаг. Я почти бежал, спасаясь от мороза, как вдруг необычное зрелище приковало мое внимание и заставило остановиться. Я даже машинально достал блокнот и карандаш, чтобы набросать эскиз.

Меня поразило поведение сайгаков, живших в огромном загоне вблизи аллеи, по которой я ежедневно проходил.

Старая самка неподвижно стояла в глубоком сугробе, утопая в нем по самые уши. Тогда как молодой сайгак с присущими этим животным быстротой и сноровкой носился по просторной поляне, покрытой свежим, еще не слежавшимся снегом, похожим на мягкий лебяжий пух. Резвящийся сайгак то исчезал в сугробах, словно в волнах, зарываясь в них с головой, то вдруг взмывал свечой вверх так, что были видны его конечности. Эти прыжки были похожи на взрывы, вслед за животным взлетала вверх масса снега в виде рассыпчатого, искрящегося облачка.

Я стоял, любовался игрой сайгака, рисовал. Я чувствовал настрой животного — его безудержное веселье передавалось мне, и, не замечая мороза, я радовался вместе с ним.

«Наверное, виновато это удивительное ясное утро, наступившее после стольких дней ненастья»,— думал я. — А этот снег и мороз напомнили ему о степях, о воле».

Я знал (вот почему и удивился!), что сайгаки трудно переносят житье за изгородью. Удел этих животных — степь,

где они кочуют огромными (в несколько сот голов) стадами. В зоопарке они редкость, так как самое большое выживают здесь два-три года, чаще — несколько месяцев. Чувствуют себя в неволе эти древнейшие из четвероногих созданий подавленно, почти никогда не размножаются и вообще мало чем себя проявляют.

Вот почему я стоял у загона и рисовал. Даже самые маленькие наблюдения за поведением сайгаков в зоопарке крайне важны. Может быть, постепенно и удастся изучить все возможности продления их срока жизни в вольере.

* * *

Снег осел, потемнел. Но вот с неба повалили хлопья, чистые и мягкие — такие обычно принято сравнивать с пухом. Зайцы беляки сидели под решетчатой крышей, как на поляне в лесу: на их спины падал снег, и они были довольны. А жители уссурийской тайги — тигры — лишь любовались снегопадом из своей клетки, глядя на него, словно завороженные. Наверное, им хотелось не только побродить по свежим сугробам, но и поваляться в них.

В наиболее выгодном положении перед многими обитателями нашего зоопарка находится северный олень. Его жилище — просторный участок сада. Зимой, как ни в какое другое время года, гуляя здесь, северный житель выглядит оживленным и повеселевшим.

Обитатель тундры своеобразно выражает радость по поводу снежной погоды. В каком-то самозабвении носится он по саду так, будто его кто-то невидимый время от времени подстегивал кнутом. Он выбирает места с впадинами и ложбинками — сбегает в них и резко мчит по крутизне кверху. Или носится по ровному месту, неожиданно разворачиваясь, меняя направление. Этот старый угрюмый олень резвится, как глупый беспечный теленок. Видно, снежная погода напомнила места для него желанные и хоть на время как бы вернула в обстановку, которую он давным-давно покинул.

Мне было и радостно на него смотреть, и в то же время я жалел его: уж очень редко у нас в Алма-Ате бывают такие обильные снегопады...

...Бродят олени по хрустящему насту в саду и добывают себе пищу. Причем точно таким же способом, что и у себя на родине — в просторах тундры. Они разгребают копытами снег и поедают опавшую листву карагачей и яблонь.

Известно, что у оленей на севере есть своеобразные пернатые спутники. Это — тундряные куропатки и пуночки, которые находят себе пропитание в снежных лунках, вырытых оленями до земли. Эта дружба между оленями и пернатыми существует века.

И хотя несколько северных оленей поселилось в нашем зоопарке совсем недавно, у этих тихих, смирных животных, как и на их холодной родине, сразу появились друзья. Когда зимой они в саду раскапывают снег, возле них всегда ходят черные дрозды, галки и даже завезенные всего несколько лет тому назад в Алма-Ату индийские скворцы майны.

Дружба между животными может существовать тысячелетия, но складывается она, как мы видим, иногда в самое короткое время.

* * *

В сильные морозы в зоопарке стоит звенящая тишина.

Видно, и зверям не совсем приятен мороз, хотя у них зимой теплые шубы, свернулись и притихли в клетках. Орлы на насестах сидят, нахохлились — каждое перышко дыбом. Из ноздрей тонкими струйками пар идет на морозе. Барсук еще с осени забрался в свою нору и до весны уснул. Медведь в запасную клетку натаскал разной подстилки и тоже спит. Оттуда только могучий храп доносится. Крепко спит медведь. Все равно как у себя в лесной берлоге.

А многих зверей и не видно в клетках.

Пусто в зоопарке. Совсем не то, что летом. Прошелся я по аллеям и поскорее домой направился. Но вспомнил про белого медведя.

Подхожу к бассейну. Слышу — кто-то в воде барахтается. Оказывается, это белый медведь купаться вздумал! И сильный мороз ему нипочем. Плещется, ныряет, фыркает. Вынырнет мишка из воды да как встряхнется, что есть силы, ледяные сосульки с него так и летят.

Мишка на меня совсем не обращал внимания, хоть стоял я рядом. Свое продолжал. Расходился, даже вода из бассейна через край разлилась.

Вдруг зверь вынырнул из воды и вытащил что-то. Эге! Да это кость — игрушка. Я и раньше не раз ее видел у мишки. Нечем ему забавляться, вот он нарочно и приносил в бассейн кости от своего обеда, постоянно ими играл.

Неужели и в мороз мишка будет тешиться? Да! Положил кость себе на лапу да как подбросит ее вверх! А сам в это время кувырк! Опрокинулся ловко на спину и зубами игрушку поймал. Не дал ей в воду упасть.

Вот так ловкач! Даже и не верится, что передо мной такой огромный зверь, этакая туша, пудов двадцать, а то и больше.

Долго мишка в ледяной воде барахтался, разные штуки с костью проделывал, как настоящий жонглер. Ему, видно, было тепло. А я чуть не замерз, скорее побежал домой.

...Медведь по кличке «Веселый» родился и вырос в нашем зоопарке. Его игривость известна. В любом предмете ему чудится игрушка. Поставят, скажем, Веселому поилку с водой — он воду быстро выпьет и начинает тешиться поилкой — из угла в угол швыряет, а то подбрасывает к потолку и старается поймать лапами, словно мяч. При этом грохот раздается на весь зоопарк. Если вовремя не забрать поилку — вдребезги разобьет. Только вот беда: как ее заберешь у Веселого, если она в тот момент ему дороже всего на свете кажется. На всякие хитрости идут служители, но обмануть мишку редко им удается.

Зимой это сделать бывает проще. Особенно, когда узнали про одну слабость Веселого. Дело в том, что Веселый, как и все белые медведи, очень неравнодушен к снегу. Да, да. Достаточно бросить в клетку немного снега, как мишук забывает

про все на свете, в том числе и про поилку, и начинает играть со снегом. И чего он с ним не проделывает — кувыркается, обсыпает себя всего, умывается и даже шубу чистит. Словом, за горсть снега готов, похоже, и обед свой отдать!

...Однажды меня поразило: почему пол в клетке белого медведя блестит так, словно он зеркальный. Пол из толстого листового железа есть и у других зверей, но не блестит.

Я понаблюдал и выяснил: блеск на полу наводит он сам. Когда идет снег. В это время у мишки словно наступает праздник. Поскольку крыша в его клетке намеренно устроена так, что часть снега попадает в жилище, косолапый хозяин бывает доволен. Он начинает умываться, натирает снегом уши, глаза, нос и даже затылок. Потом ложится на пол и ворочается с боку на бок, с живота на спину. Словом, чувствует себя так, будто он на севере в глубоких сугробах.

Он еще и покататься не прочь на снежной горке. Медведь, не лишенный выдумки, начинает отталкиваться лапами от стены и едет лежа через всю клетку. Посмотреть, медведь будто просто так катается, а на самом деле он еще и шубу свою снегом чистит, и одновременно... блеск на полу наводит.

СВИРЕПЫЕ

Встречающийся кое-где в Казахстане, но редкий вообще в природе, очень скрытный дикий кот манул жил одиноко в клетке зоопарка более трех лет.

А что если попробовать нарушить одиночество нелюдимого зверька? Эта мысль не раз приходила в голову заведующему секцией млекопитающих. Осуществить ее, правда, мешала всегда одна и та же причина: отсутствие в зоопарке другого манула. Но тогда, может быть, к одинокому зверьку посадить,

скажем, простую домашнюю кошку? Заведующий на такой шаг решиться вдруг не мог: характером манул больно скверен. За все три года жизни в клетке он не только не привык к людям, а, наоборот, всякий раз, когда служитель появлялся, чтобы накормить его, убрать в домике или сменить в поилке воду,— настораживался и зорко следил за каждым движением человека, готовый впиться в него острыми клыками и когтями.

Но человек — одно, а к существу, подобному себе, возможно, кот и привыкнет? Заведующий искал в своей памяти примеры дружбы двух совсем разных животных и находил их. Ну, хотя бы вот этот. К огромному матерому волку по кличке Норд как-то впустили овчарку Ладу. И ничего, зверь принял ее ласково, они подружились. Однажды Лада воспользовалась тем, что неплотно прикрыта дверь, и вышла из клетки. То же самое сделал и Норд. Однако волк не попытался убежать из зоопарка, а лишь следовал за своей подругой. Их без труда заманили обратно в домик.

...В конце концов нужная кошка нашлась. Можно было и рискнуть. Но едва она переступила порог домика манула, как хозяин стремительным прыжком насел на нее и, пока не расправился со своей жертвой, не оставил ее. Злее свирепого волка оказался.

Спустя примерно полгода после этой трагедии манул сильно заболел. Он лишился аппетита и весь исхудал. Но зла в нем, даже изможденном болезнью, ничуть не убавилось. Его пробовали лечить, но, полуживой, он всегда находил в себе силы, чтобы со злобным шипением броситься на врача.

Чтобы поддержать здоровье манула, врач прописал ему, кроме лекарств, мышей и морских свинок. Манул чах на глазах, но к пище давно перестал прикасаться. Не соблазнился он и свинками, и мышами. Но всякий раз, как только ему их приносили, он обязательно загрызал их намертво.

Надо сказать, что даже молодые манулы почти не поддаются приручению. Однажды в живом уголке юннатов долго жил детеныш манула. Симпатичный на вид, котенок этот однако всегда смотрел букой. Приручить его им так и не удалось.

* * *

...Ужас охватил нас, когда мы случайно оказались свидетелями поединка между пятнистой гиеной и львом. Схватка между этими зверями, правда, происходила через железную решетку, но лев мог свободно просовывать лапы между прутьями и несколько раз сумел захватить своими страшными когтями гиену за бок. Казалось, царь зверей разорвет хищницу, ведь по величине он превосходит ее в несколько раз, а о силе и говорить нечего. Но гиена сама старалась его укусить. В ярости и упорстве она нисколько не уступала льву, и все же мы, зрители, боялись именно за нее: еще мгновение — и лев разорвет обидчицу.

Когда служительница, которая первой среди нас пришла в себя, разогнала дерущихся, на полу клетки не было ни единой капельки крови! Многие пришли в изумление — схватка была сильной, а никто не пострадал.

Объясняется все своеобразием кожи гиены — она толстая, крепкая, неуязвима для когтей самого сильного хищника. Вот почему гиены, живущие на воле в саваннах Африки, объединившись в стаи, нередко сами рискуют нападать на сильных зверей и бывает — на тех же львов.

«Толстокожесть» свою гиена продемонстрировала нам во время внезапной болезни. Хотя хищница потеряла аппетит и лежала буквально пластом, врачу и служителям пришлось довольно туго. Трудности в лечении заключались не только в том, что кожа у гиены толстая,— зверь очень опасен.

Волнений было много. Несмотря на тяжелое состояние, гиена постоянно оказывала людям сопротивление. Перед каждой лечебной процедурой приходилось связывать ее веревками, причем трое взрослых мужчин справлялись с трудом: у гиены могучие челюсти, она, как ножницами, перерезала своими зубами веревку любой толщины. А доктору не было никакой возможности как следует обследовать больную. Через непомерно толстую и плотную кожу не проходили рентгеновские лучи...

ДРУЖНЫЕ

Большая, величиной со среднюю комнату клетка была разделена пополам решетчатой перегородкой. В одной ее половине обитало семейство борзых собак — мать по кличке Вега с четырьмя пестрыми щенками. Она была очень строгая и злая. Однажды у нее появился необычный сосед — крупный пернатый хищник, обитатель казахстанских степей — орел-могильник. Он занял вторую половину этой необычной квартиры. Вега была недовольна соседством орла. Она беспокоилась за жизнь своих детей и часто злобно лаяла на птицу. Но орел оставался спокойным. Он больше волновался при виде людей. Но к работникам зоопарка, которые кормили и поили его, он все же скоро привык.

Когда орла вселили в клетку, щенки были очень малы, неуклюжи и все больше отлеживались в углу на соломе под защитой матери. Но вот и они набрались силы. Начались недалекие прогулки по клетке. Вскоре они заметили и пернатого соседа. Вероятно, он им показался совсем не страшным, а скорее даже забавным и добрым.

Когда орел, скогтив «добычу»— кусок мяса, данный ему на обед,— подолгу возился, обгладывая его, щенки следили за ним из-за решетки, и любопытство все больше разбирало их. Сперва они только издали обнюхивали орла, а затем, сами того не заметив, пролезли между прутьями решетки, разделявшей клетку, и оказались один на один с пернатым хищником. Грозная птица не тронула их, хотя на воле при подобной близкой встрече щенкам не поздоровилось бы. У могильника сил ничуть не меньше, чем у степного орла, который запросто расправляется с молодыми косулями, сурками и другими животными. Но клетка смирила буйный нрав пернатого узника. И это почувствовали щенки.

Позже они заходили в клетку смелее: не прочь были полакомиться остатками пищи орла, часто, закусив, подолгу играли голыми обглоданными костями. Наигравшись, нередко засыпали подле орла.

Могильник терпеливо сносил и проказы щенков, когда они играли его хвостом. Возможно, посещение щенков даже нравилось орлу — они вносили какое-то разнообразие в его скучную жизнь.

Со временем злая Вега переменила свое отношение к пернатому соседу. Однажды дверь, соединяющая обе половины клетки, случайно оказалась незапертой, и Вега со всеми своими четырьмя щенками пожаловала в гости к орлу. И все обошлось между ними мирно...

Эта необычная, интересная дружба продолжалась довольно долго. Кончилась она лишь после того, как борзые щенки выросли, и их распродали, а орла могильника после карантина посадили в клетку для обозрения.

* * *

Тигрица родила детенышей и временно лишилась аппетита. Его нужно было вернуть во что бы то ни стало, иначе голод грозил и малышам. Способ заставить тигрицу есть выбрали несколько рискованный — в отдельный отсек клетки посадили щенка австралийской собаки динго. Такое решение приняли, посовещавшись, работники секции диких хищных зверей зоопарка.

Тигры и щенок были разделены решетчатой перегородкой с маленькой дверью, открытой настежь, но и семье тигров и динго хорошо был виден кусок мяса на половине тигров.

Когда глава семейства тигр Бархат увидел в своем доме незваного гостя, насупился. Все объяснилось просто: он был обеспокоен тем, что большой кусок мяса, предназначаемый тиграм на обед, может попасть собачке. С появлением щенка забеспокоилась и тигрица. Понятно, что тиграм захотелось захватить мясо, и как можно скорее. Динго молча наблюдал за Бархатом, пока он находился на своей половине. Но стоило

тому приблизиться к дверям, как он громко лаял, что удивительно — динго молчаливы и обычно никогда не лают.

Возымел действие лай щенка на Бархата или нет, но полосатый хозяин вскоре спешно ретировался, унося в зубах мясо. Эту поспешность огромного, в расцвете сил шестилетнего тигра можно было считать и трусостью. Тигрица понюхала мясо, покатала лапой возле себя, лизнула.

Спустя всего несколько минут тигр вновь подошел к отсеку с динго. К этому его побудил, очевидно, «долг» главы семейства —защитить от возможной угрозы... со стороны щенка. Да, да. Это так именно и было. Иначе Бархат не стал бы, словно патруль, сновать возле домика с дорогими ему детенышами и самкой.

А глупый щенок, которому до этого удалось «отпугнуть» от себя тигра, принялся лаять с еще большим старанием. Тигр слушал, пока хватало терпения. Озлобившись, вдруг просунул лапу в дверку, царапнул щенка по ноге. Казалось, это отрезвило динго, он забился в угол и замолчал.

Бархат вернулся к себе и больше уже не смотрел в сторону щенка. Тигрица медленно жевала мясо.

Служитель отворил отсек и выпустил щенка, к радости всех сыгравшего свою роль как нельзя лучше.

СОПЕРНИКИ

В зоопарк привозят какое-нибудь интересное экзотическое животное. И начинаешь ждать, что вот-вот оно как-то проявит себя. Иногда бываешь вознагражден. Другой раз проходит и месяц, и год, а к тому, что тебе уже известно о звере еще до очного с ним знакомства из книг, ничего не прибавилось.

Такой неинтересной показала себя зебра. Она прожила целых два года в зоопарке, но, кроме того, что она «полосатая», я ничего больше для себя не открыл.

Но на третий год...

В просторном загоне зебры поселили целый табунок карликовых лошадок пони. Сперва все шло гладко. Но вдруг один из жеребцов стал выказывать недружелюбие к зебре, видя в нем (то был самец), очевидно, соперника. Между двумя животными стали происходить частые стычки. Дикий жеребец, конечно, превосходил пони по силе и всегда выходил в драке победителем. Он хватал своего противника зубами за загривок и валил на землю.

Но пони все не унимался, и тогда вмешались люди. Задиру-пони отделили от табуна, поместив за изгородь тут же, в загоне. Однако отношения между диким и домашним жеребцами зашли так далеко, что они стали ненавидеть друг друга. Зебра рвалась к пони, грызла доски загородки, с силой била их копытами.

В конце концов пришлось принять более радикальные меры. Весь табун пони перевели в другой конец зоопарка, раз соперников не удалось помирить.

ШАКАЛЫ

В одной из клеток нашего зоопарка жил шакал. Я часто приходил понаблюдать за зверем. Только не подозревал, что с ним вместе обитает другой шакал—«затворник». И узнал об этом позже.

Таинственного жильца этой клетки я открыл для себя случайно — увидел во время обычного обхода его желтовато-серую спину, чуть выглядывающую из вороха соломы в углу.

Прожить несколько месяцев рядом с людьми и не привыкнуть к ним — такое не часто бывает даже с животными, отличающимися особенно осторожным и недоверчивым характером. Когда он ухитрялся съедать обед — положенные ему по рациону куриное яйцо и кусок мяса — и запивать его водой, трудно сказать. Должно быть, в сумерки да по ночам.

Меня не на шутку заинтересовал этот обитатель пустынь Средней Азии и Закавказья. Чтобы получше разглядеть его, я попросил служителя как-то выманить животное из укрытия. Но даже ему, опытному рабочему, это не просто было сделать: шакал, казалось, готов был зарыться куда угодно, только бы ему не попасть на глаза людям. Да и побыл он на виду ровно столько, сколько рабочий находился в вольере. Но едва тот оказался за дверью, как трусливый зверь нырнул в солому, да и был таков.

Другой шакал являл собой полную противоположность. К каждому, кто бы ни появлялся рядом с его жилищем, ластился, довольно повизгивая, даже руки готов был лизать, хвостом вилял. Словом, вел себя— ни дать ни взять домашний пес. При этом на его морде я замечал подобие «улыбки».

Всякий раз, глядя на это общительное животное, думал: «Наверное, из таких вот покладистых диких зверей древний человек и смог вывести домашнее животное—собаку, которая и по сей день остается нашим другом и помощником».

ЛЕСНОЙ РЫЦАРЬ

Однажды в зоопарк привезли молодого среднеазиатского оленя с поэтическим названием «хангул», что значит «цветок владыки». Его поселили рядом с сильным, вооруженным огромными ветвистыми рогами маралом, который с тех пор потерял покой. Он постоянно вертелся у загона

своего нового соседа, старался вызвать его на бой. Хангул, выглядевший в сравнении с маралом худеньким и тщедушным, первое время боялся своего грозного соседа. Когда лесной красавец подходил к загону, хангул старался держаться подальше, и его колени в это время мелко дрожали. Марал в ярости рыл рогами землю, разбрасывая по сторонам галечник, которым был усыпан загон. Вскоре гость, словно осознав свою неуязвимость, осмелел и стал приближаться к перегородке и тем самым еще больше дразнил марала. Тот становился все более неспокойным, начинал огрызаться и наконец втягивался в борьбу.

Служители не могли без опасения смотреть на драки двух разъяренных рогачей. Их успокаивало лишь то, что загородки, разделявшие драчунов, были сделаны из крепких металлических балок.

Одна странность во взаимоотношениях обоих оленей бросалась в глаза: врагами они были только до наступления обеда и после него. Когда же приходило время приема пищи, они расходились каждый к своей кормушке. Запив сытный обед водой, ложились отдыхать у самой изгороди, разделявшей их загоны, буквально рядом друг с другом. Так и лежали мирно час или два, отдыхая, и в это время они словно не замечали один другого.

Осенью наступает особенно беспокойная пора для оленей-самцов. Драки между хангулом и маралом становились все ожесточеннее. В один из таких дней хангул неизвестно как просунул свою голову между трубами изгороди, и она оказалась в загоне марала. Хангул, увидев, какую оплошность он допустил, стал биться, стараясь высвободить голову, но это ему не удавалось—мешали рога. Марал сразу увидел застрявшего противника и направился к нему, видимо, с одним-единственным намерением — воспользоваться случаем и прикончить незваного гостя.

Среди служителей поднялся переполох: они знали крутой нрав старого рогача. За много лет жизни в зоопарке от него не раз доставалось иному нерасторопному работнику. Стараясь

предотвратить надвигающуюся беду, люди кричали, размахивали метлами, бросали в марала камни. Но тот невозмутимо приближался к обреченному...

... Старый рогач прошел мимо безумно и дико глядевшего на него хангула с гордо поднятой головой, будто и не замечал его. А когда, вскоре после этого, оленя выручили, между ним и маралом через ограду снова закипел бой.

Забияка марал пожалел хангула, когда тот был беспомощным. Лежачего не бьют — словно хотел своим поступком сказать марал и напомнить всем, кто сомневался в благородстве истинных рыцарей. А я подумал тогда: «Не случайно марала называют благородным оленем».

РУЧНОЙ НОСОРОГ

Характер очень многих животных, попавших в клетку зоопарка, порой меняется до неузнаваемости...

Тот, кто знаком с рассказами о путешествии по Африке, знает, какой носорог свирепый. Будучи разъяренным, этот зверь нападает даже на автомашины и опрокидывает их.

Но, оказывается, есть на свете носороги и не столь опасные, едва ли не ручные. Такими их часто делает неволя. Вся жизнь носорогов зависит от людей, ухаживающих за ними, поэтому им приходится смирять свой характер и дружить с ними.

...Я пришел сфотографировать недавно привезенного к нам самца-носорога. В сопровождении служителя вплотную подошел к загону. Нужно заметить, что интересовавший меня зверь был пойман звероловами в саванне и никогда до этого не жил в неволе. Тем более неожиданно было узнать, что это — смирнейшее животное. Увидев нас вблизи решетки, носорог стал издавать звуки, похожие на жалобный стон. Оказалось, что,

несмотря на свой солидный вид, он не лишен слабости, присущей более мелким его собратьям-невольникам. Носорог просто попрошайничал!

С разрешения служителя я угостил носорога веточным кормом, который он, причмокивая, съел. Тут же потянулся мордой к моей руке, обнюхал ее и стал лизать ладонь, высовывая язык из-под верхней своеобразно удлиненной губы, очень подвижной и сильной, словно некий хоботок. С безразличием обжоры носорог пытался затолкать себе в пасть кисть моей руки и замусолил ее, как это делает теленок.

...Редкое экзотическое животное не привлекает посетителей, ценящих острые ощущения. И правда, от него исходит «скука» — в клетке носорог выглядит каким-то обыденным, не то, что его земляки и соседи по клетке — бегемоты, ныряющие в бассейн.

Но мне этот африканец понравился. Может быть, миролюбием, проявленным ко мне, ожидавшему агрессивности и злобы. Я с удовольствием сфотографировал носорога. А у служителя спросил, всегда ли он так спокоен.

— В большинстве случаев — да. Все свое время проводит за едой и во сне, ни к чему другому интереса не проявляет. Но иногда он может быть злым и напасть на человека. Особенно незнакомого.

ТОРТИЛЛА

В зоопарк привезли гигантскую черепаху. И конечно, ее назвали Тортиллой. Мы не были оригиналами — имя героини любимой сказки дают таким черепахам во всех без исключения зоопарках.

Вначале нас впечатляли размеры Тортиллы. Как-никак весит центнер! Наши илийские степные черепахи, величиной с

тарелку, вытягивают всего полтора-два килограмма. Сравнение и приводило нас в изумление.

Но размеры размерами. А что все-таки собой представляет эта жительница далеких островов? Мы стали к ней присматриваться, но... ничего интересного. Тортилла целыми днями лежала неподвижно в углу клетки, испытывая наше терпение. Так прошло несколько дней.

«А может ли она вообще ползать? — иронически усомнился кто-то.— Один панцирь чего стоит, наверняка половина ее веса!»

Мне казалось: Тортилла отдыхает после утомительного путешествия, присматривается. Может быть, это так и было. Как бы собравшись с силами, наконец, черепаха однажды проползла по клетке и дотронулась до арбуза, предложенного ей на обед. Потом, не торопясь, погрызла его. То же самое, но живее проделала она и назавтра.

И вот первая прогулка Тортиллы по зоопарку. Как она быстро шла! Как ловко поворачивала налево и направо! Мне не верилось, что животное такого веса может свободно владеть своим телом, хорошо ориентироваться.

После прогулки у заморской гостьи появился аппетит. Она ела без разбору все: морковь, помидоры, кашу, фрукты, капусту. В иной день могла выпить три литра молока.

Свою первую зиму в неволе Тортилла провела... на теплой печи. Да, именно так. Было чего опасаться: все-таки животное жаркой страны, а тут снежная зима.

С приходом теплых весенних дней Тортиллу поселили в один из лучших загонов под открытым небом. Подумали так: двигается черепаха мало, больше сидит на месте. Все останется в целости: и трава и кусты. Если что и съест — быстро отрастет. Так оно и было, но только один день — не больше. Дальше стало происходить то, чего никто не предполагал.

Необычно паслась черепаха: облюбует местечко, понравившуюся траву словно сбреет. И запестрела лужайка пятачками-плешинами съеденной до самых корней травы. Прежде опрятная лощинка скоро приняла вид неряшливой.

На ночь Тортилла забиралась под кусты. Сегодня ей пришелся по вкусу один куст, завтра — другой, свеженький. Устраиваясь на ночлег, делала углубление. Некоторые из лежек, где черепаха переночевала не однажды, превратились в ямы. Пострадали и кусты сирени: Тортилла любила есть их молодые побеги. Но, казалось, не жаль ничего — только бы выжило, приспособилось к новым условиям столь редкостное заокеанское животное, представитель вида, почти исчезающего на нашей планете. За тысячи километров от своей родины оказалась Тортилла. Как-то приживется, как-то акклиматизируется у нас.

Есть в зоопарке неписаное правило: чуть накрапывает дождик — животных, чтобы не простудились, загоняют в домики. И вот осенью, когда погода особенно неустойчива, у служителей, ухаживающих за Тортиллой, хлопот прибавлялось. Дождь начинается, а как быстро загнать черепаху под крышу? Неуклюжая, медлительная, да и не понимает, чего от нее хотят. И вот приходилось такую громадину нести в укрытие на руках. Втроем, вчетвером таскали — все равно тяжело. Лишь на второй год Тортилла сама узнала дорогу и привыкла заходить в помещение. Как вечер—направляется к двери. Но опять беда: только переступит порог — останавливается. Видимо, считает: раз под крышей, то идти дальше не обязательно. Долго бились над тем, чтобы отучить останавливаться у порога, да только напрасно. Махнули на нее рукой.

— Хоть и гигантская ты, а ума у тебя, должно быть столько же, сколько у обыкновенной маленькой черепахи! — сказал один служитель, словно хотел унизить Тортиллу, досадуя на нее за «упрямство»...

За здоровьем гигантской черепахи постоянно следил врач. И вот однажды он обнаружил, что у Тортиллы стали слезиться глаза да и вид скучный, и определил: простуда. Назначил лечение. Черепахе следовало вводить пенициллин. Но как отыскать у нее «ахиллесову пяту» — тот крохотный участок тела, который не защищен панцирем? Многопудовое пресмыкающееся с трудом перевернули на спину и такое место наш-

ли: уколы можно было делать в заднюю ногу. Но тут же выяснилось: проколоть кожу черепахи обычной иглой нельзя. Пришлось искать сверхпрочную.

...Как определить возраст черепахи? Есть верный способ: сосчитать бороздки на щитках ее панциря. У Тортиллы их оказалось около тридцати. Это значит, она не прожила и трети своего срока — гигантские черепахи способны существовать больше ста лет. В зрелом возрасте они весят четверть тонны. Но таких экземпляров даже на их родине — Сейшельских островах, расположенных у юго-восточных берегов Африки, — почти не встретишь. Их истребили еще в пору великих географических открытий. Задача современных поколений — не дать исчезнуть сородичам Тортиллы с лица земли.

Кроме гигантских сейшельских черепах и наших илийских степных, на земном шаре известно более 250 видов других — как наземных, так и морских. Среди них есть и гиганты. Например, вес обитательницы Галапагосских островов, что у западных берегов Южной Америки, достигает пятисот килограммов.

ФЕНЕКИ

Миниатюрные африканские лисички на вид — симпатичные зверьки. Сразу же бросаются в глаза их уши — они больше, чем у обыкновенных лис, хотя по сравнению с ними сами фенеки кажутся просто крохотными. Во всем остальном они похожи на своих северных родственниц — жительниц среднерусских и сибирских лесов.

Я часто приходил полюбоваться на гостей из суровой пустыни Сахары. Рисовал их и фотографировал. Я долго присматривался к фенекам. Однажды меня поразило, как открытие: лапы этих зверьков очень напоминают заячьи — они так-

же густо опушены длинными волосками. Оказывается, это сходство не случайное. Если зайчишке благодаря таким лапкам (словно в валенках) удается хорошо держаться в глубоких снежных сугробах, не тонуть, то фенеку удобно в такой «обувке» бегать по горячим и сыпучим пескам пустыни.

Главная пища фенеков — не зверьки и птицы, а насекомые. Иногда эти шустрые лисички похищают из гнезд страусов огромные, величиною с булыжник, яйца. Твердую скорлупу они ухитряются разбивать о камни.

В зоопарке фенеки любят есть мучных червей, молоко, мясной фарш, иногда охотно поглощают живых мышей или воробьев. Однажды фенеки вступили в «схватку» с залетевшим в их клетку домашним голубем и, конечно, съели бы его, если бы одолели — птица оказалась изворотливее и сильнее.

МИШКИНЫ РАДОСТИ

Да, многие животные которым суждено было родиться в зоопарке, даже и не подозревают, как оно там, на воле. Спокойно, как должное, воспринимают затворничество и даже... сами создают для себя радости. Конечно, это от природного свойства животных приспосабливаться к условиям существования. Тем не менее...

Бурый Мишка по кличке Потап Потапыч любит мягкую постель. И сам себе делает «пуховики». Разумеется, в его «понимании». Не ахти какая это постель! Ворох соломы и только. Но это для нас солома, а для косолапого все равно что пуховики. Он следит, чтобы его ложе всегда было чистым, сухим и мягким.

Обычно утром, после завтрака, медведь сразу же идет в «спальню» и всю подстилку выгребает в большую просторную

клетку, где и расстилает ее ровным тонким слоем. Весь день солома проветривается и просушивается. А незадолго до захода солнца Потапыч собирает ее снова в кучу и, прежде чем снести в спальный отсек, хорошенько взбивает, словно перину.

Старательно делает это косолапый — молодому неопытному медведю так не суметь. Потап Потапыч — старожил нашего зоопарка, ему от роду лет пятнадцать. Навалится тяжестью всех своих двухсот килограммов на одну переднюю лапу, которой упирается в пол, а второй берет из вороха солому и об эту твердую лапу, как о ствол дуба, что есть силы трет и мнет ее. Устанет одна лапа, он навалится на другую. Кажется, уже давным-давно пухом стала перетертая солома, а он все трудится. Зато сделает постель такой пышной, что когда ляжет в нее да уснет — долгая осенняя ночь короткой покажется.

А вот у старого белого медведя Султана другая страсть — загорать. Трудно поверить в это, ибо принято считать — белые медведи как исконные жители Арктики, отлично чувствующие себя только в морозную погоду, тепло переносят довольно тяжело.

Действительно, замечено: зима для полярных мишек — благоприятная пора. А вот с приходом весны они словно впадают в уныние. Но, как оказалось, не все. У белых медведей, долгое время проживших в неволе, организм к лету перестраивается и они не только не боятся тепла, но даже... любят его.

Однажды в июльский полдневный жар я увидел Султана, с явным удовольствием развалившегося на солнечном припеке. Сперва я посчитал это за простую случайность. Однако служительница тут же объяснила: ее полярные питомцы очень любят солнечные ванны и принимают их регулярно и с большим удовольствием.

Да и сам я вскоре убедился в этом. Султан оказался наиболее яростным приверженцем горячего южного солнца. Этот толстяк обычно лежит на самом припеке, уткнув голову в передние лапы. И только когда уж совсем сморит его духота, он кидается в бассейн, шумно барахтается в нем, потом снова занимает свое место на пляже и долго загорает.

ЧУДО-ЗВЕРИ

Так хочется назвать байкальских нерп, уникальных ластоногих млекопитающих из семейства тюленей. Смотришь на нее и удивляешься: туловище удлиненное, гибкое, как у некоторых рыб; голова вроде собачьей со смышлеными, удивительно добрыми глазами. Самое чудное — ласты. Передние напоминают то мягкие плавники рыб, то когтистые лапы зверей (когда нерпа, силясь, выбирается из воды и опирается ими о твердый край бассейна, под кожей четко обозначаются пальцы). Иногда эти конечности похожи на крылья птиц: нерпа, потягиваясь на солнышке, растопыривает ласты в сторону и резко взмахивает ими — нечто вроде неоперенных коротких крыльев, как у пингвина.

Всю жизнь нерпы проводят в воде, время от времени выбираясь на берег. Зимою на лед выходят самки, и у них рождаются детеныши — маленькие, симпатичные, покрытые нежным белым пухом. Охотники их называют бельками. Взрослая нерпа в воде выглядит черной. Кожа блестящая, точно лакированная. Стоит ей выйти из воды, обсохнуть, как происходит удивительное превращение — на зверьке обозначается голубоватый бархатистый мех, очень красивый.

Байкальские нерпы относятся к очень нежным животным, которые плохо приживаются в неволе. Поэтому в зоопарках они встречаются редко.

...Пять нерп с трудом перенесли дорогу от Байкала до Алма-Аты. Стоял жаркий июль. Их везли в деревянных клетках и только изредка поливали водой. Конечно, этого было мало. Из клеток доносился жалобный стон, очень похожий на плач маленьких детей. Наконец, машина с драгоценным грузом прибыла в зоопарк. Нерп тут же перенесли в бассейн с прохладной водой. Для корма запустили косяк живых рыб. Так

началась новая жизнь байкальских нерп в зоопарке вдали от родного края.

Не более чем за неделю нерпы поели рыб в бассейне. И перед нами встала проблема: как приучить их к другой пище. Служительница Соня Сейфуллина попробовала приносить к бассейну в ведре мясо и свежую рыбу, нарезанную кусочками. Опыт в конце концов удался. Нерпы постепенно освоили непривычную еду.

Новоселы удивляли нас своими повадками. Довольно быстро «сориентировались» во времени — чуяли час кормления, заранее собираясь в определенном месте. Оживлялись, завидя свою кормилицу. Доверчиво высовывали из воды свои усатые головы, наперебой схватывали пищу из рук Сони, заглатывали, громко чмокая. Соня заметила, что рыба для них оставалась более лакомой пищей, нежели мясо. Правда, не всякую рыбу они любили. Сазана — только подавай, а судака хоть не показывай, увидят кусочек — тут же отворачиваются. Соне же непременно хотелось приучить нерп есть всякую рыбу. Она брала несколько кусочков сазана и между ними подсовывала незаметно судака. Но обмануть животных так ни разу и не удалось. Вероятно, они чувствовали неприятную пищу с помощью своего тонко развитого обоняния.

Все пять нерп по внешнему виду казались мне одинаковыми. Но Соня убеждала — нет, разные, и по каким-то только ею уловимым признакам различала, где Тюлень, Веселая, Красавчик, Засоня...

Кстати, действительно, если присмотреться, можно было заметить: Соня подобрала клички нерпам в соответствии с характером каждой. Тюлень — неторопливый, спокойный, Веселая — игривая, непоседливая, у Красавчика мордочка симпатичнее, чем у других. Зато нерпа Засоня любит поспать: уснет прямо в воде — не добудишься.

А вот Забияка... Уж точно, имя выбрано безошибочно. Это была самая беспокойная и смелая нерпа. И проявляла свой характер во всем. Так, ела всегда с аппетитом, много — за один раз проглатывала килограмм рыбы. Во время кормежки

она отталкивала других нерп, пробираясь поближе к пище, и Соне приходилось прогонять ее — иначе другие могли остаться голодными. В часы отдыха, особенно в жару, когда нерпы отсиживались в тесном уголке бассейна, Забияка ухитрялась устроиться лучше подруг — всех растолкает, заберется в самую прохладу и потом уж никому не уступит места. Однажды Соня попыталась выгнать Забияку оттуда. Но едва она протянула к ней руку, сердитая нерпа забила ластами по воде и окатила Соню водой с ног до головы!

Немало хлопот было с Забиякой, когда чистили бассейн. Выпустив из него воду, Соня обычно брала руками нерп по одной и пересаживала их в чан с водой на время, нужное для того, чтобы очистить бассейн от тины и мусора. Когда же бассейн вновь наполнялся чистой водой, нерп из чана переселяли в их постоянное жилище. Забияка вела себя во время этих переселений скверно, даже вызывающе. В руки Соне она не давалась и вообще готова была искусать каждого, кто пытался приблизиться к ней. Непокорную нерпу приходилось вылавливать сачком, как рыбу.

И вот что удивительно: из всех нерп только одна Забияка так и не привыкла к служителям, оставаясь все время недоверчивой, злой и неприступной.

* * *

Много общего с байкальскими нерпами у морских котиков, относящихся к группе ластоногих млекопитающих. Их иначе называют еще ушастыми тюленями. Разве что своими длинными усами они похожи на наших домашних кошек, в остальном — на тюленей: те же ласты, то же вытянутое округлое гладкое тело. Даже остров в Охотском море, где издавна находится лежбище котиков, называется Тюленьим.

...В зоопарке появились морские котики. Не простые — дрессированные. Их повелитель — молодой человек по фамилии Захаров — сам отловил зверей в море и обучил трюкам.

Первое, что бросается в глаза — они смешно купаются, Очень похоже на то, как мы в ванне мочалкой моемся. Лежит

котик на воде, непринужденно так поворачивается с боку на бок, а сам ластами своими широкими и длинными потирает по очереди то спину, то правый бок, то левый.

Очень шумные звери. На людей «лают» и при этом еще головами недовольно трясут. Будто предупреждают всех — не подходите близко, не то искусаем! Зубы большие, острые, хищные. Иной раз, должно быть, проголодавшись, принимаются все разом орать — громко, протяжно, по-козлиному.

Правда, злятся котики только на незнакомых людей. Когда же перед ними появляется дрессировщик или его ассистенты, поведение котиков совершенно меняется, они становятся просто неузнаваемыми.

Удивительно то, что морские котики, даже и не прирученные, могут заискивать перед человеком. Совсем так же, как домашняя собака перед своим хозяином. Особенно это было очевидным во время кормления. Как только ассистентки появлялись у бассейна с обедом, котики высовывали из воды свои мордочки с темными, широко поставленными глазами и по-щенячьи скулили:

— Ску, ску, ску...

Казалось, хотят задобрить своих кормильцев, выражая радость.

До Захарова ни в одном цирке еще никто не пробовал выступать с хищными морскими котиками. Он рискнул выдрессировать именно этих редких животных. И результат превзошел все его ожидания и надежды. Всего несколько месяцев понадобилось для того, чтобы обучить котиков забавным цирковым номерам. Его ластоногие артисты оказались и трудолюбивыми и понятливыми. Сперва молодой артист выступил со своими умными зверями перед пионерами и школьниками у себя на острове Сахалин, и ребята с восторгом приняли программу. Затем по просьбе дирекции Алма-Атинского зоопарка Захаров согласился привезти своих морских питомцев в столицу Казахстана.

Дрессировщик работал с шестью котиками. Чего только не умели делать эти, казалось бы, неуклюжие и малоповоротли-

вые звери! Они играли в волейбол, ловили мячи и кольца, вальсировали, ходили на ластах по двойной проволоке, натянутой в воздухе, и даже катались с горок и прыгали с вышки!

Самым способным артистом показал себя котик по кличке Пингвин.

— Лучший мой партнер. С ним я всегда уверенно себя чувствую на манеже,— говорил о Пингвине дрессировщик.

Остальные питомцы имели маленькие недостатки. Дельфин, к примеру, был агрессивен, пробовал кусаться. Нептун работал с ленцой. Касатка в разгар выступления иногда удирала с манежа, а Рыбка любила, чтоб ее подолгу упрашивали сделать тот или иной трюк: ей нравилось только... качаться на качелях!

Представления проходили ежедневно в течение лета, и алма-атинские ребята полюбили цирк Захарова.

И хотя у нас очень жарко, выходцы из Тихого океана чувствовали себя хорошо. В их распоряжение был отдан просторный загон с бассейном, в котором всегда была свежая вода. Впрочем, в отличие от байкальских нерп котики не так уж и нуждались в купании. В жару они обычно отдыхали в тени деревьев, спали там по многу часов подряд.

Птицы... Издавна завидует человек
их способности летать.
Да, они могут постигать большой простор.
Счастливы ли птицы в зоопарке,
живя здесь безвылетно?
Трудно, отдавая себе отчет,
ответить за них.
Но удел этих пернатых,
не имеющих возможности летать, искупается тем,
что именно через них люди,
посещающие зоопарк,
узнают о тысячах их собратьев
и приобщаются к красоте и доброте.

ЗИМНИЕ ГНЕЗДА СОВ

У птиц зоопарка весна начинается не с перелета. С постройки гнезд. Семья есть семья..

...Очень простое гнездо у филина из семейства сов, живущего в ущельях Заилийского Алатау,— обыкновенная ямка в песчаном полу клетки. Но хлопочет над его постройкой филин-самец едва ли не всю зиму. Почти изо дня в день залезает в ямку и подолгу роет ее своими когтистыми сильными лапами, похожими на мускулистые со «щетками» лапы зайца.

Чем ближе к февралю, тем чаще раздаются в клетке его брачные крики «кугу», которые этот певец произносит густым глуховатым голосом. В последние дни филин изо всех сил старается завладеть вниманием своей медлительной и флегматичной подруги, превосходящей по росту его самого в добрых полтора-два раза. Строя гнездо, он теперь издает настолько

нежные звуки, что кажется: это пищит не огромный хищник, а беспомощный малюсенький птенец...

Однажды ранним утром в начале февраля в клетке филинов наступил праздник: филиниха, неприступная до этого, совершенно не обращавшая внимания на хлопоты самца, вдруг сама слетела к ямке и после долгого, придирчивого осмотра, села в нее.

Самец ликовал! Наконец-то его старания замечены! Он, одурев от радости, засуетился подле нее, не находя себе места.

В разгар ликования — надо же было такому случиться! — к клетке подошла птичница с метлой и ведром для мусора. Представьте, как огорчился филька! Боясь, как бы не спугнули его подругу — с таким трудом удалось ему заманить ее в гнездо — он, взлетев на насест, стал зло «кугукать». Как видно, этими криками он старался прогнать нарушительницу семейного покоя.

Красив был самец в этот момент: весь, до последнего перышка, подтянутый, подобранный и будто взволнованный. Во время крика зоб его сильно раздувался, и на нем образовывалось большое яркое пятно из белоснежных перьев. Пятно исчезало тут же, как только филин умолкал.

Со следующей ночи в гнезде стали появляться крупные, в рыхлой шершавой скорлупе очень круглые яйца.

... Полярная сова свое гнездо привыкла строить иначе.

Однажды я попросил служительницу набросать в клетку молодой белой совы побольше свежего снега. Она так и сделала. В углу появился целый сугроб. Совушка, очень довольная, сидела на нем, покинув свои прежние любимые насесты — валун и пенек. Там и провела она длинную ночь. Вот что значит северная птица! А ведь этой сове не довелось жить зимой на своей родине — птенцом привезли ее еще летом в Алма-Ату из таймырской тундры. Но инстинкт взял свое, и она потянулась к снегу. Все равно, что потрогала кусочек холодной далекой родины.

Когда я снова встретился здесь, у совиной клетки, со служительницей, она поделилась со мною своими наблюдениями:

— Сегодня с утра,— сказала она,— снова подсыпала свежего снежку нашей гостье. Сове это понравилось. Едва я вышла из клетки, она тотчас же подлетела к горке, нырнула головой в снег и захлопала крыльями.

Я смотрел на северянку. Она словно принарядилась: оперение выглядело свежим, точно помытым. Птица явно приободрилась, ликовала.

Спустя некоторое время работница принесла сове обед. Что такое? Нигде ее нет. Кажется, клетка пуста. Ага! Вон из снежного холмика торчит совиный нос да большие глаза со светло-желтой радужиной... Сидит совушка в гнезде из снега.

Такие гнезда сооружают полярные совы и в предчувствии весны, когда ждут потомство.

ЛЕБЕДИ

Удивительный цветок расцветает по весне на водной глади пруда в зоопарке — огромный, нежный, он то появится перед вами, то тут же исчезнет. Это — лебеди. Они подплывают близко друг к другу по четверо или даже больше — так, что почти касаются клювами, и их пушистые крылья, поднятые, как легкие паруса, напоминают лепестки невиданного водяного цветка.

Сердца лебедей в весеннее время переполнены радостью, и они не в силах перенести ее поодиночке.

Увидеть этот цветок можно весенними погожими и тихими утрами.

...Весной лебеди-кликуны свили у пруда гнездо. Целую неделю они стаскивали в ивовый куст разные веточки, сухие травинки и перышки. Зато гнездо вышло на славу: просторное, мягкое, уютное.

Лебедка снесла в гнезде белые, величиной с ладонь, яйца, всего восемь, и уселась на них плотно, только сверху еще набросала на себя сухих травинок. И не видно ее стало.

С нетерпением я стал ждать пуховичков-лебедят.

Когда я узнал, что появились первые птенцы, пришел на них посмотреть. Как можно осторожнее подобрался я к изгороди и заглянул по другую сторону. Вижу: куст, а в нем гнездо. Я замер, боясь пошевелиться.

День был солнечный, теплый. Лебедка и лебедь стояли рядом с гнездом. Злющий-презлющий папаша, увидев меня, хотел наброситься, да изгородь ему помешала.

В гнезде, кроме новорожденных лебедят, были и яйца — целые и с надреснутой скорлупой. Вот-вот лебедята из них вылупятся. В одной из трещин уже виднелся мокрый пушок. Это яйцо даже шевелилось совсем как живое.

Новорожденные лебедята были все пушистые, серенькие, с очень длинными шейками. Совсем беспомощные — даже головок держать как следует не могли. А один, наверное, самый старший, уже окреп и на край гнезда выбрался. Посидел он, посидел и обратно в гнездо направился.

Стал я наблюдать за первенцем. Подобрался этот крепыш к одному слабенькому лебеденку и вдруг как щипнет братика! Больно тому стало, громко запищал. Еще и еще раз щипнул. И пошла настоящая драка. Откуда только сила взялась у малюток! Кувыркались, щипали один другого так, что пух летел во все стороны.

Жалко мне стало лебедят. Хотелось бы их, глупеньких, унять, да нельзя мне сделать этого: взрослых лебедей можно сильно напугать.

А те хоть бы что — стояли себе и спокойно на гнездо поглядывали, словно говорили: «Пусть учатся жить».

Долго дрались лебедята, слабенький насилу уполз. А драчун все не унимался. То одного щипал, то другого. Потом заметил торчавший из надтреснутого яйца пушок. Вцепился клювом в него. Лебеденок в яйце даже запишал. Больно ему стало. Хотел спрятаться поглубже, поднатужился, а скорлупа

и развалилась. В гнезде стало одним лебеденком больше. Наконец, драчун успокоился. Видно, устал.

На другой день лебедята окрепли все, и мать повела их на пруд. Шла она не спеша, переваливаясь с ноги на ногу, как гусыня. А вслед едва поспевали восемь пушистых лебедят. Против огромной лебедки они были просто крохи! В траве только их головки мелькали, на одуванчики похожие. Путались в густой траве, запинались, падали. Мать останавливалась, терпеливо выжидая, пока задние подтянутся. Так и добрались до берега. Совсем немного прошли пуховички, а устали сильно. Долго отдыхали.

Потом начали лебедята первый раз на воду сходить. Одни ловко в воду попрыгали, а другие с крутого бережка прямо свалились. Сбились на пруду все в кучу около матери и пищат. Не знают, что делать.

Стала лебедка лапами воду взмучивать. Вместе с мутью и корм со дна всплыл — личинки, червяки, водоросли. Потом она опустила клюв в воду — корм попробовала. Лебедята смотрели-смотрели и — сами принялись носики окунать в воду. Корм стали искать да воду пить. Почерпнет малыш клювиком самую чуточку и далеко закинет голову, ждет, пока вода перельется по длинному горлышку.

Поплавали лебедята и на отлогий бережок вышли. Мать стала свои перышки чистить да приглаживать. Лебедята тоже почистились и разлеглись на теплом песочке. Сон их всех разморил. Легли, глазки зажмурили, лапки от удовольствия вытянули. Только старому лебедю не до сна. Он на воде вроде сторожа оставался. Боялся, как бы лебеденка злой коршун не утащил. Шею вытянув, плавал у берега и зорко вокруг посматривал, не крадется ли кто?

К осени лебедята стали взрослыми — стройными и сильными, совсем такими, как их родители. Только окраска перьев у них не изменилась. Как были серыми, так и остались до будущего года. А весной они перелиняли, надели белоснежные наряды. И на пруду зоопарка появилось большое, красивое стадо лебедей.

...Эту птицу отличает смелость и сообразительность — качества, особенно ярко проявляющиеся в период гнездования. Свой дом супруги строят с исключительным старанием и трудолюбием. А как самоотверженно защищает гнездо лебедь-самец во время насиживания яиц его подругой! Впрочем, и сама лебедка не щадит любого нарушителя ее покоя.

Но вот срок насиживания окончен. Он длится долго, целых 36 дней. И на свет появляются полдюжины прелестных пушистых длинношеих птенцов.

...Много лет подряд на пруду зоопарка пара лебедей-кликунов выводила птенцов, но многие погибали еще будучи пуховичками. Тогда решено было только что вылупившихся лебедят забирать из гнезда для ручного воспитания. Вот тут-то и обнаружилось удивительно странное безразличие лебедей к своим детям. Правда, в момент, когда служители подходили к гнезду, лебеди всегда умели показать свой характер. Они давали бой незваным гостям и еще какой бой! Но потом... происходило невероятное!

Известно, многие дикие и домашние животные, которые по тем или иным причинам теряют своих детенышей,— вот бегемотиха, медведица, верблюдица, львица, обезьяна, а из птиц — утка-кряква, клушка, наконец, даже воробьиха,— по-своему, но всегда тяжело переживают разлуку с малышами и по нескольку часов, а то и суток не могут успокоиться. Лебеди-кликуны же, потеряв птенцов, ведут себя просто равнодушно. Они спокойно плавают, едят или, сидя на берегу, «прихорашиваются». Иногда создается впечатление: кликуны даже рады тому, что с их плеч сняли заботу о воспитании потомства!

Мне пришлось наблюдать еще раз, как лебеди с безразличием чужих расставались со своими детьми.

... Была зима. Лебединая семья ютилась в тесной ледяной проруби. Лебедята подросли. Их можно было отличить от взрослых птиц только по оперению: кое-где на спине, крыльях и шее оно было рыжеватым.

Казалось, родители души не чают в детях и заботятся как о нежных пуховичках. Бывало, стоит показаться на пруду слу-

жителю или тем более человеку постороннему, как лебедь-самец тут же выскакивает из полыньи на лед и идет навстречу с раскрытыми крыльями и опущенной книзу головой: прогнать, а то и побить!

Миновала пора метелей, вьюг и крепких морозов. Теплое весеннее солнце растопило лед, и лебединая семья вышла на широкую водную гладь пруда. Некоторое время старые и молодые лебеди плавали вместе: словно хороводы девушек в белоснежных нарядах кружили по воде. Но вот в разгар весны в лебединой семье начался разлад. Словно разобщило их обилие воды и солнца. Вспомнилась мне поговорка: в тесноте, да не в обиде!

Старый лебедь стал нервно пощипывать молодых и прогонять прочь. К своему ужасу лебедята вдруг увидели, что они — лишние на пруду. Не хочется, да и не могут они пока понять этого. Как же так? Прежде того не было. Словно кто-то подменил родителей. И неведомо им, куда податься и что делать. Стоят обычно где-нибудь в сторонке, сбившись в стайку, и озираются — растерянные, жалкие. Словно все еще ждут: не опомнятся ли родители и не покличут ли к себе нежными голосами, как прежде?

Только зря ждут. С приходом весны круто меняется характер взрослых лебедей. Видно, тяжесть забот о будущих птенцах вытесняет у них привязанность к взрослым детям. До ласки ли им сейчас, когда и без того голова кругом идет! Может, и жалко лебедят, но надо и успокоиться за них — взрослые уже. Пора им жить самостоятельно.

Когда лебедята теряют право находиться вместе с родителями на одном пруду, служители в спешном порядке переселяют их на новое место — в один из тихих уголков соседнего пруда. Иначе может случиться беда.

Однажды в гнездовую зону лебединой пары случайно проникли пеликаны. Птичницы бросились на выручку. Но лебедь опередил их и быстро убил насмерть трех длинноклювых нарушителей покоя... То же самое ждет и любого, кто незванно явится к лебедям в гнездовую пору. Даже их детей.

ЖУРАВЛИ

В течение нескольких лет дружная пара серых журавлей строила гнезда в зоопарке на крутизне берега у пруда, и всякий раз это оканчивалось плачевно. Яйца обычно скатывались в воду. Наконец, птицы свили свой дом почти у самой воды.

... Беда нагрянула, как всегда, нежданно. В горах прошли ливневые дожди, по арыкам хлынули стремительные потоки, и уровень воды в пруду стал расти на глазах. Берег, на котором было журавлиное гнездо, стал быстро уходить под воду. Потомству журавлей грозила опасность. Я не без волнения смотрел на них.

Казалось, подобное бедствие должно было заставить журавлей спасаться бегством. Но ничуть не бывало. Умные птицы быстро сообразили, что́ надо предпринимать для спасения гнезда. Не медля ни минуты, они взялись за работу. Особенно старался самец. Сильные птицы стаскивали ветки и осторожно укладывали их на гнездо, отчего оно становилось выше и выше. На этот настил они затем клювами ловко перекатывали яйцо. Со стороны пруда самец-журавль из прутьев и тины соорудил нечто вроде валика, который защищал гнездо от разрушающего действия воды.

Трудилась журавлиная пара около часа быстро и споро, так, словно этому она давно была обучена. И только когда стало ясно, что гнездо находится вне опасности, птицы прекратили работу.

Дня через три вода в пруду спала, и журавлиное гнездо можно было увидеть целиком. Оно было аккуратно сложено, искусно переплетено между собою веточками, сцементировано вязкой тиной, превосходя по объему обычное журавлиное гнездо в несколько раз.

* * *

...В зоопарке вывелись утята. И тут случилось несчастье — не стало вдруг старой утки. Может быть, ее бродячая собака утащила или ястреб скогтил и унес.

Снуют утята по всему пруду крохотными мохнатыми комочками, пищат, маму зовут.

Стали их ловить и переносить в клетку. На пруду все равно без старой утки погибнут. Насилу переловили. Хоть и маленькие, а удирать мастера.

Остались утята в клетке жить. На ночь сбивались в углу на соломе в один пушистый комок и грели друг друга.

В эти дни зоопарку подарили совсем маленького журавленка в желто-рыжем пуху. Куда девать необыкновенного птенца? С кем подружить?

Думали-думали и посадили в клетку к утятам. Обрадовались те Журке, за свою маму его приняли. Ведь он выше утят, хотя и молоденький.

Вот ходит журавленок по клетке на высоких крепких ножках своих, голову на длинной шейке высоко носит и пищит. Тоже свою маму зовет.

На писк к нему утята сбегаются, у ног вертятся, ходить мешают. А Журка еще сильнее пищит. Кушать захотел.

Увидел: черненькое что-то маячит перед ним у самой земли, прицелился Журка, схватил это что-то в свой длинный клюв и стал поднимать, чтобы проглотить. А это оказались лапки утенка. Тот как завопит! Перекувырнулся в воздухе и на землю шлепнулся — Журка с испугу выронил его из клюва.

Вскоре утята окрепли, и их снова на пруд унесли. Журка в клетке один остался, тоскливо ему стало. Походит, походит по клетке, потом остановится, голову набок склонит, глаза прищурит и на вольных птиц в небо смотрит.

Пошел я как-то Журку рисовать. В клетку к нему зашел, краски, бумагу приготовил, а рисовать его никак не могу начать. Мешает мне Журка.

Соскучился журавленок один в клетке, лезет ко мне.

В банку с водой заглядывает, хотя у него и своя вода в поилке стоит. В краски нос тычет.

Наконец, я отогнал его и поскорее начал рисовать.

Журавленок то отойдет от меня и займется чем-нибудь, то снова подойдет. Я уж заканчивал рисунок, углубился в него, внимания на Журку не обращал. В это время он подошел ко мне и ловко, будто пинцетом, выхватил одну краску в свинцовой оправе и проглотил. Я так и ахнул! Умрет ведь птица от этого, жалко ручного журавленка.

— Бедненький, бедненький, — говорю ему,— ты и не знаешь, что погубил себя. Свинец проглотил ведь. Это не шутка, ядовитый он!

А журавленок в ответ очень равнодушно: «Пи-и-и!». И на другую краску нацелился.

Сгреб поскорее я краски и вон из клетки. Но напрасно я испугался. Не умер Журка.

После этого день, неделя, месяц и год прошли. Вырос он в настоящего журавля. Вместе с другими журавлями и сейчас в зоопарке живет.

* * *

Всех диковинных зверей и птиц затмил антигонский журавль. Мы прозвали его Журкой-антигоном. Эти птицы водятся только в джунглях Бирмы и Вьетнама.

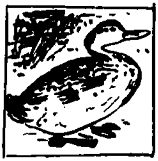
Меня предупредили: «Журавль совсем еще молодой». Когда я вошел в помещение, то, действительно, увидел недавно оперившегося птенца. Окраской да тонким голосом он напоминал птенцов наших серых журавлей. Но меня поразили его размеры. Это был исполин журавлиного рода высотою с метр. Честно говоря, я не отважился подойти к журавленку. Сперва, не подумав, отворил дверь и уже было вошел в клетку. Но тут журавленок-великан повернулся ко мне, встал навытяжку во весь свой рост да еще крыльями взмахнул. А они у него в косую сажень длиною. Вот так крылышки! Нет, я не стал рисковать, вышел из клетки и как можно плотнее прикрыл дверь. У этого Журки ноги — что два металлических стержня — ров-

ные, гладкие и на вид свинцово-серые, тяжелые, а клюв — что острие копья. Вот вам и птенец!

На земном шаре водится много видов журавлей. Чаще всего в зоопарках живут обыкновенные серые и журавли-красавки. Нередки павлиньи или венценосные журавли. Гораздо реже приходится видеть американских трубачей, белых стерхов, японских и даурских журавлей. Самые крупные из них — даурские. Вес отдельных особей достигает 20 килограммов. Антигонский журавль вобрал в себя все наиболее ценные качества рода: он и самый крепкий, и красивый, и крупный. Поистине летающий страус.

В первые дни жизни Журку-антигона в зоопарке поселили в один из загонов: пусть греется на солнышке, щиплет травку да ищет вкусных червяков. Но он не стал делать ни того, ни другого, а кинулся убегать. Метровый забор загона даже и не перескочил, а вроде бы перешагнул да так свободно, будто на его пути не было никакой изгороди. Срочно организовали облаву и поймали его, окружив со всех сторон.

После этого беглеца поместили в более надежное место. Он стал жить на просторе в саду. Добавлю еще, что наши журавли рядом с Журкой-антигоном выглядели просто карликами. Но, несмотря на свое превосходство в силе, новичок вел себя чинно и никого не обижал.



КРЯКУША

Такую семью, как у дикой серой утки Крякуши, пожалуй, не часто встретишь: восемнадцать птенцов и все разные! Десять нежных желтых «комочков», шесть чуть побольше, а два — в половину утки каждый...

Но обо всем по порядку.

Весной Крякуша облюбовала себе место для гнезда на берегу пруда. Сухое, широкое дупло в старом вязе, низко склонившемся к самой воде, служило ей отличным домом. Здесь она и стала высиживать птенцов. И вот однажды Крякуша уселась на яйца. Их было чересчур много — более двух десятков, и она никак не могла прикрыть собою все. Не подозревала, что, кроме нее, в это же гнездо снесла яйца и другая утка. Конечно, сумей Крякуша обогреть все яйца, не было бы никакой беды. Но это сделать ей оказалось не под силу. Она просидела в дупле ровно три недели и родилось всего-навсего пять птенцов. Трое из них были очень хилыми и не прожили одного дня.

Работницы зоопарка изловили Крякушу и с двумя утятами посадили в клетку. Хотелось им, чтобы окрепли птенцы. Птицам поставили небольшое корыто, налили воды, насыпали корма.

Семейство Крякуши пошло на поправку, а через неделю его уже можно было отпустить на приволье пруда. Но в это время у двух других уток выводки оказались неудачными: всего по три утенка. Крякуша была старая и смирная утка. Ей не раз приходилось воспитывать чужих утят. Вот почему и на этот раз решили, что лучше всего этих шестерых утят отдать именно Крякуше.

Так она осталась в клетке воспитывать новое потомство. Вскоре утята подросли, но Крякуше и на этот раз не пришлось попасть на пруд. В зоопарке появились еще десять утят-беспризорников...

Еще весной одна из диких уток улетела из зоопарка и свила себе гнездо за городом, а когда у нее вывелись птенцы, повела их домой... в зоопарк! Это был утомительный, полный опасностей и приключений путь. Утка настойчиво вела свой выводок. И когда утята во главе со своей пернатой мамой были совсем у цели, на их пути оказался высокий дощатый забор. Забеспокоилась утка, крякая и поднимаясь на крыльях. То перелетит через забор, то вернется к птенцам. А те, почуяв беду, пищали и суетливо бегали возле преграды.

Помощь пришла от ребят. Они увидели утят, попавших в беду, и переловили их. Весь выводок был доставлен в зоопарк. А там его отдали доброй Крякуше.

Многие любовались питомцами Крякуши. Любил и я это утиное семейство. Случилось как-то мне остановиться у клетки. Утки готовились к ночлегу. Крякуша нетерпеливо крякала. И вот началось! Первыми спрятались под маму десять самых юрких и маленьких. Вскоре их примеру последовали покрупнее. Они с большим трудом забрались под крылья: Крякуше даже пришлось привстать на ноги. Осталось еще два самых крупных утенка. Толстые, с туго набитыми и отвисшими зобами, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, направились они к Крякуше. Добродушные увальни попробовали пробраться к своим пернатым братцам, но тщетно. Тогда они зашли к утке с двух сторон и подсунули свои головы под нее. Сделав усилие, они приподняли Крякушу и как бы взвалили ее себе на спину. Не успел я понять, что к чему, как оба птенца уже сидели под уткой. Потревоженные малыши подняли писк. Но как бы там ни было, все утиное семейство теперь готово было отойти ко сну.

ПАВЛИНЫ

Из всех птенцов, каких доводилось мне знать, самые замечательные — павлинята. Едва только выклюнутся из яиц да обсохнут, как уже начинают учиться летать. Крылья у них успевают опериться еще в яйце. Поэтому пава приучает птенцов взлетать на насест с первых же дней жизни — там вместе с ними и ночует. Половина выводка усадит под одно крыло, остальных — под другое. Не страш-

ны тогда павлинятам ни ветер, ни дождь, ни холод. Спокойна за детей и мать.

Так у павы и ее птенцов возникает дружба. И по мере того, как птенцы подрастают, она становится все более крепкой, потому что павлинята умеют оценить ее выгоды по достоинству и привязываются к матери все больше и больше. Кажется, ничто не сможет их разлучить!

Но это, увы, не так. Приходит время, и для павы с ее птенцами оканчивается счастливая пора. Как это ни странно, злосчастный конец дружбе наступает в одно определенное время — ранней осенью. Расстается пава с павлинятами вовсе не потому, что ее дети, повзрослев, должны переходить к самостоятельной жизни. Нет. Все тут обстоит до обидного просто: павлинята вырастают, становятся большими и им уже не хватает всем места под материнскими крыльями. Тут и разойтись бы птенцам с взрастившей их матерью подобру-поздорову, чтобы сохранить на всю жизнь добрые воспоминания о былой дружбе. Так нет, из-за сущего пустяка между матерью и детьми портятся отношения, да так, что навсегда. Раздор начинается сначала между самими павлинятами. Каждый вечер они учиняют настоящие потасовки за место под теплыми материнскими перьями. Туго тут приходится и паве. Больно ей видеть враждующих детей.

Мне пришлось быть свидетелем тяжелого расставания павы с павлинятами.

Я подошел к павлиньей вольере вечером и увидел паву с выводком на насесте. Пора было им уже спать. Но ни пава, ни ее дети не сидели на насесте, а стояли на ногах. Я постоял немного, присмотрелся к тому, что между ними происходит, и все понял. Мне и самому стало их жалко. По обе стороны были очень рослые, величиной с курицу, павлинята. Они то и дело затевали между собою возню, стараясь друг у друга отвоевать местечко поближе к матери. Павлинка то и дело получала чувствительные толчки то с правой стороны, то с левой. С трудом она удерживалась на насесте от иного очень сильного удара, помогая себе при этом балансированием

крыльев и хвоста. Наконец, ей надоел шум, она оставила птенцов на насесте одних, а сама слетела на землю и стала разыскивать для себя место поспокойнее. Облюбовав высокий забор, она уже успела взлететь на него, как вдруг послышался громкий писк павлинят, которые в драке не заметили исчезновения павлинки, а, обнаружив это,— заплакали. Да, дружный, жалобный, полный отчаяния писк павлинят воспринимался именно как плач. И, слыша его, материнское сердце не выдержало — через минуту пава снова была подле своих детей.

Что произошло дальше — догадаться нетрудно: между павлинятами опять вспыхнула драка. И павлинка опять бросила детей. Раз десять оставляла пава в тот вечер павлинят, но снова и снова возвращалась к ним, слыша их вопли. Словно угорелая, металась она по павлиннику. Между тем сумерки становились с каждой минутой гуще и гуще. Наконец, всякое терпение кончилось. Взлетев под конец на насест к птенцам, она вгорячах задала трепку двум-трем из них, подвернувшимся «под руку».

Первый раз в жизни видели павлинята свою мать такой недоброй. Они враз присмирели, сникли и виновато умолкли.

... Незаметно подступила осенняя ночь, темная и ненастная. Первая в жизни павлинят, которую они провели врозь со своей матерью.

ДРОФЫ

Это обычно бывает в самые погожие дни ранней весны, на рассвете. Скромно окрашенный под тон песка обитатель степей и полупустынь Казахстана самец дрофы-красотки вдруг приободряется и начинает выделывать различные па. Как он преображается! Буквально на гла-

зах совершается чудо: дрофич важно прижимает к туловищу голову, крылья укладывает одно на другое высоко на спине. Но это не все. Длинные пушистые перышки «галстука» движением кожи на шее он поднимает кверху, и они встают торчком в виде пышного султана. Поджарый, стройный и нарядный самец начинает дробно семенить ногами, а вверху колышутся красивые нежные перья султана... В это время весь он — олицетворение весенней радости.

Не менее интересно второе отделение концерта. Дрофич вытягивает длинную шею, на которой в виде веера распущены перья воротника. Длинные перышки головного наряда направлены вперед — получилось нечто вроде большого клюва. Дрофич то и дело замахивается на подругу этим «пугалом». Та не обижается. Ведь это только игра.

Мне посчастливилось увидеть эти удивительные весенние танцы обитателей пустыни после того, как в одной из вольер поселился самец и самочка редких птиц.

ВОРОБЕЙ

О нем очень хочется рассказать потому, что он постоянный житель зоопарка. Поселился тут сам давно, и без него трудно представить естественную среду, в которой обитают здесь звери и птицы различных континентов.

...Весной можно видеть часто, как ссорятся птицы.

Откуда-то из глубины весеннего сада с тревожным попискиванием прямо на меня вылетел встрепанный скворец. Тут же выяснилась и причина его панического бегства: за ним, как говорится, прямо по пятам, гнался и время от времени пощипывал за перья рыжеватый полевой воробышек. То ли от усталости, то ли надеясь найти там укрытие, но скворец вдруг

нырнул в ветвистую яблоню, что росла неподалеку от меня, и сел на сучок. Воробей тоже присел на яблоню всего в каком-то метре от скворца. Глядя на обеих птиц и невольно сравнивая их, я просто недоумевал, как мог поддаться панике и испугаться какого-то замухрышки-воробья скворец, почти вдвое больший его, к тому же имеющий сильный острый клюв. Пока скворец сидел, отдыхая, вид у преследователя-воробышка был такой безразличный, будто он этого скворца видит впервые. Но стоило тому сорваться и полететь вновь, как полевой воробей кинулся за ним, без секунды промедления и с прежней решительностью... Вскоре пугливый скворец и его дерзкий преследователь скрылись из виду.

Скворцы и полевые воробышки нередко селятся бок о бок в отвесных глинистых обрывах оврагов и часто из-за жилья между собою дерутся и ссорятся. Возможно, что и на этот раз «спор» у скворца с воробьем вышел также из-за гнездовья, так как на дворе стоял апрель — время, когда нужда в жилищах у птиц бывает особенно острой.

...Большие задиры и забияки эти полевые воробышки. Я вспомнил, как однажды, также весной, они пытались завладеть готовой норкой парочки зимородков, которые с большим трудом вырыли ее дней за пять непрерывной тяжелой работы. Зимородки тогда сумели постоять за свое жилище, дав отпор целой дюжине маленьких захватчиков. И как ни храбрились, как ни пыжились тогда полевые воробышки, но перед стойкостью зимородков вынуждены были с позором отступить.

В воробьиной храбрости я убеждался не раз.

Однажды рано утром я шел по аллее зоопарка. Вдруг до моего слуха донеслось тревожное чириканье воробьев. Я пошел на эти звуки. И вскоре увидел стайку воробьев, сидевших на асфальтированной дорожке, образуя собой плотный кружок, в середине которого что-то темнело. Что именно, я не знал, но было ясно: предмет как раз и явился причиной их возбуждения. Подойдя ближе, увидел: птички, вытянув шейки, заглядывали в середину «кружка». Он все более и более сужался, а щебет нарастал, усиливался нотками тревоги. Вот

один из воробышков, особенно погорячившись, отделился от остальных и сделал несколько смелых прыжков к центру кружка. В это время там что-то зашевелилось, и я увидел, как маленький смельчак увернулся от метнувшейся навстречу ему... змеиной головы.

Так вот оно что! В кольце птичек была змея. Я ускорил шаг и вскоре уже мог хорошо различить большую гадюку. Сама она свернулась колечком, а ее голова поднята. «Кольцо» из воробьев несколько ослабло — видно, их напугала змея. Но они не разлетелись. И только когда я подошел к ним совсем близко, стали неохотно разлетаться. Пошумев еще немного, они улетели.

Змеи нередко заползают в гнезда птиц и поедают их яйца, птенцов, а то и самих хозяев. Поэтому все пернатые боятся и не любят их. Но вот так «взять в окружение» змею могли только воробьи — птицы, у которых необычайно развиты коллективизм и взаимовыручка.

ЖИТЕЛИ ПРУДА

Лето — прекрасная пора в нашем зоопарке. Оживает этот удивительно зеленый уголок Алма-Аты. Я брожу по дорожкам, часами сижу у пруда. Фотографию и рисую. Совсем недавно я открыл для себя — больше всего меня тянет к птицам. Вот и этот рассказ — о пернатых. Забавные птицы. Обратят на себя внимание любого!

...На маленьком, обрамленном пышной растительностью пруду живут пеликаны, их отловили на далеком степном озере Семиречья Кара-Коль. Одиннадцать обладателей великолепных, достигающих полуметровой длины клювов с вместительными мешками. Скорее, это не просто мешки, а прямо-таки рыболовные снасти, которыми бы черпать да черпать рыбу:

Но... как найти применение такому отличному пеликаньему «оснащению» в зоопарке? Ведь в пруду-то рыбы нет. Пеликанов ежедневно вволю кормят рыбой из холодильника, а им самим очень хочется порыбачить. Тем более, что свободного времени хоть отбавляй.

А что если настояшую рыбалку заменить какой-нибудь увлекательной игрой? Пеликаны, чтобы скрасить свой досуг, так нередко и поступают. И в придумывании игр они очень изобретательны. Я бы мог рассказать о многих пеликаньих играх. Но вот эта, пожалуй, интереснее всех.

Как-то ранним утром я застал этих огромных и с виду серьезных птиц очень оживленными. Они плавали, суетились, стараясь овладеть добычей, которой служило буквально все, что случайно нанесло водою из арыка.

Вот пеликан плывет с гордо поднятой головой впереди целой группы птиц, и у него из клюва свисает нечто похожее на язык. Я знаю: у пеликанов языка вообще нет. А у этого — большой, широкий и черный, как язык... ботинок. Присмотрелся получше: и правда, в мешке этого пеликана рваный ботинок. Для него он, наверное, был чем-то вроде игрушки.

Те, что сзади него плывут, ему завидуют. А чуть поодаль другие пеликаны забавляются самыми обыкновенными палками. Они подбрасывают их вверх и, словно жонглеры, хватают в воздухе клювами. Точно так же пеликаны нередко поступают и с пойманной рыбой где-нибудь на степном озере: сперва ее подбросят вверх, а потом ловко поймают клювом и проглотят.

Палок было всего две, поэтому из-за них между пеликанами шла борьба. Они гонялись за обладателями этих игрушек и старались удержать их: хватали клювами за крылья или шею. Но не так просто было заставить счастливчиков расстаться с игрушками. Они взяли да вдруг, словно сговорившись, и попрятали их в мешки. А один для верности даже проглотил палку. Я просто изумился: как он решился на такое! Это был неструганный брусок размером не менее пеликаньего клюва. Я ясно видел оба угловатых конца — один выпирал из зоба, а другой в виде волдыря торчал с боку шеи...

Я торопился по своим делам и не мог долго оставаться у пруда. Неизвестно, как долго продолжались пеликаньи забавы. Но когда через час я снова заглянул на пруд, все пеликаны, довольные и веселые, сидели на берегу. А палок и ботинок нигде не было. Видно, припрятали — в другой раз пригодятся.

...Я долго любовался птицами издалека, не решаясь подойти. Наконец, как-то раз не выдержал. Сперва приблизился к забору, окружающему пруд. Стою и смотрю — пеликаны не уходят. Потом перелез через забор — стоят. Я осмелел совсем и сел подле них на берегу. Раскрыл альбом и сделал первые наброски. Рисую молодого курносого пеликана, а сам думаю: «Не ушли бы, все-таки дикари еще».

Прошла минута-другая. Вдруг птицы, будто сообразив, разом заволновались и одна за другой стали направляться ко мне. Я еще не понял, в чем дело, продолжал рисовать. Только вот уже пеликаны рядом, окружили меня, раскрыли свои страшные клювы и, как по команде, стали хватать кто за что. Одни набросились на альбом, другие тянулись к лицу, а два пеликана схватили меня за туфли. Не успел я ахнуть, как мои серые блестящие туфли вместе с ногами оказались в птичьих глотках. Потом я понял, что по всей вероятности, они ботинки приняли за крупных сазанов. Сгоряча попробовал я встать и тут же упал, как спутанный.

Растерялся я и немного испугался. Как на зло, никого вокруг. С трудом выдернул ноги из пеликаньих клювов и не помню, как через забор перемахнул... Потом узнал, что пеликанов не успели накормить, а к голодным лучше не подходи!..

Этот случай послужил для меня хорошим уроком, и когда я потом приходил наблюдать и делать зарисовки, то уж всегда держался подальше.

* * *

...Люблю я наблюдать за чомгой. Такая диковинная птица: рыжеватая, пушистая, на голове длинные перья торчат в виде рожек. А хвоста нет. Сзади лапки, мягкие и зеленоватые. Совсем не такие, как у других птиц.

Ее подарили зоопарку охотники. Отнесли чомгу на пруд и оставили на берегу. Захотела она в воду перебраться, да лапки у нее не годятся для ходьбы. Только встала чомга, чтобы идти, тут же и шлепнулась.

Стала чомга кое-как отталкиваться лапками. Чуть привстанет и оттолкнется, как лягушка. Так постепенно и перебралась с берега на пруд.

А на воде совсем другое дело: плавает, водичкой себя окатывает, перышки полощет. Почистила чомга перышки и давай нырять. Ловко так и без шума. На глазах у вас начнет этак медленно погружаться в воду и станет меньше, меньше — так вся и скроется под водой. Нет и нет чомги. Даже устанешь ее ждать. Соберешься уходить — смотришь, а она уже совсем в другом конце пруда.

В пруду плавали рыбки. Чомга это быстро разведала и давай за ними охотиться. Нырнет в воду — и ну гоняться. Стрелой носится под водой. Вода бурлит в тех местах, где чомга разбойничает. Это рыбки разбегаются от нее в разные стороны, кто куда.

Чуть зазевается рыбка, тут ее чомга и схватит. Потом из воды вынырнет и проглотит.

Весь день охотилась чомга за рыбками. Сначала ела их, а потом просто так, для забавы ловила.

Наступил вечер. Электричество зажглось. На пруду дорожки от лампочек засеребрились. Все птицы вышли на берег. Головы спрятали под крылья, успокоились, спят.

А чомга на воде осталась. В теплый пух лапки подобрала, клюв в перья воткнула и уснула на середине пруда.

С гор ветер подул. Вода на пруду рябью покрылась. Серебряные дорожки словно ожили, зашевелились; легким поплавком чомга на волнах закачалась.

Так и осталась чомга жить в зоопарке. И вот какая она: все время на воде — плавает да ныряет, ныряет да плавает.

Сколько еще есть удивительных пернатых, жизнь которых связана с водоемами? Всех даже не перечислить. Чернозобая гагра, выпь, волчок, кваква, савка, фламинго — до мало ли?

* * *

На нашем пруду подружились самец северной краснозобой казарки и самка южной красной утки (огарь или еще ее охотники называют атайкой).

Я долго наблюдал за этой парой.

И многое мне показалось удивительным. Так, казарки и огари — птицы по родству далекие, причем, казарка на пруду была единственной, а атаек было очень много; казалось, для утки не было никакого препятствия, чтобы выбрать себе кавалера из своей же родни! Каким образом казарка сумел покорить атайку в таких условиях, остается тайной, но дружили они очень крепко целый год. Насколько сильно они были привязаны друг к другу, говорит хотя бы такой случай.

Отлавливали атаек для того, чтобы переселить их на другой пруд. В числе пленниц оказалась и подруга казарки. Оставшись один, друг поднял крик. Кричал так жалостливо и настойчиво, что в конце концов решили не разлучать птиц. Как узнать ту атайку среди пяти пойманных и запертых в домике на берегу пруда? Что же — пришлось выпускать уток на пруд по одной. Казарка обрадованно кидался к каждой атайке, но тут же разочарованно отворачивался и уплывал от них. И надо же — подругой оказалась последняя атайка. Она не далась служителям в руки, а бросилась к раскрытой двери домика. Вот она уже на воле! Встреча была трогательной. Сколько нежности птицы оказали друг другу!

И все-таки спустя несколько месяцев после этого они расстались. Атайка оказалась неверной — она покинула своего друга и предпочла ему селезня из своего же «круга» — из атаек. Горько переживал казарка это вероломство, метался, наверное, с месяц на пруду, не находя себе утешения и покоя. Наконец, на его горе откликнулся такой же горемыка — гусь-белошей, который долгое время влачил жизнь в одиночестве среди шумливых стай уток, лебедей и гусей, населяющих пруд, и вот подружился с казаркой. Эту дружную пару и сейчас можно увидеть на одном из водоемов.

НОВИЧКИ

Новых животных, которых привозят в зоопарк обычно летом, я тут же бегу смотреть, как только услышу об этом. И сразу же день наполняется впечатлениями, открытиями. Особенно меня волнуют птицы. Думаю, что если бы я не стал художником, был бы орнитологом.

Вот фламинго... Загадочная гостья из Южной Америки появилась у нас впервые. Как тут усидишь на месте? Кстати, первая встреча с этой чудесной птицей была странной.

...Я поспешил к грузовику, который стоял на аллее возле конторы зоопарка и, заглянув в кузов, увидел в нем несколько клеток. Из одной, самой большой и крепкой, на меня предупреждающе уставились круглые, немигающие глаза рыси. В другой метался американский енот с хвостом, разрисованным ровными, аккуратными кольцами. Но где же фламинго? Известно, что птицы эти крупные, в высоту достигают более метра. А в кузове стояли совсем небольшие клетушки высотой, пожалуй, около сорока сантиметров. Вместо верхних крышек к клеткам была приколочена грубая мешковина, которая колыхалась, и было видно, что под ней есть что-то живое.

Но вот с одной из клетушек сняли мешковину. Шепот изумления вырвался у всех. Нам показалось, что коробка наполнена змеями... Такое впечатление производили головы фламинго. Да, именно змей напомнили длинные извивающиеся шеи птиц. Шеи изгибались, а головы поворачивались в разные стороны и больно щипали друг друга. Ни туловищ, ни непомерно длинных ног в клетке не было видно.

— Какой-то оптический обман. Цирковой номер! — сказал кто-то из присутствующих.

Конечно, туловища и ноги нашлись тут же. Оказывается, птиц старательно перепеленали перед отправкой в дальний

путь мешковиной. И посадили на дне клетки так плотно друг к другу, что они могли шевелить только шеей и головой.

Смекалка людей помогла сохранить необыкновенно ценных птиц, особенно их очень нежные и длинные ноги, которые обычно легко повреждаются при транспортировке.

Ясно, что после долгого сидения в тесноте фламинго теперь были особенно нетерпеливы: они дожидались своего полного освобождения и как можно скорее — потому и щипались. Мы не стали медлить, тут же распеленали птиц и вскоре все они оказались на широкой песчаной отмели просторного пруда. Вот тогда-то можно было вволю налюбоваться изумительной красотой этих стройных, в нежно-розовом оперении пернатых — обитателей тихоокеанского побережья Южной Америки.

Впоследствии работники нашего зоопарка не раз прибегали к «пеленкам» при пересылке птиц. Причем, не только, скажем, цапель, аистов, журавлей и других длинноногих птиц, но и всякого рода хищников: сипов, коршунов, канюков. И это очень удобно: упакованные таким образом птицы занимают меньше места, ведут себя спокойнее и не травмируются в пути.

* * *

Обитатель болот — выпь — в нашем зоопарке живет в клетке. Редкая птица. Она — близкая родственница серой цапли. И такая осторожная, что мало кому доводилось ее видеть. Понаслышке только и знают про нее, да крик иногда слышат. Бывает, охотник весь день ходит по болоту и не замечает, что рядом с ним эта чудо-птица затаилась. Очень похожа выпь на камыш — вся желтая, в продольных коричневых пестринах. Оттого ее и увидеть трудно.

И что удивительно — вот такую-то птицу однажды в городе поймали. В зоопарк ее мальчик в корзинке принес.

Дедушка мальчика проснулся как-то рано утром и пошел в палисадник, а там какая-то птица взад-вперед ходит. Старик потихоньку загнал ее в сарай и поймал.

В зоопарк часто приносят разных диких птиц: фазанов,

поганок, филинов, болотных курочек. Это они, пролетая над городом, иногда случайно ночью в сады опускаются. Растеряются в незнакомом месте, тогда их и поймать легко.

В зоопарке посадили выпь в клетку, где было два больших окна. Изнутри окна затянули металлической сеткой. Стала выпь из угла в угол ходить да высматривать, как бы из клетки уйти. Попробовала голову просунуть сквозь сетку, но клюв длинный в стекло уперся. Совсем это непонятно выпи: вроде бы и ничего нет перед ней, а вылезть наружу нельзя! Потом она в темный угол забралась, встала там, вытянулась и застыла на месте. Спряталась, значит. Сразу и не подумаешь, что это живая птица. Какая-то сухая, заостренная палка, да и только. Удивительно!

На другой день я пошел еще раз выпь посмотреть. И что такое? Сколько я ни всматривался то в одно, то в другое окно, нет в клетке выпи. Может, заболела и ее лечить унесли?

Вдруг — трах, трах! Как застучит кто-то сильно в стекло, как раз против моего лица. Я от неожиданности даже испугался и отшатнулся от окна. И только тогда выпь разглядел.

Пока я дальнюю часть клетки рассматривал в окно, выпь совсем под носом у меня была. Своими бесцветными глазами уставилась и в сердцах в лицо меня клюнуть собиралась!

Сердитую — не узнать: распушилась и стала, как растрепанная копна. Ни на что больше не похожа! Перья на ней взъерошены, крылья в стороны растопырены, а шея толстая-претолстая и раскачивается из стороны в сторону.

Ух и страшная!

* * *

У голубого (или ушастого) фазана, обитающего в высокогорьях Тибета, отменный клюв. Он приспособлен для добывания луковиц горных растений. Словно киркой или заступом орудует своим клювом этот фазан, откапывая в каменистой почве дикий чеснок и лук.

Клюв гостя с Тибета в нашем зоопарке чаще всего остается без надлежащего применения — фазан ест пищу, специаль-

но для него приготовленную. Но инстинкт побуждает его искать что-нибудь твердое, чтобы подолбить клювом. Он находит и... долбит. За этим занятием ушастого фазана можно увидеть постоянно. Особенно по душе жителю зоопарка рыться в песке, который толстым слоем покрывает пол его клетки. Случается, петух увлекается до того, что дорывается до твердой земли, и тогда из лунки видны спина и хвост. За день он вырывает не одну такую яму. Но этого ему мало. Чтобы дать полную нагрузку сильному клюву, он вдруг начнет колотить о деревянную кормушку. С особенным старанием любит экзотическая птица повозиться с обнаруженным в песке камешком. Словно стремясь расколоть его, голубой петух широко взмахивает головой, как кузнец кувалдой.

...Я подолгу смотрю на этого скромного красавца. Голубой фазан отличается от своих многочисленных собратьев —золотых, королевских и других — не одними только повадками, но и внешностью. В сравнении с ними в его наряде нет крикливости. Зато особую прелесть придают птице рассученные и прихотливо изогнутые перышки хвоста да еще «уши» — длинные пучки белых перьев, которые венчают его голову.

* * *

...До чего же часты в зоопарке новички.

Всего один день не смотрел я зверей и птиц, а там уже успела объявиться гостья. Смотрю — посетители столпились у клетки. Вот это да! Птица редкостная. Другие берут цветистым оперением или еще чем, а эта — ногами.

Удивительные такие ноги, длинные. Кажется, будто птица на очень высокие подпорки поставлена. И когда она идет, то вроде туловище отдельно в воздухе плавает, а лапки сами по себе по песку переступают.

Прохаживается она на длинных ногах-ходулях, точно щеголяет ими.

— Издалека, видно, привезли красавицу такую,— сказал кто-то из посетителей.

Пришлось пояснить, что это не так. Птица — кулик. Ходулочником его называют. И ниоткуда его не привезли. Наш он, казахстанский. Почему-то часто вот такое слышишь: если что очень интересное появится, то обязательно «привезли издалека». Даже обидно! На самом деле и рядом с нами много интересного. Только присмотреться надо.

Долго я наблюдал за ходулочником. И не зря время тратил — многое о нем узнал. Очень интересно было смотреть, как он кормится. Чтобы дотянуться до земли за червяком, птице приходилось выполнять сложное «физкультурное» упражнение: она так резко наклонялась, что туловище из горизонтального положения принимало вертикальное. Только что вверху голова была, а уже там оказался хвост. Но даже в таком «перевернутом» виде кулик не достал бы клювом до земли, если бы сильно не подгибал в коленях ноги.

Но вот кулик насытился, поджал ногу и на одной остался. Стоит на этакой тонюсенькой подпорочке и чуть заметно покачивается из стороны в сторону. Совсем интересно. А потом на этой головокружительной высоте длинный свой нос в перья спрятал и, так вот стоя, уснул. Чудная птица, ничего не скажешь. Забавная!

... Куликов на свете много — более 300 видов. И все разные. Галстучники, травники, мородунки, зуйки... Я знаю многих из них, но вот турухтана... Об этой птице я слышал и читал еще в детстве, а видеть ее не приходилось. Может быть, потому, что она — северная, ее дом — тундра. Над Казахстаном она только пролетает — огромные стаи турухтанов, похожие на стаи скворцов, проносятся высоко в небе.

И вот совсем недавно я, наконец, встретился с турухтаном — охотники принесли в зоопарк четырех великолепных самцов и одну самку.

Первое, что поражает в этих птицах,— оперение. Расцветка его особенная. Если взять куликов любого другого вида, то все они каждым перышком похожи друг на друга. У турухтанов, наоборот, и двух птиц не сыщешь одинаковой окраски. Пестрые, как домашние голуби. Самцов отличает более шикар-

ное оперение. Они по сравнению с самками просто франты! Особенным великолепием блистает их главный убор — пышные воротники из перьев. Природа постаралась, наградив турухтанов столь роскошным брачным украшением, одновременно являющимся для них и средством защиты от соперников. Именно воротник использует самец в качестве рыцарского забрала во время драк.

У четырех самцов, поселившихся в клетках нашего зоопарка, воротники были разные: у одного черный, отливающий в зеленый, у другого — коричневый в крапинку, у третьего — оранжево-палевый, а у четвертого — совсем белый. Наряд самки был предельно скромным: серенькая, длинноносенькая и... без воротника!

Попав в неволю, почти любая птица выглядит угнетенной и растерянной, хотя бы в первые один-два дня. Но наших турухтанов ни неволя, ни присутствие людей вовсе не смутили. Едва их вытряхнули из мешка и едва они очутились в клетке, как все самцы дружно распустили воротники и, выставив клювы, словно рапиры, приготовились начать потасовки. Даже здесь их природное свойство — драчливость по каждому поводу (не дерутся, когда летят стаей или спят!) — довольно отчетливо проявилась сразу же.

Я много наблюдал за турухтанами. Самым воинственным был кулик с белым забралом. Он даже в присутствии птичницы пробовал кидаться на своих соперников. Чаще всего все кончалось угрозами. Они казались мне порядочными хитрецами, скорее делали вид, что готовы вступить в драку. И я по-своему разгадывал их «маневры». Когда они «делали вид», то, наверное, хотели сказать: «Не очень-то надо показывать всем, на что ты способен. В драке может обнаружиться и собственная слабость! Как быть потом слабому среди сильных, да еще на ограниченном пространстве клетки!»

Но настоящие схватки все-таки случались. Стычки начинались на земле, а заканчивались в воздухе, где они налетали друг на друга и сталкивались, как петухи. Так как все четыре турухтана постоянно враждовали между собой, то сами того не

замечая, разместились все на полу клетки так, словно бы поделили его между собой на равные части. Сказались вековечные их привычки делить места обитания на кормовые участки и ревностно их оберегать от других. Надув воротники, они словно застывали каждый на своём «клочке», с подозрительностью следя за соперниками. Стоило кому-нибудь из них, пусть даже случайно, чуть шевельнуться, как все тут же настораживались, поворачивая носы в его сторону. Так они смотрели на него минуту-две. Затем успокаивались. Ненадолго.

Однажды турухтан, напугавшись чего-то, взлетел в воздух и сразу же оказался над участками собратьев. Те подняли клювы кверху, и взлетевший не посмел приземлиться вблизи какого-нибудь из них. Так силен закон неприкосновенности чужой территории. Ему пришлось снова вернуться на свой «пятачок».

Вскоре первый боевой пыл у наших пернатых рыцарей несколько поулегся. Словно оглядевшись, они поняли: их владения далеко не равноценные. В самом выгодном положении — турухтан с белым воротником. На его клочке пола клетки стояла кормушка и был маленький бетонный бассейн с водой. Так что все остальные кулики оказывались в зависимости у этого богача. Между тем голод гнал то одного, то другого к кормушке с пищей, а тридцатиградусная жара — искупаться в бассейне и утолить жажду.

Как и следовало ожидать, вскоре начался передел владений. Каждому хотелось быть ближе к кормушке. И все они исподволь стали теснить белошеего. В конце концов тот не устоял, и его участок перешел к обладателю воротника черного с зеленым отливом. Но ни ему, ни другому не удалось удержать участок за собой. Поэтому его хозяева менялись часто: утром владеет один, в обед — другой, а к вечеру — третий. За долгий летний день иной кулик раза три бывает богачом и столько же раз «разорится».

А что же самка? Она ничем особенно себя не проявила. Я думал, глядя на эту обыкновенную птицу: «Застенчива, невозмутима».

Похоже, «серость» самки определена природой. У каждого турухтана по четыре подруги. Притом самцы, эти гуляки от природы,— плохие семьянины, никакого участия в воспитании птенцов не принимают, переложив трудную миссию на своих скромных подруг, которым, по-видимому, просто некогда «подумать» о своей внешности...

БОРОДАЧ

Летом птица линяет. Пока на дворе тепло да благодать, торопится старые, изношенные перья сменить на новые, нарядные.

Известно: перо перу рознь. Есть такие, которые только как одежда нужны птице. А другие еще особую службу несут. Например, украшением являются, а то и... оружием.

Как-то июньским утром заглянул я в клетку обитателя гор — бородача, или ягнятника, и просто ахнул: там валялось перышко, можно сказать, невиданное. Очин толщиною в ручку автоматическую, а когда я его извлек из-за решетки и измерил линейкой, в нем оказалось семьдесят три сантиметра! Перо было прочное, гибкое — все равно что настоящая шпага...

Такие перья растут на самых концах крыльев ягнятника. Это — его оружие. Горные хищники не прочь иногда напасть на тека, архара или серну, которых ударами своих крыльев сбрасывают с крутых уступов скал в пропасть. Более десятка перьев-шпаг имеется у пернатого разбойника на обоих крыльях, достигающих в размахе около трех метров.

...Долго наблюдая за бородачами, я однажды назвал их про себя «шпагоглотателями». Да, да. Мысль эта возникла не по аналогии со «шпагой», о которой я только что рассказал. Познакомившись с ягнятниками поближе, я вспомнил почему-

то номер цирковых иллюзионистов — заглатывание шпаги. Конечно, бородач шпаг не ест, но может спокойно проглотить длинную с острыми обломанными концами кость.

...Теперь я уже твердо могу сказать, что от любого крупного пернатого хищника, даже близких своих родственников, таких, как бурые грифы и кумаи, ягнятники-бородачи отличаются многим. Они никогда не участвуют в шумных дележках принесенных птичницами обедов, сопровождающихся нередко потасовками и даже серьезными стычками за овладение лучшими кусками. И вот, в то время, когда орлы-степняки, могильники, орланы-белохвосты, беркуты, грифы, кумаи заняты между собою дракой — ягнятники сидят где-нибудь в отдалении и сохраняют полнейшее спокойствие. Кажется, что их абсолютно ничто не волнует. Но это, конечно, совсем не так. Они ждут с нетерпением, чтобы орлы, закончив драку, приступили к поеданию мяса — тогда на площадке появятся обглоданные кости. Вот тут-то ягнятники и отправятся на своеобразный промысел. Словно сборщики утиля, они бродят по поляне, подбирают клювами кости и складывают их в свои зобы. При этом годными могут быть кости самой разной величины и формы. Страшно бывает видеть, как крупные куски позвоночника жертвы с торчащими в разные стороны острыми концами ребер с усилием заглатывает ягнятник, и они в конце концов все же исчезают в его ненасытной и вместительной утробе.

По наблюдениям ученых, на воле (в Казахстане бородачи-ягнятники распространены кое-где в горах на юго-востоке и востоке, но повсюду очень редки) эти хищники порой могут довольствоваться совсем уж непригодными частями животных, такими, как копыта и рога, а также старыми, побелевшими на солнце костями и высохшей кожей.

Бородач — один из немногих пернатых, который избрал самое суровое время года — зиму — для гнездования. В ноябре — декабре у бородачей происходят брачные игры. Тогда же они строят свои гнезда. Яйца откладывает самка в начале января. Обычно два. Однако вскоре яйцо, снесенное первым,

самка съедает. Сменяя друг друга, пара бородачей насиживает единственное яйцо рекордно долгий срок — почти полных два месяца. К середине марта в гнезде наконец-то появляется пуховичок.

Выклюнувшийся птенец под стать своим родителям. Примерно в полутора-двухмесячном возрасте в его пищевой рацион входит не только мясо. Родителя заталкивают в рот прожорливого своего отпрыска ребра и другие кости, отдельные из них достигают длины 20 и более сантиметров. Так уже с раннего возраста бородаченок приобщается к очень своеобразному столу взрослых ягнятников.

В июле бородаченок, достигнув размеров старых птиц, покидает родительский дом. Окраской оперения в это время молодой резко отличается от взрослых. И этот свой юношеский наряд он носит полных три года.

САНИТАРЫ

Грифы — единственные из всех крупных пернатых хищников, которые не нападают на живую добычу. Они поедают павших животных, часто уничтожая таким образом возможные очаги заражения. Этим они приносят большую пользу людям. Недаром грифы получили прозвище крылатых санитаров.

Однажды на окраине Алма-Аты на вершину высокого старого тополя, который рос в усадьбе одного из жителей, внезапно опустилась огромная птица темно-бурого цвета. Это был гриф. На дереве он сидел недолго. Раздался резкий свист крыльев, и гриф ринулся во двор, где разгуливало несколько откормленных индеек.

«Так вот зачем ты пожаловал!» — подумал заметивший его хозяин дома и кинулся выручать птиц. Однако тревога

была напрасной: гриф мирно сидел рядом с индейками и не собирался на них нападать. И хозяин понял, что птица отбилась от стаи и приняла индеек за своих собратьев.

* * *

Своеобразные санитары и наши обыкновенные стрекотухи-сороки. В зимнее время они иногда только тем и заняты, что отыскивают насекомых на шкуре домашних животных. И те понимают пользу, приносимую белобоками, беспрепятственно позволяют им хозяйничать — садиться на спину, скакать по бокам, шее, взбираться на голову, рога и т. д.

У нас в зоопарке нередко сорок можно увидеть в «гостях» у животных — туров, козерогов, маралов и даже зубров. Но кое-кто из них обладает злым нравом, редко прощает стрекотухам их самовольные выходки.

Наблюдал я как-то такую картину.

...Зимнее невеселое утро. Сквозь густую морозную дымку багровым расплывчатым пятном проглядывает солнце. В просторном загоне из стальных балок в снежном сугробе, как в мягкой перине, лежит великан лесов — зубр. В этом древнем копытном звере много загадочного, даже в самом виде его есть нечто от сфинкса. Сорока уже несколько минут донимает этого исполина своими тщетными попытками сесть на его теплую шкуру. Зубр всячески противится этому — он то и дело грузными взмахами головы гонит нахалку прочь. Несколько раз сороке все же удавалось сесть на спину великану, но следовал новый взмах головой, и незваная гостья поспешно убиралась восвояси. Однако настойчивая птица все упорствовала, и я поневоле захотел досмотреть, чем все это кончится.

Известно, что сороки, как и ближайшие их родственницы — вороны — обладают природной смекалкой и хитростью. И вот наша проказница сообразила, что надо действовать не в лоб, а, так сказать, обманом. Сделав вид, что ее больше зубр не интересует, она села на снег за его спиной и скачками стала подбираться к животному. Зубру ничего не оставалось, как

применить новое средство защиты — хвост. И он стал отмахиваться от белобоки совсем как от назойливой мухи.

В конце концов сорока надоела ему, видно, донельзя. Великан вынужден был подняться на ноги. Отдых испорчен. Сорока попыталась было еще и после этого налететь на него, но зверь, и без того сердитый, рассвирепев теперь не на шутку, так энергично отмахнулся от нее разом хвостом и головой, что плутовка поняла наконец: игрушки плохи — и улетела сорока-белобока на этот раз совсем из загона, только длинный хвост ее мелькнул.

...Весной во время перелета птиц я наблюдал, как галки приютились в углу одного из просторных загонов в обществе мирно жующих овец и ланей. И неспроста — я понял это вскоре же. И вот вижу — на спине почти каждой овцы сидит по одной из этих вездесущих пернатых. А одна галка ухитрилась даже взгромоздиться на голову овцы, и та покорно сносит подобную бесцеремонность гостьи. Животные будто даже горды присутствием пернатых, и те, на ком их нет, похоже, завидуют своим подругам. Но совсем по-иному, агрессивно, относятся к незваным пернатым гостям лани. И если какая-нибудь из галок попытается даже не сесть, а просто подлететь к этим пугливым животным, они вдруг начинают энергично отмахиваться и отбиваться от нее головами и ногами. И это совсем не случайно.

Галки по свойственной им древней привычке любят искать на шкуре животных личинок насекомых, а лани их интересуют, так как у них короткая шерсть, их легче обыскивать, чем косматых овец.

В своих устремлениях галки упорны, и это позволяет им вскоре найти способ укрощения строптивых дикарок — ланей. Он прост. Так как все животные — и домашние, и дикие — образуют один сплошной табунок, галкам оказалось нетрудно сидеть на овцах и в то же время клювами работать на теле ланей. Так смышленым птицам нередко удавалось усыпить бдительность недоверчивых животных и поживиться добычей, которую они смогли отыскать.

ЖАВОРОНКИ

Зимуют обычно эти не очень-то крупные пичужки в довольно суровых условиях. Однажды зимой я увидел громадную стаю черных жаворонков в занесенной глубокими снегами алтайской степи. Обжигающие ветры здесь дуют по целым суткам, а морозы-то здесь довольно крепкие — доходят до 35—40 градусов.

В иные зимы эти черные птички огромными, похожими на скворчиные, стаями прилетают зимовать в Семиречье и другие места. Но где бы ни кочевали зимой черные жаворонки, гнездиться они неизменно возвращаются на свою исконную родину — в обширные степи Центрального и Северного Казахстана.

Мне довелось понаблюдать за черными жаворонками, когда однажды десятка два этих птичек поселились в клетке Алма-Атинского зоопарка. После перелетов по привольным степям клетка была для них более чем тесной. Но разнообразный корм в какой-то мере скрашивал жизнь пленников. Вели птички себя очень смирно, не проявляя друг к другу ни малейшей неприязни. Но так продолжалось только до тех пор, пока стояли тридцатиградусные морозы. Когда температура повысилась и на небе засияло солнце, между птичками (в стайке оказались только самцы) начались драки, чем-то похожие на петушиные. Напыжившись и стоя друг против друга, они трясли головами, склевывая что-то возле себя. По мере того, как один из соперников медленно приближался к другому, тот начинал попискивать, видимо, выражая свой гнев. Наконец, нервы у него сдавали, и он первым бросался в бой. Целыми днями можно было видеть подобные потасовки между черными жаворонками.

У живших в клетке черных жаворонков было особое пристрастие к снегу. Служители ежедневно по утрам насыпали им

свежего снега. За день жаворонки утрамбовывали горку лапками. Утром им снова насыпали снега.

Меня заинтересовали аккуратные луночки, которые появлялись на снежной горке, но для чего их делали птицы и главное как, я не знал. Однажды я пришел к клетке ранним утром. Смотрю, сидит жаворонок на сугробике. Вдруг он оглянулся и... нырнул головой в чистый рассыпчатый снег. Потом еще и еще. Нырнет, да еще головой покрутит. Я понял — он умывался. Затем погреб лапками снег, присел, покружился на месте и сделал луночку. Точь-в-точь такую, какие я видел ранее. Так жаворонок почистился в снегу, а затем принялся клювом распрямлять перья.

Иных пернатых можно назвать водолюбами, а у черных жаворонков и здесь своя странность, они — снеголюбы.

ПИНГВИНЫ

Однажды я по обязанностям экскурсовода сопровождал группу ребят. Мы остановились у вольера гостей из южного полушария — пингвинов.

Черноглазая девочка лет девяти сказала:

— Жарко им, наверное, у нас, бедненьким.

— Не Антарктида ж здесь: вон как палит солнце! — отозвался мальчик повзрослее.

— Им бы льда побольше,— вставил свое слово в разговор белобрысый крепыш.

Я рассказал ребятам об этой удивительной птице, которую в наших краях не встретишь.

...Пингвины живут не только в Антарктиде. Некоторые виды этих птиц обитают также и в местах с более умеренным и даже жарким климатом. Например, на морском побережье

юга Африки. А один приспособился жить даже на экваторе. Переносит жару!

На земном шаре много разных пингвинов и у каждого из них свое название: императорский, королевский, великолепный... Есть золотоволосые, малые, очковые, пингвины Аделя и другие. Самые крупные среди них — императорские. При высоте более одного метра они имеют внушительный вес — до 40 килограммов.

Все эти нелетающие птицы живут огромными колониями, в которых насчитывается много сотен тысяч пар. Пинвины не могут летать вовсе не потому, что у них нет настоящих крыльев. Даже если бы они у них имелись, пингвины вряд ли смогли ими воспользоваться. Все объясняется так. Если все летающие птицы — воробьи, ласточки, журавли, лебеди и другие — имеют малый вес, потому что их кости наполнены воздухом, то у пингвинов в костях не воздух, а особое костное вещество. Поэтому скелет пингвина слишком тяжел для воздушных полетов. Но хотя пингвины лишены способности летать, они много странствуют, уходя от мест гнездования на сотни и тысячи километров, чтобы затем вернуться туда снова.

У пингвинов немного врагов, но одного — очень хищного тюленя (морского леопарда) — они панически боятся.

В нашем зоопарке живут золотоволосые пингвины. Они обитают на островах в южной части Атлантического и Индийского океанов. Свои простенькие гнезда птицы строят на земле. В них самки откладывают два яйца. Примерно после месячного насиживания выклевываются птенцы, одетые в пуховой наряд серо-голубого цвета. Ну, а почему они имеют название «золотоволосые», догадаться не трудно — из-за удлиненных перьев золотистого цвета, которыми украшены их головы.

Интересна история, как пингвины попали к нам в зоопарк.

...Сахалинскому рыболовецкому морозильному траулеру «Тигиль» неоднократно приходилось бороздить воды Индийского океана и прилегающих к нему морей. Как-то во время плавания траулер зашел в бухту острова Кергелен, что затерялся в безбрежных океанских просторах южного полушария, попол-

нить запасы пресной воды и провианта. Тепло встретили островитяне советских моряков, и они были приглашены на прием к самому губернатору острова. А когда пришло время проститься, жители острова в знак уважения и дружбы подарили нашим морякам живые сувениры — четырех золотоволосых пингвинов. Несмотря на небольшие размеры острова Кергелен, на нем удивительно богатая природа и животный мир. Растут на нем кокосовые пальмы, морские пляжи дали приют лежбищам морских слонов, на равнине много зайцев, которые живут в глубоких норах. Есть на острове и большая колония золотоволосых пингвинов.

Вскоре после посещения Кергелена траулер взял курс к берегам Родины. Заботясь о дальнейшей судьбе чудесных птиц, моряки, посоветовавшись между собой, решили передать пингвинов в один из лучших зоопарков Советского Союза — Алма-Атинский. Так наш зоопарк оказался обладателем редкостных птиц.

Четверка пингвинов еще на траулере успела привыкнуть к людям, поэтому в вольере зоопарка они сразу могли принимать пищу — свежемороженую рыбу — прямо из рук служителей. По их поведению нисколько не было заметно, что они тоскуют по своей далекой родине.

В просторном вольере вместе с пингвинами живут и другие птицы: чайки, лысухи, кулики, цапли. Все пернатые непоседливы. Они постоянно шумят, ссорятся, плещутся в воде, бегают, словом, суетятся. А вот у наших гостей поведение совсем иное. Эти больше сидят невозмутимо и спокойно. Единственный раз, правда, нечто вроде спора было между ними. Это случилось сразу же после вселения их в этот вольер. Пингвины поссорились из-за камней-валунов, которые лежат у края бассейна. Птичницы положили их просто для оформления вольера. Но пингвинам камни неожиданно приглянулись. Как только они их увидели, стали ловко на них запрыгивать. Затем, сидя на возвышении, спокойно взялись приводить в порядок свои перышки. Но одному пингвину камня не досталось и он хотел было завладеть валуном одного из собратьев, но тот ему

не уступил. Загалдели пингвины. Видя это, птичницы принесли новый валун, и гости утихомирились. С тех пор их часто можно видеть сидящими на валунах.

...Когда я смотрю на этих птиц, невольно улыбаюсь. До чего трогательны! Очень смешны они в своей неуклюжести. Однако определенная «мешковатость» не мешает им легко и ловко прыгать. Вот к полуметровому камню устремился один из пингвинов. Высота птицы — всего сантиметров тридцать пять. Подойдя вплотную к камню, пингвин сначала словно прикинул на глаз: «Смогу ли?» Постоял немного. И вот — прыжок, легкий и без всяких видимых усилий. Вытянулся, как статуэтка. И кажется, будто кто-то невидимый бережно его поставил на камень.

... Почти все мы любим телевизионную передачу «В мире животных». О жизни пингвинов в их естественной среде мы видели удивительные кадры. И все-таки ни с чем не сравнимое впечатление дает встреча с живыми пингвинами. Не перестаешь удивляться — как богата и щедра природа на чудеса.

СОДЕРЖАНИЕ

От зверинца — к государственному зоопарку 6 Счастье — это быть с природой 17 Первенец в семье кенгуру 33 Июнька 38 Кокок 39 Злюка 48 Дикарка 50 Лисенок 51 Ясли для зверят 53 Слонята 56 Нежные родители 65 Встреча в горном ущелье 71 Горный козел 73 Туры 75 Снег, снег 76 Свирепые 80 Дружные 83 Соперники 85 Шакалы 86 Лесной рыцарь 87 Ручной носорог 89 Гортилла 90 Фенеки 93 Мишкины радости 94 Чудо-звери 96 Зимние гнезда сов 101 Лебеди 103 Журавли 108 Крякуша 111 Павлины 113 Дрофы 115 Воробей 116 Жители пруда 118 Новички 123 Бородач 130 Санитары 132 Жаворонки 135 Пингвины 136

ИБ 408

Андрей Васильевич СИНЯВСКИЙ

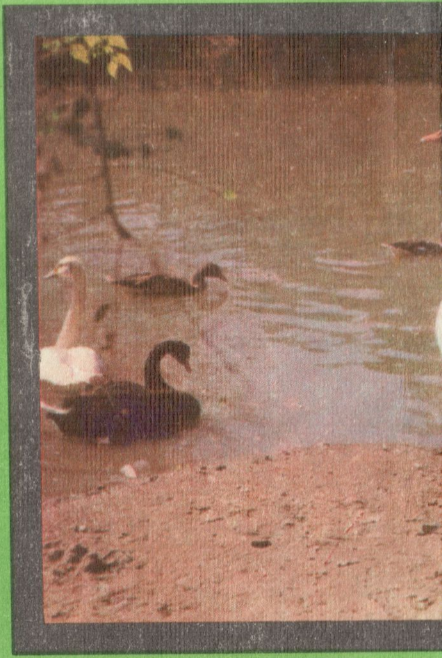
АЛМА-АТИНСКИЙ ЗООПАРК

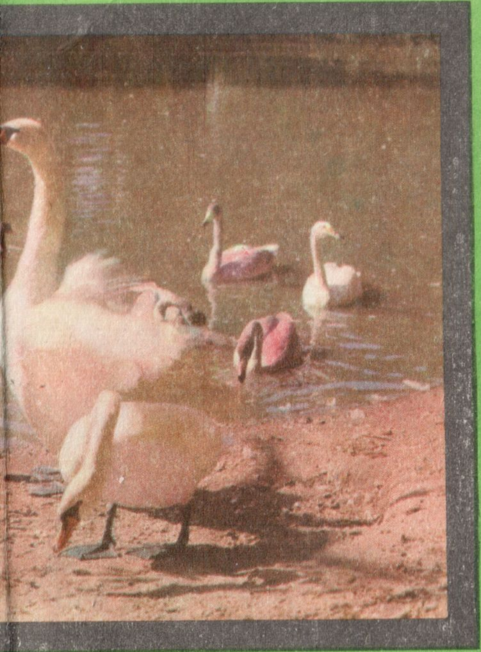
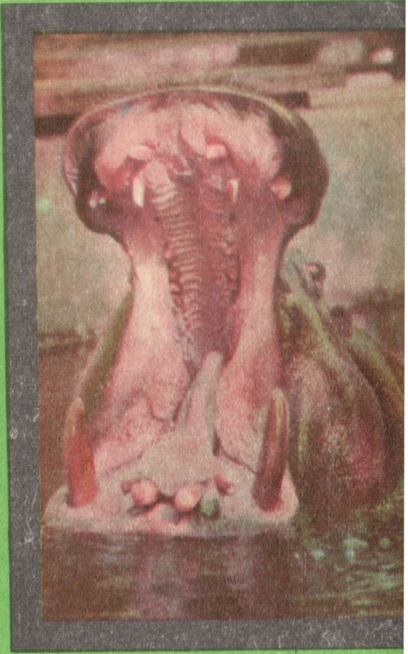
Оформление художника Б. Жапарова. Редактор А. Е. Орловская. Фото А. Синявского, Ю. Куйдина, Г. Пасечникова, П. Симонова, П. Тищенко. Художественный редактор Б. Жапаров. Технический редактор Ф. К. Шабанова. Корректор А. Н. Хакимжанова.

Сдано в набор 13/VII 1977 г. Подписано к печати 17/I 1978 г. Формат 70×108¹/₃₂. Объем в усл. п. л. 6,1+2,1 вкл.=8,2. Уч.-изд. л. 6,0+2,3 вкл.=8,3.
Тираж 135 000 экз. Цена в переплете № 4—79 коп., в переплете № 1—70 коп.
УГ03015.

Издательство «Кайнар», 480009, г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Заказ № 2030. Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.



70 к.

„Кайнар“